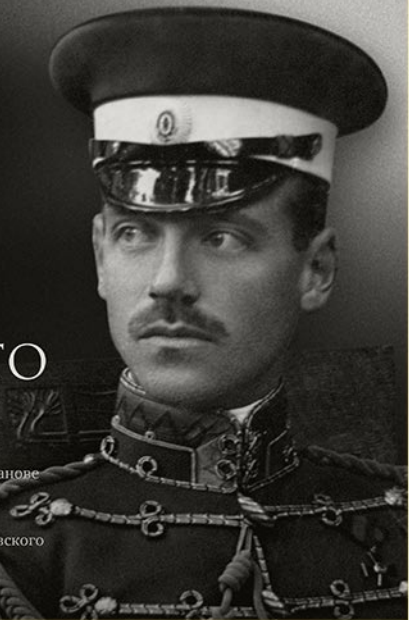

ИКОНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Сказание о Великом Князе
Михаиле Александровиче Романове
и его моленной иконе
Божьей Матери Казанской,
что ныне пребывает в церкви
преподобного Серафима Саровского
на Серафимовском кладбище
Санкт-Петербурга

Епископ Митрофан (Баданин)

ИКОНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове
и его моленной иконе Божьей Матери Казанская,
что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского
на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга

Ладан
Санкт-Петербург – Североморск
2017

ББК 63.3(2)52-8 + 86.372
УДК 94(47) + 271.2
М67

Митрофан (Баданин), епископ.

М67 ИКОНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ : сказание о Великом Князе Михаиле Александровиче Романове и его моленной иконе Божьей Матери Казанская, что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга / епископ Митрофан (Баданин). – Санкт-Петербург ; Североморск : Ладан, 2017. – 156 с. : ил.

ISBN 978-5-86983-105-7

В основу книги положено семейное предание о спасенной и тайно сохраняемой в течение гонений XX века иконе, принадлежавшей семье императора Александра III.

Икона Божией Матери Казанская (Богородичной Площанской пустыни) являлась моленным образом брата Царя Стратотерца Николая II, Великого Князя Михаила Александровича, фактически последнего российского императора Михаила II. Удивительная история сбережения этой чудной иконы раскрывается на фоне истории жизни Великого Князя, судеб его ближайшего окружения, верных друзей и слуг, мира лучших представителей Российской державы, людей, выросших и воспитанных в тысячелетней традиции Православной веры. Книга ясно свидетельствует о безмерной величине наших потерь и масштабе духовной катастрофы, пережитой Россией в XX веке. Книга зовет очнуться от наваждения беспамьятства и скорбно вздохнуть о той великой стране, о России, которую мы потеряли и которую чаем обрести вновь.

ББК 63.3(2)52-8 + 86.372
УДК 94(47) + 271.2

ISBN 978-5-86983-105-7 © Издательство «Ладан», дизайн, 2011
© Епископ Митрофан (Баданин), текст, 2011

Автор посвящает эту книгу четырехсотлетию Дома Романовых
и четырехсотлетию спасения России от врагов в 1612 году
заступлением Божией Матери ради Казанской иконы Ее

ОТ АВТОРА

Приступая в свое время к написанию этой книги, автор ставил перед собой хотя и ответственную, но достаточно скромную задачу – изложить на бумаге известное лишь ему семейное предание о моленной иконе Божией Матери Казанская, принадлежавшей брату Царя Стратотерпца, Великому Князю Михаилу Александровичу, фактически последнему российскому императору Михаилу II.

Однако, ближе познакомившись в ходе исследования с личностью Великого Князя, с историей жизни этого замечательного человека и его удивительным внутренним миром, автор посчитал совершенно необходимым рассказать об этом несколько подробнее. Дальнейшее изучение судьбы Михаила Александровича и знакомство с публикациями на эту тему подвигло автора высказать свою, подчас отличную точку зрения на сей предмет. Знакомство с окружением Великого Князя и духовной основой мировоззрения этих людей лишь укрепило в решимости постараться приблизиться к тому, ныне безвозвратно потерянному, миру лучших представителей России, миру людей, выросших и воспитанных в тысячелетней традиции Православной веры.

Потому, называя эту книгу «Икона Великого Князя», автор под словом «Икона» имеет в виду уже нечто большее, чем лишь упомянутый выше образ Божией Матери Казанская, принадлежавший Дому Романовых. «Икона», – как сама суть духовного мира Михаила Александровича, как его нравственный идеал и объект глубоких сердечных привязанностей, как некий обобщенный образ веры и смысла жизни человека.

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ,

ЧТО В ЦЕРКВИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО
НА СЕРАФИМОВСКОМ КЛАДБИЩЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище стоит деревянная кладбищенская церковь, освященная в 1907 году во имя преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Церковь эта пережила все гонения XX века, упокоила у своих стен сотни тысяч мучеников блокадного города, а позже и многие жертвы послевоенных трагических событий и катастроф, что придало Серафимовскому кладбищу статус мемориала.

Церковь, кроме того, знаменита и тем, что здесь долго, в течение 26 лет, служил настоятелем известный старец последних времен протоиерей Василий Ермаков (†2006). Он сумел собрать и благодатно окормлял вокруг этой маленькой церквушки многотысячный и удивительно деятельный, «живой» приход.

В правом, святой мученицы Александры, пределе церкви у клироса в большом напольном киоте хранится икона Божией Матери Казанская. Внимательный взгляд сразу отметит удивительный и глубокий в Своей светлой печали облик Царицы Небесной с Ее Божественным Младенцем. Особый статус и царственное величие придает образу тяжелый серебряный оклад с богатой прочеканкой и гравировкой, увенчанный Большой императорской короной.

Если дерзнуть вынуть икону из киота и снять драгоценный оклад, то под ним обнаружится надпись: «1888 года, февраля 5 дня написан сей образ». Икона эта принадлежала семье Романовых, а именно Великому Князю Михаилу Романову, младшему брату Царя Стратотерпца Николая Второго.

В течение всего страшного времени гонений на веру икона сберегалась в нашем доме, во флигеле дворца Великого Князя на улице Галерной, 55 (в советские времена улице Красной), где в 1953 году на свет довелось появиться и мне, недостойному автору этих строк.

Когда же, осенью 1953 года, меня крестили в Свято-Никольском Морском кафедральном соборе, то крестил меня только что закончивший семинарию молодой иерей Василий Ермаков. Это была, если так можно сказать, наша первая с ним

Казанская икона
Божьей Матери, что в
церкви преподобного
Серафима Саровского на
Серафимовском кладбище
Санкт-Петербурга
← (предыдущая страница)

встреча. В следующий раз мы встретились через пятьдесят лет. Я уже закончил службу и офицерскую карьеру в Военно-Морском флоте, принял монашеский постриг и священный сан. И вот как-то, будучи в Санкт-Петербурге, я впервые нарушил молчание и поведал отцу Василию наше семейное предание о Казанской (Романовской) иконе Божией Матери, что с 1959 года уже находилась в правом пределе храма: в этом году мы пожертвовали икону в Серафимовскую церковь.

Историю этой иконы со всеми подробностями бабушка наша Мария Степановна пересказывала нам с братом при каждом удобном случае, так что вскоре мы уже знали ее наизусть. Отец Василий же очень заинтересовался моим рассказом и просил меня обязательно обо всем этом написать. И в дальнейшем при наших встречах, когда я, бывая в Питере, приходил послужить в Серафимовскую церковь, батюшка неизменно интересовался, готова ли моя книжечка про Казанскую икону. Но... меня ждала другая срочная работа в Комиссии по канонизации святых, и параллельно я должен был подготовить к публикации исследование, посвященных древним подвижникам Крайнего Севера, – поэтому, увы, я не смог исполнить просьбу отца Василия Ермакова при его жизни. Теперь пришло время поспешить выполнить свое обещание.

Итак, «1888 года, февраля 5 дня написан сей образ»...

Приход
Серафимовской
церкви →

Автор
с отцом Василием
Ермаковым →

Новый «хранитель иконы»,
настоятель
Серафимовской церкви
митрофорный протоиерей
Николай Коньков.

Авторская надпись
иконописца, обнаруженная
под серебряной ризой
икона →

Фото с места крушения поезда, в котором следовал российский император Александр III со своей семьей.
17 октября 1888 года

1888–1918

станции Борки Харьковской губернии 17 октября 1888 года на полном ходу потерпел крушение железнодорожный состав, в котором следовал российский император Александр III со своей семьей. Среди искореженных обломков вагонов были обнаружены тела двадцати одного погибшего. Семья императора серьезно не пострадала, хотя, как писала позже императрица Мария Федоровна, «все мы были облиты кровью людей, убитых и раненых вокруг нас».¹ Император удерживал на своих плечах крышу рухнувшего вагона, пока все семейство не оказалось в безопасности. В момент катастрофы младшие дети царя Михаил и Ольга находились в «детском вагоне». Ольга оказалась чудесным образом выброшенной далеко за железнодорожную насыпь, а невредимого Михаила император с помощью солдат откопал под грудой обломков вагона.

О небывалой физической силе самодержца Александра III ходили невероятные слухи. Рассказывали, что на одном из официальных приемов император, услышав предложение австрийского посла решить балканский вопрос с помощью двух-трех дивизий, взял со стола ложку и, завязав ее узлом, пояснил: «*Вот что я сделаю с вашими дивизиями!*» Поговаривали, что императрица неодобрительно относится к

Портреты царской семьи
Александра III →

Император и
Самодержец
Всероссийский
Александр III.
Фото 1890-х годов.

Его Императорское
Высочество Государь
Наследник Цесаревич
Николай Александрович
Романов.
Фото 1890 года.

Его Императорское
Высочество Наследник и
Великий Князь Михаил
Александрович Романов.
Фото 1884 года

подобным демонстрациям при посторонних, но юные «Их Императорские Высочества» были в восторге, наблюдая, что отец у них «настоящий Геркулес», и если рядом нет «мамбы», то согнуть подкову, кочергу, серебряный рубль или разорвать пополам целую колоду карт для него было вовсе не сложно.

Такие же сила и твердость воплотились и в образе его правления Российской империей. *«Исполнинская фигура Александра III, как показала история, в полной мере служила гарантом не только безопасности России, но и стабильности во всей Европе».*² Он поистине явился для мира тем самым «удерживающим теперь» (2 Фес. 2, 7).

Но случившееся близ железнодорожной станции Борки испытание его сил оказалось за пределами физических возможностей императора. Он «удержал» династию, уберег будущего наследника престола – двадцатилетнего Николая. Однако исполинское здоровье государя оказалось подорванным. Он стал все чаще болеть и угас, не дожив даже до пятидесяти лет.

Но тот памятный 1888 год был для царской семьи еще и годом юбилеев. Братья цесаревичи отмечали свои «круглые даты». В мае отпраздновали двадцатилетие будущего наследника престола Николая, а его младшему брату Михаилу в ноябре исполнилось десять лет. Впереди у царственных братьев было еще ровно тридцать лет жизни. Тридцать лет до страшного 1918 года – юбилейного и рокового. Их расстреляли, когда одному было пятьдесят, а второму – сорок.

1 Из письма императрицы Марии Федоровны. Цит. по: Боханов А. Судьба императрицы. М., 2004. С. 219.

2 Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М., 2004. С. 246.

Вынутие жребия.
С картины П. И. Геллера.
1893

Российский
Императорский флот.
Питье чарки в дальнем
морском походе.
фото ЦДЛДФФд СЛБ →

«ЕДИНОЖДЫ НА ВСЮ ЖИЗНЬ»

*«Поступление на службу по призывам решается жребием,
который вынимается единожды на всю жизнь».
(Из Устава о воинской повинности 1 января 1874 года)*

Когда моему прадеду Степану Никитичу Пименову исполнился 21 год, в Саратовском уездом по воинской повинности присутствии ему объявили, что служба новобранцу Степану выпала на флоте. Узнав об этом, мать его зарыдала в голос: «Ох, горе-то, какое! Пропал мой Степушка, на флот идет, вернется горьким пьяницей!»

Причитания матери Степана вовсе не были безосновательными. Флот Российской Империи уверенно осваивал океанские просторы. Новейшие крейсера и броненосцы совершали дальние походы, посещая с визитами ранее не виданные порты заморских стран. Призванные из российской глубинки молодые матросы тяжело переживали разлуку с домом, а особенно невиданно долгое отсутствие под ногами твердой суши и столь привычной для них кормилицы-земли. Неизбежный в таких случаях стресс снимался проверенным способом – чаркой водки.

Чарка – это небольшой ковшик емкостью в одну сотую ведра, то есть около 120 грамм. В русском флоте во время дальнего плавания таковой была ежедневная

3 «Крючок – мерка для водки, на длинной ручке с крючком, объемом в одну чарку». См.: Байбурун А., Беловинский Л., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: Словарь русской культуры XVIII – XIX вв. СПб. – М., 2004. С. 246.

4 Согласно приказу Управляющего Морским министерством № 55 от 20.02.1898 г., за «непитую чарку» полагалась компенсация в 6 копеек в день.

5 «Сельтерская», или «Зельтерская», – минеральная вода из Германии. Во второй половине XIX века под этим названием изготавливалась газированная содовая вода.

6 «Чумичка» – народное название поварешки.

норма выдачи водки матросам. Перед обедом, после того, как командир корабля снимал пробу пищи, боцманы, всегда носившие на груди сигнальные боцманские дудки, подавали знаменитый сигнал «К чарке». Баталеры выносили луженые медные енды с водкой, и, черпая «крючком»,³ по списку выдавали каждому из пьющих матросов по полчарки. Вторые полчарки полагались перед ужином.

И хотя срок службы на флоте к тому времени сократили с семи до пяти лет, все же при столь интенсивном плавании многие моряки действительно возвращались в свои деревни с государственной службы вполне сложившимися пьяницами.

Теперь же, в Саратовском присутствии, глядя на убивающуюся мать и понуро стоящих вокруг домочадцев, Степан попросил Библию и, положив руку на Священную книгу, сказал: «Что бы Вы, мама, не плакали и были за меня спокойны, я пред Господом обещаю, что в жизни своей никогда не возьму в рот спиртного». Все испуганно переглянулись, а отец Степана, Никита, неодобрительно хмыкнул: мол, вся жизнь впереди, как можно такое обещать, да еще на Библию. Мать же утерла слезы и, перекрестив своего Степу, благословила: *«Господь да благословит тебя. Служи честно»*.

Так вот «единожды и на всю жизнь» мой прадед принял очень важное решение. И если в течение всей флотской службы Степана соседские семьи посылали своим «служивым» посылки, помогая продуктами и деньгами, то в дом Пименовых регулярно приходили денежные переводы от матроса броненосца «Император Николай I» Степана Пименова.

Дело в том, что непьющие матросы в конце плавания получали «заслугу» – так в матросском быту называли деньги, причитавшиеся за невыпитые чарки водки.⁴ И за дальний поход сумма набегала значительная. Сюда же приплюсовывались деньги «табачного довольствия».

За всю свою долгую жизнь Степан Никитич не притронулся к спиртному, воря, что вкус вина он знает лишь в Причастии. И все его друзья знали: если собирается компания и будет Степан Никитич, то готовь на стол Сельтерскую.⁵ К слову сказать, и матроской привычки к грязному бранному слову Степан также счастливо избежал. Самое «страшное» для него ругательство, когда уж крепко выведет из себя, было: *«У, чумичка!»*⁶

Семья Александра III.
1888 год

7 Из инструктажа Александра III, данного воспитателям его детей: «Я не желаю делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйте прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся – пожалуйста. Но доказки – первый клут. Это – самое мое первое требование».

МЛАДШИЙ СЫН МИХАИЛ

Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княжна Ольга Александровна на палубе корабля в море. 1887 год

Как это часто бывает с младшими детьми, так и в императорской семье Михаил Романов пользовался всеобщей любовью и симпатией. Но это вовсе не подразумевало каких-либо поблажек и избалованности.⁷ С одной стороны были девятьсот великолепно обставленных комнат Гатчинского дворца, роскошь и богатство, от рождения окружавшие молодых цесаревичей, изобилие удивительных творений человеческого гения, воплотившихся в лучших произведениях выдающихся мастеров, а с другой – практически спартанская обстановка и предельная скромность в запросах.

Многочисленные дворецкие и предупредительная прислуга умело сочетались с жестким распорядком дня, умением во всем обходиться малым, и с неперенным физическим трудом. Столь же неукоснительным был и труд духовный, как в домашних молитвах, так и на обязательных церковных богослужениях. После летнего отдыха в сентябре детей привозили в Гатчину, где их уже ждали лучшие педагоги России, дабы продолжить обучение «Их императорских Величеств и Высочеств».

Учебные занятия велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса, только классические языки были заменены элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков. Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук в необходимом для государственного деятеля объеме.

Кроме того, если взрослые могли продолжить свои осенние представительские поездки и путешествия, то дети с сентября в полной мере задействовались в многочисленных церковных и государственных праздниках, непременно участвуя в торжественных мероприятиях и богослужениях.

*«Все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю служили литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном, все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали».*⁸

Регулярные визиты к многочисленным родственникам и неперенное участие во многих, достаточно утомительных официальных церемониях выполнялись неукоснительно. При этом ночной отдых мальчиков проходил на простых солдатских

⁸ Воррес Йен. Последняя Великая Книгиня: Историческая проза или ольтературные мемуары / Пер. с англ. В. В. Юзнецова. См.: <http://xx13.ru/bellie/knyaginya.htm> (в дальнейшем: Воррес Йен. Последняя Великая Книгиня)

койках – «походных кроватях с волосяными матрасами, под голову клалась тощая подушка. На полу – скромный ковер. Ни кресел, ни диванов. Венские стулья с прямыми спинками и плетеными сиденьями, самые обыкновенные столы и этажерки для книг и иерушек – вот и вся обстановка. Единственное, что являлось исключением и украшало “детские” – это “красный угол”, там, где икона Божией Матери была усыпана жемчугом и чудными драгоценными камнями».⁹

Утром обязательная ванна, на завтрак овсяная каша и частое чувство голода. «И лишь достигшим определенного возраста за праздничным обедом разрешалось есть дополнительные блюда (например, пирожки и огурцы), что, конечно же, вызывало зависть младших».¹⁰

Эта сознательная сдержанность и строгость обстановки щедро компенсировалась любовью родителей, их заботой и внимательностью к детям. Надо признать, что младшим детям, Михаилу и Ольге, внимания выпадало больше, и им частенько доводилось хаживать с отцом на долгие прогулки в дикий лес. Государь «учил их лесным приметам или же тому, как распознавать зверя по следам, как умело развести костер, у которого они долго потом сидели, выпекая в огне взятые с собой яблоки. Возвращались домой уже затемно...»¹¹

Больше всего на свете дети ждали своих дней рождения. Вообще-то до революции на Руси отмечали лишь именины, а о дне своего рождения никто и не вспоминал – тем более что практически всегда эти дни совпадали. Простой народ за именем для новорожденного приходил к батюшке, который открывал месяцеслов на дате рождения и, найдя «святого дня», нарекал имя, читая соответствующую молитву.¹² Потому и имена на Руси были богаты, звучные и удивительно разнообразны, не в пример нынешней практике.¹³

По-другому обстояло дело с днями рождений августейших особ. Имена выбирались из разряда «царственных» и не привязывались к месяцеслову. Дни рождения полагалось праздновать на государственном уровне, и часто это сопровождалось официальными торжествами. Наследником-цесаревичем в то время был старший из братьев – Николай, и ему полагались особые церемонии и поздравления. Остальным же «августейшим величествам» в этот день полагалось присутствовать на особо торжественной Литургии, после которой в Арсенальном зале Гатчинского дворца давался завтрак для приглашенных с детьми. Но совсем не это было главное.

Дети, затаив дыхание, ждали своих Дней рождения, потому что в этот день непременно исполнялись их мечты и открывались долгожданные подарки. Подарки эти дарились в домашней семейной обстановке, накануне, за вечерним чаем. И тут уж ро-

⁹ Воррес Йен. Последняя Великая Книгиня.

¹⁰ См.: Рыженко И. Светская жизнь // «Гатчина сквозь столетия»: Исторический журнал. (<http://history-gatchina.ru/>).

¹¹ Об этом см.: Чавчавадзе Д. Великие князья. Нью-Йорк, 1990.

¹² Моя бабушка по отцу, Клавдия Васильевна, вспоминала (у нее было двенадцать человек детей), что «батюшке каждый раз гостинец надо было нести добрый, а то такое немецко даст, что и не выговоришь».

¹³ Автор, служа ныне в старинном поморском селе Варзуга, что на Кольском полуострове, имеет благодатную возможность еще застать отголоски тех редких полнозвучных имен среди стариков, еще живущих в селе, или в отчествах их потомков: это имена Исихий, Философ, Фантин, Фалалей, Фортунат, Рим, Калисфения, Еликонида, Евстолия, Евфалия, Домна, Феона и др.

¹⁴ Воррес Йен. Последняя Великая Книгиня.

Семья у смертного одра
Александра III. Ливадия.
21 октября 1894 года

дители давали детям поблажку. Все, что было замечено в пожеланиях детей в течение года или обронено детьми в разговоре как о мечте, – вручалось виновнику торжества.

Александр III, как мы уже говорили, особо любил своего «младшенького». Уже сильно чувствуя свое нездоровье, в этот последний День рождения Миши он щедро одарил сына дорогими подарками, видимо, вспомнив все, о чем упоминал тот в своих желаниях. «22 ноября 1893 года на свое пятинадцатилетие Михаил получил велосипед, маленький фотоаппарат, воздушное ружье, лук, нож, чашку для кофе и сушеные цветы».

Шестнадцатилетие Миши отпраздновать уже не пришлось. Император скончался в октябре 1894 года, и в стране был объявлен траур.

В воспитании детей императора Александра III в полной мере сумели воплотиться те удивительные возможности, которые составляли суть российской монархической идеи. Идеи, предполагавшей возможность сосредоточения в одном, избранном от Бога человеке всего лучшего, что мог дать российский народ и его многовековая история. Это такая редкая ситуация, когда с самого малолетства человек воспитывается и обучается лучшими людьми России в духе всецелой преданности своей Родине, растет в постоянной внутренней готовности взять на себя немислимую ответственность перед Богом и людьми за дальнейшую судьбу страны. «Наш род относился к идее Царского служения как ко священному долгу, от которого ничто, кроме смерти, не могло освободить их».¹⁴

Эскадренный броненосец
«Император Николай I»
в составе эскадры
Средиземного моря.
Фото начала 1890-х годов

НА ИМПЕРАТОРСКОМ ФЛОТЕ

а флоте матрос Степан Пименов, столь стойкий духовно и крепкий физически, обратил на себя внимание командиров. По великой «Константиновской» реформе,¹⁵ на Российский флот призывали лучших новобранцев, *«отдавая предпочтение мастерам, рабочим, мелким служащим и иным категориям, имевшим начальное или неполное среднее образование»*.¹⁶

Удивительным образом морская служба оказалась Степану не в тягость. Родом из российской глубинки, которую поэт в известных стихах помянул фразой: «в деревню, в глушь, в Саратов», Степан неожиданно проявил особые способности в освоении сложной корабельной техники. Он с удовольствием и легко постигал премудрости новейших изобретений человеческой мысли, что традиционно и в первую очередь поступали в армию и на флот, служа укреплению военной мощи России.

Так, например, впервые в истории России подготовка специалистов для невиданного ранее дела с диковинным названием «Электрическое освещение» началась в 1877 году именно на императорском флоте, в городе Кронштадте.

В ноябре 1894 года на императорском флоте произошло важное событие – новым командующим Средиземноморской эскадрой был назначен выдающийся русский

Броненосные крейсера
«Память Азова» и
«Владимир Мономах»
в Пирее
(Эгейское море, Греция).
Фото 1894 года.

Минный квартирмейстер
Степан Пименов.
Фото сделано в Пирее
на день его Ангела,
27 декабря 1896 года →

- 15 Реформирование флота, проведенное в период с 1853 по 1881 годы братом царя Александра II, Великим Князем Константином, в бытность Главного управляющим флотом и Морским ведомством.

16 Монахов М. С., Родионов Б. И. История Российского флота в свете мировой политики и экономики (X – XIX вв.). М., 2006. С. 605.

17 Нагасаки – портовый город в Японии на острове Кюсю. Население в конце XIX века 153 тыс. жителей. Это первый и долгое время единственный порт в стране, открытый с конца XVI века для захода иностранных судов.

18 Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. СПб., 1905. С. 527. Hong Kong (англ.) – в то время Британская территория (с 1842 г.) с населением 300 тыс. чел. Сейчас – 6,5 млн.

адмирал Степан Осипович Макаров. Вместе с новым командующим на Средиземное море убыл и мой прадед Степан. Служить он попал сначала на крейсер эскадры «Владимир Мономах», а затем на флагманский корабль адмирала – броненосец «Император Николай I».

В нашем семейном альбоме сохранилось фото «минного специалиста, квартирмейстера Пименова С. Н.», сделанное в порту греческого города Пирее. Моему прадеду исполнилось 23 года. На императорском флоте он отслужил уже два года. Вскоре эскадра убудет на Дальний Восток и встанет на рейде знаменитого портового города Нагасаки,¹⁷ соединившись с остальными силами Российского флота. Эскадра Макарова прибыла на Дальний Восток в самый критический период российско-японских отношений.

Затем был порт Гонконг – эскадра Макарова перешла в Южно-Китайское море и встала в «этой превосходной гавани и торговом центре».¹⁸ Свой контр-адмиральский флаг Степан Осипович Макаров по-прежнему держит на броненосце «Император Николай I».

Моему же прадеду еще до конца 1896 года предстояло бороздить со своим кораблем моря Дальнего Востока, а затем еще весь 1897 год находиться в Средиземном море. Здесь на острове Крит броненосец «Император Николай I» положил начало участию России в миротворческой деятельности, поскольку после только что закончившейся греко-турецкой войны население острова продолжало добиваться выхода из состава Турецкой империи. Таким образом, лишь только в апреле 1898 года Степан Никитич вместе с кораблем вернулся на Балтику, в Кронштадт.

РЕДКИЙ ОБРАЗЕЦ

т своего отца-императора младший сын Великий Князь Михаил Александрович унаследовал удивительную физическую силу, а от матери – неотразимое обаяние. Но главное, что дали ему родители, – это основополагающую жизненную установку: «верно хранить в душе своей святую веру и преданность Церкви как драгоценнейший залог блага народного». Все дети Александра III в полной мере реализовали в своих судьбах этот завет отца. Наиболее точно суть этого внутреннего истинно православного духовного стержня всей семьи Романовых выразил в своем дневнике старший сын императора, Николай Александрович: «Я имею твердую и полную уверенность, что судьба России, точно также как судьба моя и моей семьи, находится в руках Бога, Который и поставил меня на мое место. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей, полагая, что никогда я не имел другой мысли, как только честно служить стране, управление которой Он мне вверил».

Можно, конечно, немало преуспеть в поисках отличий в характерах двух братьев, пытаясь сослагательно моделировать варианты развития истории России и забывая, что произошедшая катастрофа начала XX века есть неотвратимое наказание Божье за грех отступления народа нашего от веры предков. Если же осознать непреложность этой истины, то первостепенную важность принимает для нас то общее, что, несомненно, объединяло сыновей Александра III, двух братьев Романовых, – это их глубокая, абсолютно органичная для русского человека и естественная, как дыхание, крепкая Православная вера. «Да будет Воля твоя, Господи! Не оставь нас в будущем, как Ты не оставлял нас в прошлом. Аминь».¹⁹

По словам графа С. Ю. Витте, если по уму и по образованию Михаил Александрович и уступал брату, то «по характеру он пошел в отца». Впрочем, кто бы ни высказывал свое мнение о Михаиле Романове, при всем широчайшем политическом спектре авторов одно отмечается неизменно: «честность, прямота и несомненное благородство характера».²⁰

«Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал замечательным методическим умом и мог бы выдвинуться на любом посту», – писал о нем Великий Князь Александр Михайлович. Ему вторит другой современник: «Я никогда в жизни не встречал человека, подобного ему, настолько неспорчен-

Великий Князь Михаил Александрович

Братья Николай и Михаил Романовы.

фото ЦГАЛФФФ СПб →

¹⁹ Наиболее характерное молитвенное воздыхание из дневника Александра III.

²⁰ Набоков В. Д. Временное Правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 22.

²¹ Цит. по: Пчелов Е. В. Романовы. История династии. С. 363.

²² Термин, введенный Карлом Марксом для обозначения низших слоев пролетариата. Ломлены – деклассированные элементы, люди без социальных корней, нравственного кодекса, готовые безрасудно повиноваться сильному.

ного и благородного по натуре... Он не хотел признавать, что в мире существует зло и неправда, он считал, что верить нужно всем». ²¹ Таким образом, мы видим, что прекрасно образованный и воспитанный на возвышенных примерах христианской добродетели Михаил являл собой редкий образец лучших человеческих качеств.

Но, увы, время неумолимо приближало эпоху совсем других личностей и торжества принципиально иных человеческих качеств и устремлений. В Перми на знаменитых Мотовилихинских оружейных фабриках уже вызревали палачи Великого Князя. Молодые заводские рабочие все чаще примыкали к обществу откровенных преступников, пополняя среду так называемого «ломпен-пролетариата». ²² Они все дальше и дальше отходили от традиционных российских христианских устоев, все чаще впадали в опьянение от вседозволенности, все больше очаровывались головокружительными призывами решить все проблемы силой оружия: «Организуйтесь и вооружайтесь! Приобретайте оружие, давайте на оружие деньги, входите в боевые дружины партиш. Будьте готовы к кровавому бою! К оружию, граждане!» (из воззвания Пермского комитета РСДРП – будущих убийц Великого Князя).

Мастерская минных опытов

МИННЫЙ КОНДУКТОР ПИМЕНОВ

роходя службу на императорском флоте, каждый толковый и неленивый матрос мог изучать последние достижения технической мысли. Мой прадед сумел в полной мере воспользоваться этими прекрасными возможностями. Так получилось, что матрос Пименов все время был при адмирале Макарове. Приписанный к минной боевой части флагманского корабля, он был активным участником воплощения макаровских идей в практические образцы, испытывая многочисленные изобретения адмирала в области минного дела.

Прадед мой, несомненно, был талантлив. Это был талант «Кулибина» – особые способности к мастерским наукам, к изобретательству и рукоделию. В начале 50-х годов я еще застал мастерскую прадеда, которая располагалась на чердаке дворцового флигеля. Редко мне удавалось пробраться туда, усыпив бдительность няни. Там было столько удивительного и волнующего, множество станков, приборов, приспособлений, инструментов и прочего иного, интересного и тогда непонятного.

Флотский старшина Пименов, как я понимаю, входил в некую команду адмирала Макарова, которая испытывала и дорабатывала все образцы его изобретений в области минного дела. В тогдашнем флоте названия «торпеда» в ходу еще не было, а разработанное Макаровым оружие называлось самодвижущей миной. Также им был сконструирован и первый торпедный аппарат.

«Никакие средства, никакие затраты на развитие минного дела, – писал он, – не могут считаться чрезмерными». На протяжении всей своей деятельности Макаров неустанно развивал минно-торпедное дело и постоянно вносил различные усовершенствования в минное оружие.

Именно Макаров предложил Степану остаться на сверхсрочную службу. Такова была и в целом политика, проводимая командующим эскадрой, – он всегда подчеркивал, что необходимо «стремиться к более продолжительному удержанию на службе опытных и нужных по своим специальностям нижних чинов».²³

Когда же в 1899 году Степан Осипович был назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором Кронштадта, то на этой высокой должности он сумел в полной мере проявить свою энергию и заботу о нуждах флота. Предметом особых попечений Макарова являлись флотские специальные учебные заведения – Морское инженерное училище и минный офицерский класс.

В 1877 году Минная школа становится первой и единственной в то время у нас в России электротехнической школой. В истории развития отечественной элек-

Вице-Адмирал С. О. МАКАРОВЪ,
Командующий Флотом на Тихомъ океанѣ.

Вице-адмирал
Степан Осипович Макаров

²³ Макаров С. О.
Документы. М., 1952. Т. 2.
С. 10.

Здание Кронштадтских
Минных классов. Сегодня
Кронштадтский морской
кадетский корпус

Учебный минный отряд
(внизу)

тротехники непременно подчеркивается, что ученики Минной морской школы в Кронштадте долгое время оставались единственными работниками-специалистами в этой новой, только что открытой и важной отрасли прикладной электротехники.

Именно сюда, в Кронштадтскую минную школу, и направили главного старшину Степана Пименова учиться на корабельного унтер-офицера. Успешно окончив обучение и получив унтер-офицерское звание кондуктора²⁴ с правом ношения офицерской фуражки и палаша, Степан Никитич вернулся на флот на должность минного квартирмейстера.

Кондуктора Пименова адмирал Макаров никогда не забывал и регулярно привлекал к выполнению тех или иных важных поручений. В нашем доме хранилась фотография этого прославленного адмирала, которую он лично подарил Степану Никитичу, подписав: «*Минному квартирмейстеру Степану Никитичу Пименову, самому честному и преданному кондуктору эскадры от адмирала С. О. Макарова*».²⁵

Возможно, не был случайным совпадением и тот факт, что после демобилизации в конце XIX века Степан Никитич с семьей поселился на ул. Моховой, там же, где в доме № 7 проживал и Степан Осипович Макаров.

Степан Пименов
с семьей
после демобилизации.
Фото 1902 года →

24 Лишь после революции словом «кондуктор» (с переменной ударением на «кондуктор»), стали называть билетеров в трамваях и т. п. Видимо, сделано это было в угоду революционным матросам, ненавидевшим надежных и честных корабельных кондукторов, в большинстве своем до конца оставшихся преданными «Веру, Царю и Отечеству». В подтверждение этому достаточно вспомнить характерную сцену из фильма С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин».

25 Текст подписи восстанавливаю по воспоминаниям домашних, так как эту фотографию выпросил в пятидесятые годы для своей коллекции мой крестный, контр-адмирал в. И. Рутковский, который в годы Великой Отечественной войны был начальником морской группы штаба Ленинградского фронта.

Михаил Александрович со своим Преображенским полком. Маневры 1905 года в Красном Селе

Офицеры Гатчинских кирасиров. Гвардейцы всегда отличались особой щеголеватостью, хорошими манерами и вежливостью.

фото ЦДЛФФД СПб →

ГВАРДЕЙСКИЙ ОФИЦЕР РОМАНОВ

В 1901 году корнет Романов окончил Михайловское артиллерийское училище и вскоре в звании поручика был направлен служить в лейб-гвардии Преображенский полк,²⁶ приняв под командование роту гвардейцев. Первый батальон полка был расквартирован в Петербурге в казармах около Зимнего дворца, на углу Миллионной улицы и Зимней канавки. Само место расположения полка свидетельствовало об особой степени его привилегированности даже для гвардии в целом.

Как ни странно это звучит в отношении столь высокопоставленной особы, но в армии его просто обожали. Он был душой любой компании, умея легко поддержать беседу и обладая превосходным чувством юмора. При этом все знали его кавалерийскую удалость, любовь к седлу и сабле и исключительную храбрость в сочетании с богатырской силой. Рассказывали, что как-то во время маневров Михаил так лихо демонстрировал приемы владения казачьей саблей, что та не выдержала, и у нее отлетел «дамасский» клинок.

²⁶ Лейб – (нем. Leib) – то есть состоящий при царской особе. Лейб-гвардия – отборная и привилегированная часть войск. Солдаты подбирались по росту и внешнему виду.

В кавалергарды, например, брали ростом не ниже 187 см и белокурых, в Преображенский полк и Царскосельские кирасиры – голубоглазых блондинов, в Московский полк – рыжих, в Павловский, в память о его создателе – Павле I, – курносых блондинов.

Гвардейцы, в том числе и нижние чины, отличались особой щеголеватостью, хорошими манерами и величием. В Первую мировую войну вся гвардия ушла на фронт и большая часть ее кадрового состава погибла.

²⁷ Название «синие кирасиры» связано с отличительным («приборным») цветом полка. Воротники, обшлаги, погоны, выпушки, канты, околыши фуражек и конские чепраки (попоны под седлами) были синего цвета, в отличие, например, от красного у кавалергардов или желтого у царскосельских («желтых») кирасир.

²⁸ Фет А. Воспоминания. М., 1983. С. 188.

Но при всех качествах этакого «лихого рубаки» он был натурой скромной, утонченной, очень любил музыку, превосходно играл на нескольких музыкальных инструментах и сочинил ряд музыкальных произведений. Увлеченно относился к истории и, хорошо в ней разбираясь, был неизменным Председателем Российского Исторического музея имени императора Александра III (ныне Государственный Исторический музей в г. Москве). Как военный историк опубликовал несколько научных работ, посвященных войне 1812 года.

С ноября 1904 года Михаил Александрович был переведен служить под Петербург, в Гатчину. Здесь располагался знаменитый Гатчинский полк синих кирасир,²⁷ в котором штабс-капитан Романов принял должность старшего офицера эскадрона. Этот гвардейский полк вел свою историю со времен Петра I, от Драгунского Портеса полка, ныне же носил название Лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка.

Форма одежды гатчинских кирасир общепризнанно считалась необычайно красивой. Мундир кирасира и все прочие атрибуты гвардейской формы являлись едва ли ни решающим фактором при выборе полка молодыми людьми для службы по окончании военных училищ. Известный современник писал: *«Мне сильно хотелось преобразиться в формального кирасира, и я мечтал о белой перевязи, лакированной лядунке, палаше, медных кирасах и каске с гребнем из конского хвоста, высяченного над георгиевской звездой».*²⁸

Казармы лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка на Екатеринбургском проспекте города Гатчины (ныне Красноармейский проспект д. 2). Здесь расположен «Центральный военно-морской архив». Церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая в центре здания, была устроена в 1860-1861 годах. Закрыта в 1919 году.

Служба в кирасирах была в высшей степени почетной. Особый шик во всей их жизни, благородный дух отношений как между офицерами, так даже и в среде рядовых, являлся незыблемой традицией этой элитной воинской части. Забота о подчиненном проявлялась поистине на отеческом уровне – награды, подарки и иная материальная поддержка рядовых гвардейцев со стороны офицеров считалась хорошим тоном. Чрезвычайно высокие требования к выполнению обязательных традиционных статей расходов, касающихся всего уклада повседневной жизни, отношения к форме, к оружию, к застольям²⁹ и тому подобному, предполагали наличие значительных денежных средств, многократно превышающих офицерские жалования. Довольно часто офицеры-гвардейцы должны были на время покидать полк, дабы привести в порядок свое расстроенное материальное положение.

Прибытие в полк на службу брата царя, безусловно, «добавило статуса» синим кирасирам и придало особый блеск всем полковым мероприятиям.

Конечно же, весь распорядок жизни полка, как и любой воинской части того времени, непременно включал в себя православную духовную составляющую. Ду-

²⁹ О том свидетельствует известная полковая поговорка: «Кирасиры Ея Величества не страшатся вин количества!» При этом надо понимать, что вина эти могли быть лишь отборных сортов и высшего качества. «Тонкие дорогие заграничные вина, французское шампанское, ликеры... впрочем, что об этом говорить: "В кирасирах так ведется: пей – ума не пропивай" – было любимой песней наших стариков... остальное ясно!» (Трубацкий В. С. *Записки кирасира*. С. 127).

Исторический штандарт кирасиров восходит к 1704 году, к созданному Петром I Драгунскому Портеса полку

Император Николай II проводит смотр лейб-гвардии Кирасирского полка. Царское Село. 1911 год →

хонный настрой воина неукоснительно привязывался к традиционным христианским ценностям, и полк жил в ритме русских церковных праздников и постов.

«Каждая команда и каждый эскадрон полка имел свою икону. Находилась эта икона в казармах, в специальном киоте, и была убрана серебряной ризой. Перед иконой днем и ночью горела лампадка. Богоматерь или святой, изображенный на этой иконе, считались покровителем данного эскадрона. День этого святого был днем эскадронного праздника. В этот день в эскадроне занятия не проводились и люди в караул не назначались. На эскадронный праздник солдатам устраивался пир за счет офицеров эскадрона. Празднество начиналось с молебна в казармах в присутствии командира полка и всех свободных офицеров полка».³⁰

У гатчинских синих кирасир «помимо эскадронных праздников был еще и грандиозный полковой праздник. У нас он праздновался в Николин день – 9 мая, потому что наша полковая церковь была в честь Николая Чудотворца, являвшегося таким образом покровителем синих кирасир на небесах. Торжество это было чрезвычайное и обходилось господам офицерам в изрядную копейчку».³¹

Каменная полковая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая была устроена в 1860–1861 годах в здании бывшего манежа императора Павла I, что на Екатерининвердерском проспекте (с 1922 года Красноармейский проспект, д. 2). С прибытием в полк Михаилу Александровичу было предложено стать ктитором полкового храма.³² Церковь эта была ликвидирована в 1919 году. Ныне здесь расположено вестибюль «Центрального военно-морского архива».

³⁰ Трубецкой В. С. Записки кирасира. С. 127.

³¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира. С. 125.

³² В России XIX – начала XX века ктитор – специальная должность в церквях военного ведомства. В обязанности ктитора входило управление хозяйством и внешним порядком.

СТЕПАН НИКИТИЧ

В 1901 году мой прадед Степан Никитич демобилизовался и, в совершенстве постигнув электротехническую науку, устроился на работу в известную компанию «Бельгийское анонимное общество освещения Санкт-Петербурга». В России в это время продолжался настоящий «электрический бум», который в Петербурге начался еще в 1890-х годах. К этому времени в городе на Неве кроме центральной электростанции упомянутого «Бельгийского общества» действовали еще ЦЭС Общества «Гелиос» из Кельна и ЦЭС «Общества электрического освещения 1886 года» знаменитого Карла фон Сименса.

Если вначале основное внимание уделялось внедрению электрического освещения на улицах городов и применению электрической энергии на прочие общегосударственные нужды, то в начале XX века и богатые частные дома Санкт-Петербурга энергично приступили к своей личной электрификации. Спрос на специалистов по электротехнике был чрезвычайно высоким. Степан Никитич получил под начало бригаду электромонтеров. Но вскоре обозначилась проблема: к этому времени уже ясно чувствовался недостаток не столько в технических специалистах, сколько в честных и непьющих людях.

Полностью доверить неизвестным людям богатый дом, да еще на продолжительное время под электрификацию, для многих хозяев было весьма тревожно. Так, например, по воспоминаниям современников, во дворце Юсуповых на набережной реки Мойки *«на столах в их гостиных стояло множество хрустальных ваз, наполненных нешлифованными сапфирами, изумрудами и опалами, которые использовались как украшения»*.³³

Степан Никитич понимал, что самое дорогое – это заработать честное имя и доверие. Он сам стал отбирать работников в бригаду, приглашая в компаньоны своих бывших сослуживцев по флоту из тех, кого давно знал и за кого мог бы поручиться. Не раз вынужденный прощаться с проштрафившимися, он сумел наконец создать надежную, проверенную крепкую бригаду. Принцип ее работы был: «честно, на совесть, в срок», и главное, не стремиться «сорвать куш», а работать на имя и на будущее.

Богатые и знатные семейства Петербурга очень скоро оценили этот достойный подход в работе команды Степана Пименова и стали рекомендовать именно

³³ Воррес Йен. Последняя Великая Книгиня. С. 87.

Одна из первых электростанций Петербурга – «Центральная станция Общества электрического освещения 1886 года»

Первая электростанция на барже на реке Мойке

его коллектив в кругу высшего света. Появилась запись наперед и даже очередь. Без очереди был взят лишь подряд на электрификацию Исаакиевского собора. Собор преподобного Исаакия Далматского, крупнейший православный храм Санкт-Петербурга, занимает четвертое место в мире по величине, уступая лишь соборам апостола Петра в Риме, апостола Павла в Лондоне и Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции. За этот масштабный труд Степан Никитич был награжден от Святейшего Синода золотыми часами с боем. Эти часы, как и многое иное ценное и памятное, позже пропали в Ленинградскую блокаду.

На этом я прерву свои воспоминания о моем прадеде, дабы в полной мере постараться рассказать об удивительной истории любви Великого Князя Михаила, поскольку именно эта любовь заставила пересечься судьбы всех участников моего повествования.

Гатчинский
Императорский дворец
на гравюре 1892 года

Великий Князь
Михаил Александрович
и Великая Княгиня
Ольга Александровна.
Фото 1901 года
(внизу)

В ГАТЧИНЕ

В марте 1906 году Великий Князь Михаил Александрович становится командиром Первого эскадрона «синих кирасир», или Лейб-эскадрона полка, то есть первого по порядку эскадрона, именованного на официальном языке полковых приказов эскадром Его Величества. Однако с этого момента весь Гатчинский полк становился Лейб-гвардии Кирасирским Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила полком.

Великий Князь Михаил, конечно же, привлек к полку особое «внимание своей матери – старой императрицы Марии Федоровны, которая с момента поступления своего сына в кирасиры начала выказывать к полку особое благоволение. Синие кирасиры вошли в фавор, приобрели репутацию модного гвардейского полка, и при дворе их в шутку стали называть *“Les petets bleus de Sa Majesté”* (“*Маленькие синие Ее Величества*”).³⁴

Надо ли говорить, что столь яркая личность и блестящий офицер Михаил Романов пользовался неизменным вниманием женского пола. Однако к своим тридцати годам сколько-нибудь серьезных, устойчивых сердечных привязанностей он не имел.

Все романтические, достаточно безобидные истории, приключавшиеся с Михаилом, так или иначе оказывались связанными с его сестрой Ольгой, с ее подругами

и фрейлинами. Это было вполне объяснимо – Михаил был очень дружен и духовно близок с Ольгой. И хотя был он на четыре года старше нее, выглядели они одинаково и в полной мере доверяли друг другу. В нашем повествовании мы довольно часто ссылаемся на строки из воспоминаний Великой Княгини, продиктованных ею незадолго до своей кончины, последовавшей в 1960 году. На наш взгляд, это вполне оправдано, поскольку Михаил и Ольга, кроме того, что были весьма близки, еще были похожи внутренне и имели схожие взгляды и жизненные установки.

В 1905 году у Михаила случилась романтическая история. Он серьезно увлекся фрейлиной своей сестры Ольги Александрой Косиковской, или Диной, как ее звали в семье. Это была прекрасно воспитанная, образованная и умная барышня с весьма сильным характером. Дина пользовалась большим успехом среди светской молодежи. Надо сказать, что Михаил долгое время поддерживал с Диной чисто дружеские отношения, поскольку, как верно замечали его друзья, *«был более серьезного нрава, чем другие»*.

Эта «серьезность нрава» являлась не чем иным, как чистотой душевных помыслов и хранением себя от греха, что в то время уже стало восприниматься как некая странность. Потому, почувствовав, что чувства его из дружбы переросли во взаимную любовь, Михаил остался на высоте своей нравственности, категорически не принимая фрейлины, незаконных отношений со своей возлюбленной. Предложения друзей построить с ней отношения как с любовницей, он воспринимал как оскорбление, *«призирая саму эту мысль»*.³⁵ Понимая, что в России вступить в законный брак им будет невозможно, влюбленные задумали обвенчаться за границей, тайно приехав в Италию. Михаил выехал в Сорренто, где в это время отдыхала его сестра Ольга с мужем. Дина, однако, сумела добраться только до Одессы. Там она была задержана агентами тайной полиции и препровождена в Петербург. *«Фрейлину, разумеется, тотчас уволили. Брат был безутешен»*, – вспоминала позже Ольга Александровна.³⁶

«У нас с ним было много общего, – рассказывала Великая Княгиня, – у нас были одинаковые вкусы, нам нравились те же люди, у нас были общие интересы, и мы никогда не ссорились. Когда меня разлучали с братом, я приходила в отчаяние». Они оба очень любили Гатчину, родительский дворец и тосковали по своему безмятежному детству, прошедшему в этих прекрасных местах.

Поэтому нам важно остановиться на истории жизни Ольги Александровны, рассказанной ею самой, ведь о многом точно так же мог бы сказать и Михаил Александрович, доживи он до тех времен, когда люди пишут свои воспоминания.

³⁴ Трубецкой В. С. С. 112.

³⁵ Radziwill, Princess Catherine. *Secrets of Dethroned Royalty*. London, 1920. P. 88. Цит. по: Кроуфорд, Розмари и Дональд, Михаил и Наталья. *Жизнь и любовь последнего Российского императора*. М., 2008. С. 17.

³⁶ Александра Владимировна Косиковская родилась в 1875 году в семье юриста Орловской губернии. С 1901 года по выбору императрицы Марии Феодоровны Александра была назначена фрейлиной Великой Княгини Ольги. Тяжело пережив историю несчастной любви и вынужденное расставание с Михаилом, Александра в декабре 1907 года выехала в Англию и больше в Россию не вернулась. До самой смерти она хранила добрую память о Михаиле, с которым считала себя помолвленной. Скопчалась в Берлине в 1923 году, в возрасте 48 лет, в совершенной нищете.

СЕСТРА ОЛЬГА

ак известно, во время железнодорожной катастрофы 1888 года шестилетняя Ольга была чудесным образом выброшена из летевшего под откос вагона далеко за придорожную насыпь. Когда же ее наконец обнаружили и попытались поднять, она вырвалась и побежала, крича: *«Они сейчас придут и всех нас убьют!»*

Ребенок выразил то, что с некоторых пор всегда чувствовал и переживал каждый член императорской семьи. Дети жили и воспитывались в постоянном ожидании смерти. Угроза покушения террористов стала неизбежным фоном жизни Романовых. Эта повседневная возможность уже сегодня предстать перед Высшим Судией формировала особое отношение к жизни: боязнь греха, размышление о главном и ежедневная готовность принять волю Божию. *«Уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге»*, учит Божественный псалмопевец, и царственные дети в полной мере *«уразумели Его страх»*, познали Бога в своем сердце и боялись преступить заветы Его.

«В Гатчинском парке был мостик, перекинутый через водопад, – писала в своих воспоминаниях Ольга Александровна, – вода неслась с оглушительным ревом, а мостик казался таким непрочным, что многие боялись ходить по нему. Если же людям все-таки нужно было перебраться на другую сторону, они пробегали по мостику, не задерживаясь ни на секунду. Так вот, мы с моим братом Михаилом частенько ходили к этому водопаду, чтобы постоять на мостишке. Стояли мы, вероятно, всего несколько минут. Но минуты эти мне казались долгими часами. Нам было ужасно страшно, и мы дрожали, разглядывая грохочущие, пенящиеся струи воды, мчавшиеся вниз. Но делали мы это не напрасно – мы побеждали свой страх. Покидая мостик, мы испытывали волнение и такое чувство, будто мы достигли, совершили нечто очень важное.

Я хочу, чтобы вы знали про этот мостик, потому что я намерена окончить свои дни с таким же чувством достигнутой цели, выполненной задачи. Хотя я и была не в силах дать много, но, думаю, я старалась, как могла, служить своей милой Родине в качестве представительницы семьи Романовых».

Она действительно всю жизнь несла это бремя ответственности – оставаясь истинной представительницей семьи Александра III и являя собой воплощение лучших черт характера этой древней монархической династии.

Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княгиня Ольга Александровна, которая была единственным «багрянородным» ребенком Александра III, поскольку родилась уже от Царствующего Императора. Фото начала XX века

Великая Княгиня
Ольга Александровна
за работой в последние
годы своей жизни.
Фото 50-х годов XX века

Одна из множества
ее удивительных
акварелей →

В эмиграции Великую Княгиню, как и в течение всей ее жизни, никогда не оставлял тот идущий из раннего детства страх оказаться жертвой покушения. Она искренне признавалась, что никогда не ложилась спать, не глянув за дверь и не заглянув под кровать. Однажды, когда лопнула водонапорная труба, она решила, что это взорвалась бомба, и первой ее реакцией было позвонить в полицию... Подобно всем по-настоящему храбрым людям, она не скрывала своих страхов и не стыдилась их, и это ни в коей мере не противоречило присущим Ольге Александровне безмятежности и спокойствию духа. Она в полной мере уповала на Бога и перед иконами в ее спальне всегда теплились лампы и свечи. *«К своей кончине Ольга Александровна относилась, как к началу какой-то иной, новой жизни, – с удивлением писал голландский публицист, надо полагать, уже утративший представление о вере христианина. – Я полагаю, что у нее никогда не возникало никаких сомнений на этот счет. Вера ее была так же чиста и искренна, как и ее изысканные натюрморты с цветами».*³⁷

В комментариях к воспоминаниям Великой Княгини Ольги Александровны европейские издатели неизменно с таким же удивлением отмечают, что *«через всю ткань этого повествования, освещающая самые мрачные страницы ее жизни, нитью из чистого золота проходит бесхитростная и чистая, как у ребенка, вера в Бога, вера ее предков и ее народа».*

³⁷ Воррес Йен. Последняя
Великая Княгиня.

КУЛИКОВСКИЕ-РОМАНОВЫ

Вернемся вновь к событиям начала XX века. В 1901 году девятнадцатилетнюю Ольгу выдали замуж за принца Петра Ольденбургского. Ничего путного из этого брака не получилось, да и брака, по сути, не было – брак был принцем проигнорирован, ибо, как писал современник, «*принц был человек немощный*».

Через два года, в апреле 1903, на военном смотре полка, проходившем в Павловске, Ольга Александровна вела беседу с офицерами-гвардейцами. Тут она обратила внимание на одного высокого капитана в синей форме гатчинских кирасир. По просьбе Ольги брат Михаил познакомил ее со своим другом офицером Лейб-гвардии Николаем Куликовским. Этот момент решил ее судьбу – Ольга поняла, что в ее жизни все изменилось – она полюбила. Те же небывалые, неоценимые чувства к Ольге испытывал и Николай.

Прямо из Гатчины Ольга Александровна отправилась в Петербург. «*Она нашла мужа во дворце, в его библиотеке, и сообщила ему, что встретила человека, который ей дорог, и попросила немедленно дать ей развод*».³⁸ Принц Петр встретил это известие хладнокровно, впрочем, при этом отнесся с полным пониманием к ситуации. Однако разводиться не предполагал, считая необходимым сохранить репутацию и честь семьи и справедливо усматривая возможные негативные последствия этого шага. Он предложил вернуться к этому вопросу через несколько лет.

Великая Княгиня
Ольга Александровна
и принц Петр
Ольденбургский

Дворец принца
П. А. Ольденбургского на
Сергиевской улице (ныне
улице Чайковского 46-48).
Фото И. Елецкого. 1890-е

В то же время принц вовсе не возражал и против встреч Ольги с Куликовским. Более того, он предложил капитану стать его адъютантом и даже переехать в их дворец на Сергиевской улице в Петербурге. Казалось бы, вот он пример «современного, свободного от предрассудков» взгляда на брак и «цивилизованного» решения проблемы. Конечно же, для Ольги Александровны это было абсолютно неприемлемо, поскольку предполагало осквернение тайнства Брака и совершение греха прелюбодеяния.

Так что, по мнению близко знавших Ольгу Александровну людей, несмотря на то, что Николай Куликовский действительно стал адъютантом принца, «влюбленные

так и не имели интимных отношений вплоть до 1915 года». Это же подтвердила позже и сама Великая Княгиня в своих воспоминаниях.

Сейчас это может показаться кому-то диковинным, но главным препятствием «обрести счастье» с любимым было именно чистое исповедание веры Великой Княгиней. Близкие отношения для Ольги предполагали (по «ныне устаревшему» взгляду верующих людей) непереносимое рождение

детей. Но дети, родившиеся в такой ситуации, считались бы детьми Петра Ольденбургского.

Православная вера, которая не позволяла ей грешить, была духоносной традицией жизни ее предков и неотъемлемой частью ее души. *«Она не была склонна к религиозному мистицизму или экзальтированности. Но брак ее был венчан в Церковном Тайнстве, и она не могла нарушить закона своей Веры. Потому Ольге Александровне не оставалось ничего другого, как 13 лет (!) ждать расторжения ее брака, волеизъявлением той же Православной Церкви»*.³⁹

Лишь в 1916 году Великая Княгиня получила разрешение императора Николая II на развод. 4 ноября этого же года 34-летняя Ольга и 35-летний Николай Куликовский обвенчались в Киеве в Старо-Киевской Васильевской церкви в присутствии императрицы Марии Феодоровны. Вскоре у них родилось двое сыновей, давших ныне известных потомков династии – семейство Куликовских-Романовых.

Великая Княгиня
Ольга Александровна и
Николай Куликовский
с детьми

³⁸ Воррес Йен. Последняя Великая Княгиня.

³⁹ Там же.

НАТАЛЬЯ ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

В свете вышесказанного совершенно по-иному предстает и наша история удивительной любви Великого Князя Михаила Романова. Надо заметить, что подчас современные исследователи, сами еще находясь вне традиции христианского мировоззрения, тем не менее, смело берутся описывать истории жизней людей воспитанных и живших в соответствии с законами Православной веры, и при этом уверенно полагают возможным проследить движения их душ, оценить их поведение и, проанализировав их поступки, сделать однозначные выводы о мотивах, ими двигавших...

У большинства исследователей биографии Великого Князя считается хорошим тоном особым авантюрно-романтическим образом преподнести историю его встречи с женщиной своей судьбы. Не придавая при этом значения ни точности дат, ни достоверности называемых мест или приводимых обстоятельств. Акцент делается на «роковом событии» и «на вихре невероятных страстей», в духе авантурных романов захватившем Михаила и Наталью.⁴⁰ Однако все, к счастью, было не совсем так, а порой и совсем не так.

Наталья Сергеевна Шереметьевская родилась 27 июня 1880 года в дачном поселке Перово под Москвой в семье дворянина, известного московского присяжного поверенного Сергея Александровича Шереметьевского, работавшего в фирме братьев Рябушинских. У Сергея Александровича всего было три дочери Вера, Ольга и Наталья.

Младшая из них Наталья, о которой пойдет речь, была очень недурна собою и училась в Москве в известной Четвертой женской гимназии, что у Вдовьего дома. Со временем девочка превратилась в прекрасную стройную барышню, выше среднего роста, «со светлыми волосами и печальными бархатными голубыми глазами, однажды увидев которые, трудно уже было забыть».⁴¹

Все, кто так или иначе был знаком с Натальей Шереметьевской и брался излагать историю ее жизни, неизменно упоминали про ее непростой, эмоциональный, но одновременно и твердый характер, что, надо думать, во многом соответствовало истине. И, конечно же, неслучайно эта женщина, оказавшаяся не просто рядом, а кровно сроднившаяся с одной из ключевых фигур российской истории в наиважнейшие моменты ее трагических изломов и катастроф, во многом явилась символом происходящих событий. Именно она оказалась самым близким последнему русскому императору человеком. Все ее внутренне духовное устройство и иллюзорные идеалы «ин-

На фото 1907 года Сергей Александрович Шереметьевский со своими тремя дочерьми: Верой, Натальей и Ольгой

⁴⁰ Мы сейчас не касаемся тех откровенно хамских произведений советских лет, где Наталья Сергеевна выставляется криминальной мошенницей, «женщиной хитрой и ловкой, как Мата Хари», а Великий Князь называется не иначе как «Мишка», который «передав Наталье свой дальний бойный "бульдог"», подбадривает свою поделницу словами: «Возьми мою иштукку – бей прямо в морду». Из романа в. С. Пихула «Нечистая сила».

⁴¹ Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 49.

Со временем девочка превратилась в прекрасную стройную барышню «с печальными бархатными гадючьими глазами, однажды увидев которые, трудно уже было забыть».

Наталья Сергеевна Шереметьевская

фото: Bravova Collection, (SSSEIS) Library, University College Archive, London →

телигенции» должны были столкнуться с иным образом мировосприятия, с подлинным благородством души, с чистой естественностью Православной веры.

Наталья Шереметьевская в полной мере воплотила в себе духовные черты тех глубоко интеллигентных слоев российского общества, которые окончательно сформировались накануне революции и, не ведая того, вполне приобщились к тлетворному духу мировой апостасии. Именно о них верно заметил В. В. Розанов в своей статье «Интеллигенция и революция»: *«Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои подбитые мехом шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».*

В постоянном томлении и неудовлетворенности жизнью Натальи Сергеевны, с ее последующим неотступным и болезненным желанием «всецелого» обладания Михаилом, с бесконечными укорами за его «малое к ней внимание», сквозит тоска о самом важном, о потерянном смысле жизни, который раскрывается лишь в евангельском служении «единому на потребу». Здесь истоки этого постоянного бега за соблазнами мира сего, с ненасытным, жадным желанием «обладать», дабы хоть как-то утолить эту вечно ноющую пустоту, с бесплодными попытками обрести ускользающую опору в прелестьях этого быта, в изысканности нарядов, в пустоте изящных безделушек, – в иллюзорном мире петербургского декаданта.

Все вышесказанное будет достаточно верной характеристикой этой женщины, и будет мало чем отличаться от всего ранее писавшегося о ней, но только при одном неизменном условии. Это условие покажется странным и явно надуманным для современного мира, но оно чрезвычайно важно для нашей истории – Наталья Шереметьевская человек верующий. Она живет и выстраивает свои поступки в строгом каноне христианской нравственности. Она не приемлет греха и боится его совершить.

ПАМЯТЬ О БРАТЕ

еликий князь Михаил Романов считался одним из богатейших людей России. Дело в том, что после безвременной кончины среднего сына Александра III – Георгия, наступившей в 1899 году, все немалое имение почившего брата было отписано Михаилу.

Надо сказать, что отношение всех императорских детей к их брату Георгию (Джорджи) можно было охарактеризовать одним словом – обожание. Георгий Александрович обладал удивительной силой обаяния, ума и интеллекта. Он был просто кумиром своих младших братьев и сестер. И не только младших. Даже старший брат Николай регулярно записывал его меткие слова, точные характеристики и неподражаемые остроумные высказывания.

Но, к сожалению, жизнь Великого Князя Георгия оказалась короткой. Избран службу морского офицера, он вскоре заболел туберкулезом. Резкое обострение болезни произошло в 1890 году, как раз во время дальнего морского похода на фрегате «Память Азова» и крейсере «Владимир Мономах»,⁴² когда Великий Князь Георгий сопровождал своего брата, «Его Императорское Высочество Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая», в его путешествии на Восток.

Из Индии Георгий вынужден был срочно вернуться в Россию. В дальнейшем врачи настоятельно советовали Великому Князю сменить климат и избрать для жительства теплый юг. Великий Князь Георгий Александрович переехал жить на Кавказ, где поселился во дворце в местечке Абас-Туман (Абастумани), в нескольких часах езды от Тбилиси.

Утром 28 июня 1899 года Георгий Александрович выехал на трехколесном велосипеде с бензиновым двигателем на прогулку по шоссе. Через несколько минут поездки он испытал сильный приступ кашля, перешедший в обильное кровотечение горлом. Потеря крови нарастала катастрофически, и вскоре страдалец цесаревич затих, скончавшись на руках крестьянки-молочницы Анны Дасоевой, оказавшейся рядом с ним в этот трагический момент.

Цесаревич Георгий почил в возрасте 28 лет, ввергнув в глубочайшую скорбь августейшее семейство и весь Дом Романовых.

Однако для Михаила память о брате Георгии имела особое, судьбоносное наполнение. Он всецело наследовал Георгию, и потому, оказавшись владельцем его имения, всех его вещей, его достоинства цесаревича, чувствовал особую духовную,

Наследник Цесаревич
Великий Князь Георгий
Александрович в форме
морского офицера

⁴² Мой прадед Степан Никитич придет служить на крейсер «Владимир Мономах» лишь в 1894 году.

Путешествие на Восток царственные братья совершали на фрегате «Память Азова». На середине пути, в 1890 году, в Бомбее, Георгию Александровичу стало плохо, и он вынужден был вернуться →

В Абастумани (Грузия). Врачи запрещали Георгию покидать юг даже в Петербург на похороны отца. Единственной радостью Георгия были визиты матери и родных

Малоканка Анна Дасоева, на руках которой скончался Георгий

молитвенную связь со своим безвременно почившим братом. Именно поэтому своего единственного сына Михаил впоследствии назовет в память о брате – Георгием. И даже ласково, по-семейному, он с женой Натальей будет называть его так, как в императорской семье звали брата, – «Джорджи».

Что же касается любимого имения Георгия в Орловской губернии, которое также наследовал Михаил, да и самого названия имения – «Брасово», то они вскоре окажутся необычайно значимыми для всей последующей жизни Великого Князя и его семьи. Его сын Георгий Александрович будет иметь титул графа Брасова, равно как и его горячо любимая супруга станет графиней Натальей Сергеевной Брасовой.

Я хорошо помню с детства две напольные «восточные» вазы из дворца на Английской набережной, которые имели казавшийся нам всем странным вензель – «ГР». И лишь теперь становится понятным, что эти вазы были украшены вензелем в честь Георгия Романова и подарены ему в том морском путешествии на Восток.

И, конечно же, принадлежавшая Михаилу икона Божией Матери Казанская, с которой мы начали это повествование, изначально, в 1888 году, была написана в дар Великому Князю Георгию Александровичу. Эта икона была даром монахов мужского монастыря Казанской Богородицкой Площанской пустыни.

ИКОНА ПЛОЩАНСКОЙ ПУСТЫНИ

Время возникновения Пустыни на «площанском», «плоском месте» относится к XV веку. Впоследствии, в смутные времена польского нашествия древняя обитель была разорена и восстановлена лишь около 1620 года. Некий священноинок Прокопий, родом грек, пришедший из Киево-Печерской Лавры, испросив благословение у Патриарха Филарета (Романова), получил жалованную грамоту первого царя династии Романовых, Михаила Федоровича, на восстановление монашеской жизни на древнем святом месте.

Зримым воплощением благословения, полученного от первого царя Дома Романовых, явилась икона Божией Матери Казанская, врученная Прокопию как духовное начало обители. С тех пор обитель начала строиться и укрепляться. Пустынь стала именоваться – мужской монастырь Казанская Богородицкая Площанская пустынь и всегда свято сберегала этот древний образ как духовный стержень обители.

Шло время. Почитание святыни возрастало и вскоре стало повсеместным в Орловской епархии. Чудотворная икона Божией Матери «Казанская – Площанская» ежегодным Крестным ходом износилась из монастыря для поклонения по городам и весям Орловской епархии. В семидесятых годах XIX века предводитель дворянства Орловской губернии, действительный статский советник В. В. Апраксин продал свое имение в районе Пустыни в Департамент уделов, и таким образом селение Брасово отошло к среднему сыну императора Великому Князю Георгию. С этого времени Царица Небесная в образе Божией Матери Казанская начала Свои путешествия с торжественного посещения великокняжеского имения Брасово.

Когда же в 1888 году в монастырь пришло известие о великой милости Божией, явленной в чуде спасения царской семьи, то в память об этом событии было решено сделать подношение царственному соседу, тогдашнему владельцу имения Брасово Великому Князю Георгию Александровичу – точный список с чудотворной «Площанской» иконы. Наиболее достойным мастером-иконописцем в то время в монастыре был иеромонах Савватий. Икона писалась им «в полную меру и подобие», то есть облик Богородицы копировался досконально. Равным образом и размеры иконы соответствовали подлиннику: «*пять четвертей на один аршин*», что в переводе на современное исчисление означает – 89 x 71 см.

Единственная копия Площанской иконы, сохранившаяся после смуты XX века и почитаемая ныне в монастыре

Посещение Великим Князем Михаилом Площанского Богородичного монастыря в 1901 году.
фото ЦДЛКФФД СПб →

Клейма на серебряном окладе свидетельствуют об истории его изготовления

43 Богдельня – в России до 1917 года благотворительный или государственный приют для престарелых, инвалидов и иных людей, нуждающихся в уходе.

44 Ясли – дореволюционные учреждения, содержавшиеся на средства благотворительного общества «Ясли», которые давали дневной приют детям матерей-работниц, возрастом от 5 недель и до 7 лет, во все рабочие дни с 5 утра и до 8 часов вечера.

45 Воейков Владимир Николаевич (2.08.1868 – 8.10.1947) – в упомянутом 1901 году – кавалергард. С 1907 года генерал-майор Свиты Его Императорского Величества и командир лейб-гвардии гусарского полка. Крестный царевича Алексия и дворцовый комендант. Имел обширное хозяйство и производство на территории Севского уезда Орловской губернии.

46 Петров Михаил Иванович (1846 – ?), генерал-майор. В 1901 году назначен на должность начальника Московско-Киевского жандармского железнодорожного управления.

47 Дневник Михаила Романова за 1901 год. ГАРФ, ф. 668.

Год спустя икона обрела и свой удивительный серебряный оклад, увенчанный царской порфирой. На полях оклада можно увидеть год изготовления – 1889. Нанесенные рядом фирменные клейма мастеров позволяют нам узнать и места, где изготавливалась риза Царицы Небесной: в Москве и Санкт-Петербурге. Серебро оклада клеймилось дважды: в Пробирной Палате Москвы – имеется герб города – Георгий Победоносец – и клеймо пробирного мастера: «А. Р.». Второе клеймо мастера – «М. Панкратьевъ» – было сделано в Петербурге, о чем свидетельствуют скрещенные якоря – герб города на Неве.

Впоследствии, как мы упоминали, после смерти Великого Князя Георгия, эта икона была вместе с именем Брасово наследована Великим Князем Михаилом Романовым.

Интересна дневниковая запись 1901 года, воспроизводящая события воскресного дня, проведенного Михаилом Александровичем в своем Брасовском имении: *«19 августа, воскресенье. Брасово. В 9 с четвертью поехали в церковь села Брасово к обедне. Потом были в оранжереях, посетили богдельню⁴³ и поехали в ясли.⁴⁴ Оттуда домой на завтрак [отметим, что, как и положено, в Литургии Великий Князь участвовал натошак. – И. М.]. За завтраком были Воейков (мой сосед),⁴⁵ двое священников, жандармский генерал.⁴⁶ В 2 с половиной часа мы отправились по Хутор-Холмецкой дороге, были в церкви, а на обратном пути прибыли в Площанскую пустынь. Отец Серафим [архимандрит Серафим (Купчинский), настоятель монастыря с 1889 по 1905 гг. – И. М.] нас угостил чаем. Осмотрели монастырь и в 7 с половиной часов обедали. На обеде были о. Серафим, о. Феодосий, Бантлей, двое управляющих и доктор.»⁴⁷*

МУЗЫКАНТЫ И КИРАСИРЫ

В 1902 году юная Наташа Шереметьевская вышла замуж за известного музыканта, концертмейстера московского Большого театра Сергея Ивановича Мамонтова (1877 – 1938), сына известного купца и мецената И. Н. Мамонтова.⁴⁸ Сергей Иванович всецело был предан миру классической музыки, жил жизнью оперного искусства, в которую ввел и свою супругу Наталью. Его друзьями были выдающиеся музыканты и певцы начала XX века С. Рахманинов, А. Капп, Ф. Шаляпин, Л. Собинов, Д. Смирнов. Этот круг общения стал весьма востребованным для энергичной, деятельной и творческой натуры Натальи Сергеевны и сохранился в ее дальнейшей жизни. В то же время стало понятно, что она не готова смиренно сидеть дома и жертвовать всем ради служения музе своего супруга.

2 июня 1903 года в семье Мамонтовых родился ребенок – девочка Наташа («Тата»). Однако рождение ребенка не принесло покоя и гармонии в семейную жизнь Мамонтовых. Сергей Мамонтов имел тихий и застенчивый нрав, заикался и, не разделяя тяги Натальи к светским удовольствиям, уклонялся от приглашений на приемы и балы, что приводило его жену в состояние уныния и тоски. Будучи не в силах «справляться с эмоциональными всплесками Натальи Сергеевны», он не стал противиться ее самостоятельным выездам на светские мероприятия.

И вот однажды в одном из модных московских салонов Наташа встретила своего давнего друга со школьных лет Владимира Вульфerta, ныне блестящего кавалерийско-

Концертмейстер московского Большого театра Сергей Иванович Мамонтов

Офицер гагчинских кирасир Владимир Вульферт

← Наташа Сергеевна с дочкой Татой

Современный вид дома № 7 по Багговутовской улице. Видны остатки некогда изрядных кованых решеток и ворот. Именно сюда часто приезжал Великий Князь, приглашая чету Вульферт на прогулки в автомобиле →

48 Иван Николаевич Мамонтов (1846–1899) – двоюродный брат известного мецената Саввы

Ивановича Мамонтова, кандидат права, долгое время руководивший финансовой комиссией при Московской городской думе.

Предпринимательская деятельность Ивана Николаевича сложилась не очень удачно: будучи совладельцем «Торгового дома Иван и Савва Мамонтовы», организованного в 1879 году, в 1889 он оказался на пороге разорения и вышел из семейного дела. В 1887 году возглавил «Комиссию о пользах и нуждах общественных и призрения нищих».

49 Из воспоминаний внучки Натальи Сергеевны Полины Грей. Grey, Paulin. The Grand Duke's Woman. London, 1976. P. 11.

50 Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 469.

51 Улица названа в честь Карла Багговута – коменданта Гатчины, первого почетного гражданина города. Но в 1922 году гатчинцам оказался более дорог другой Карл, и улицу переименовали.

го офицера, голубоглазого и черноусого кирасира, проводившего отпуск в Москве. И сердце Натальи не устояло перед его настойчивыми ухаживаниями. Как впоследствии искренне признавалась мужу Наталья, у нее и в мыслях не было искать любовных приключений, а супружеская измена для нее абсолютно невозможна, поскольку даже мысль об этом для нее отвратительна. *«Наталья никогда не была человеком, способным жить во лжи и обмане»*.⁴⁹ Вскоре стало ясно, что дело идет к разводу, на чем, собственно, уже открыто настаивал сам Сергей Иванович, к этому моменту уже покинувший их московский дом.

В 1905 году Наталья Сергеевна оформила развод с Мамонтовым и вышла замуж за Владимира Владимировича Вульфберга. Поручик Вульферт служил в полку синих кирасир, начав карьерой в 1900 году. По отзывам современников, Владимир Владимирович был *«невысокого роста, тонкий, подвижный, с выдающимися скулами, с баксами»*,⁵⁰ благородных кровей, хорошего образования и весьма неглупый.

Супруги переехали в Гатчину на квартиру по Багговутовской улице,⁵¹ дом 7 (ныне улица Карла Маркса). Вульферт обеспечил свою избранницу приличным достатком, прислугой, кухаркой и няней для маленькой дочери Таты. В отличие от первого мужа Владимир Владимирович был человеком светским, любил принимать гостей, прекрасно танцевал и с удовольствием сам «выезжал в свет» со своей красавицей супругой.

Наталья Сергеевна пришла к внутренней гармонии и была вполне счастлива. Также она решительно приняла для себя внутреннюю установку как можно скорее преодолеть в глазах гатчинского гарнизонного общества тот очевидный для «полковой дамы» изъян «второго брака» и стать Владимиру верной и любящей женой, хранительницей семейного очага. Чета Вульфбертов включилась в гарнизонную жизнь «синих кирасир», где войсковые учения и летние маневры перемежались с дружескими пирушками и грандиозными полковыми праздниками.

Полковой праздник
в Императорской армии
фото ЦДЛФФ-Фд СПб

ПОСТНЫЕ ИСКУШЕНИЯ

Великий Князь Михаил Александрович увидел Наталью Сергеевну 6 декабря 1907 года, на праздничном фуршете, организованном в здании полкового манежа синих кирасир, по окончании обеденной службы на «Николу Зимнего». Весьма заинтересованный, штабс-капитан Романов решил подойти и познакомиться с неизвестной ему «*полковой дамой*»,⁵² стоявшей в окружении офицеров. Узнав, что очаровательная незнакомка – жена его давнего приятеля и сослуживца ротмистра Вульфберта, Его Царское Высочество сделал несколько приличествующих случаю комплиментов. Этим знакомство было ограничено.

Шел Рождественский пост, и этот праздничный фуршет был приятным исключением, сделанным лишь ради дня памяти святителя Николая Чудотворца – небес-

⁵² «Полковые дамы» – жены гвардейских офицеров, обладавшие особым статусом. Имеющий намерение жениться офицер гвардии испрашивал на то разрешение у командира полка. После изучения биографии невесты и степени ее благоприобретенности командир передавал дело о приеме данной особы в состав полковых дам на решение офицерского собрания. В случае если офицер женился на признанной «недостойной» или вообще без ведомо командира, то он подвергался аресту и выбывал из состава гвардейского полка.

ного покровителя полка гатчинских кирасир. Воспитанный в строгой вере, Великий Князь не позволял себе в пост эмоциональных увеселений и развлечений ума. Привычно дисциплинируя свои чувства и мысли, он, однако, не мог не отметить, что образ «дамы из манежа» вызывает у него странную симпатию, и что почему-то защемило сердце...

Можно представить, как хороша была тогда эта женщина, если почти десять лет спустя французский посол в России Морис Палеолог писал о ней в дневнике: *«Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о простом, индивидуальном и утонченном вкусе... Выражение лица гордое и чистое; черты прелестны; глаза бархатистые... Малейшее ее движение отдает нежнейшей грацией...»*

Тем временем наступило главное событие сезона светской жизни Гатчины 1908 года – Рождественский бал кирасирского полка. Для всего полкового сообщества на этом балу удивительным явилось то обилие внимания, которое уделил Великий Князь офицеру Вульферту и его жене. Подойдя к их столику в сопровождении командира полка генерала Бернова, Михаил Александрович больше уже от четы Вульфертов не отлучался. И та мазурка, на которую он пригласил Наталью Сергеевну, привлекла самое пристальное внимание всех присутствующих, и многие поймали себя на весьма вольной мысли – «какая прекрасная пара!»

Полковая дама
Наталья Сергеевна

«В танце».
Более поздняя фотография:
шутливое воспоминание
о прошлых годах

МЫСЛИ И ЧУВСТВА

осле того Рождественского бала Михаил Александрович ясно понял, что, как ни страшно это звучит в отношении жены своего сослуживца, но без общения с Натальей Сергеевной он больше жить не сможет. Выход для него был один – постараться оставаться в дружеских отношениях со всем семейством Вульфбертов.

Надо сказать, что Михаил Александрович нашел в Наталье Сергеевне (впрочем, как ранее и в ее супруге) интересную и умную собеседницу, натуру, тонко чувствующую мир и умеющую сопереживать чужим чувствам. В свою очередь, и хорошо знавшие Наталью Сергеевну люди отмечали, что ничто так ее не занимало и привлекало, как серьезная, глубокая беседа с интересными и умными людьми. При этом надо понимать, что достаточно специфичная атмосфера гарнизонной жизни, создавала определенный дефицит общения именно такого уровня. В этом смысле высокообразованный и глубоко чувствующий Михаил Александрович явился для четы Вульфбертов желанным другом и собеседником.

Михаил был хорошо знаком с Вульфбертом по совместному серьезному увлечению фотоделом. Великий Князь с 1902 года являлся покровителем Санкт-Петербургского фотографического общества. Отец Владимира Владимировича, Владимир Карлович Вульфберт, был первым председателем Русского фотографического общества, которое возглавлял до своей кончины в 1906 году.⁵³

Друзья много гуляли втроем по старой Гатчине, по местам, связанным с детством Великого Князя, совершали поездки на его авто по всем дорогам для Михаила краям петербургских пригородов. Вскоре к их компании присоединилась и его сестра Великая Княгиня Ольга со своим возлюбленным – поручиком Куликовским.

Так прошел весь 1908 год. Все происходившее отныне в этой повседневной жизни Гатчинского полка для Михаила и Натальи постепенно стало иметь как бы новую окраску, наполняло происходящее особым, волнующим значением, только лишь им одним ведомым смыслом. То, что теперь занимало их сердца, вовсе не было страстью. Это было нечто удивительное, ранее ими не познанное, а точнее, забытое из далеких и чистых романтических юношеских снов.

Августейшее внимание, конечно же, не могло не тешить самолюбия Натальи Сергеевны, равно как и весьма льстило ее мужу Владимиру. Скорее всего, он гордился своей очаровательной супругой и нисколько не сомневался в ее порядочности,

Страничка дневника Натальи Сергеевны. «Ура! Приезд в Гатчину. Вечером – Его Высочество Михаил Александрович». Дневник хранится в Лондонском университете. *Library, University College Archive.*

⁵³ Именно благодаря стараниям Михаила знаменитый фотограф С. М. Прокудин-Горский был представлен императору и, получив Высочайшую поддержку, приступил к созданию ныне широко известной цветной фотопечати. Наталье Сергеевне фотоделописы русской фотии начала XX века.

На снимке участники традиционных прогулок по Гатчине весной 1908 года.

Фотографирует Владимир Вульферт. На заднем плане Великая Княгиня Ольга и поручик Николай Куликовский. Рядом с Михаилом Александровичем и Натальей в траве миниатюрная (по тем временам) фотокамера. Изначально Великий Князь и его сослуживец поручик Вульферт сошлись из-за общего интереса – большого увлечения фотографией.

Этому способствовало и то, что отец Вульферта, Владимир Карлович, был председателем Русского фотографического общества – весьма авторитетной и представительной в то время организации России.

Фото: *Braxova Collection of Leeds Russian Archive (LRA)*

что в полной мере соответствовало действительности. Так что никаких жалоб сослуживцам или командиру полка от поручика Вульферта на столь устойчивое внимание Михаила Александровича к его дому не поступало.

Наталья Сергеевна, по отзывам современников, была женщиной необычной. «Она была восхитительна... Пепельные волосы, глаза с поволокой, кошачья, левая грация...» Единственно, чего ей, может быть, не хватало, так это той естественной простоты, которая сразу отличает подлинное благородство человека высших кровей, простоты, которая, всегда оставаясь самой собой, не имеет ничего общего ни со снисходительностью, ни с заносчивостью, ни с панибратством.

Этой простотой обращения в полной мере обладал Михаил Александрович, так же как и его венценосный брат, как и сестра Ольга. Простота, которая обезоруживала, очаровывая каждого, кто имел возможность общаться с этими лучшими представителями древней монархической династии. Но особо удивляло то, что именно в этой простоте и скрывалась сила того безупречного чувства собственного достоинства, что действовала неотразимо и неизменно внушала безоговорочное уважение.

СИТУАЦИЯ

Михаил Александрович, безусловно, был любимцем полка. За прошедшие с марта 1906 года три года, когда Михаил был назначен командиром Первого эскадрона Лейб-гвардии кирасирского полка, его репутация оставалась безупречной. Командиром полка в то время был генерал-майор свиты Его Величества барон Л. Ф. Жирар де Сукантон,⁵⁴ принявший командование «синими кирасирами» в 1905 году. Лев Федорович неукоснительно стоял на страже строгих гвардейских традиций товарищества и в определенном смысле являлся гарантом недопущения любого, даже самого безобидного, флирта в отношении полковых дам, являясь принципиальным сторонником немедленного применения самых суровых мер к нарушителям.

Сменивший барона в 1907 году генерал-майор свиты Его Величества Е. И. Бернов,⁵⁵ казалось бы, так же должен был следить за строгим выполнением гвардейских традиций, отнюдь не допуская никаких романов между полковыми дамами и товарищами их мужей. На деле все оказалось иначе. Генерал предпочел не вмешиваться сначала в роман поручика Куликовского с Великой Княгиней Ольгой, а затем достаточно спокойно относился к истории отношений Михаила Александровича с четой Вульферт.

Хотя справедливости ради надо признать, что причиной такого спокойствия явилось безукоризненность поведения Великого Князя и неизменная дружеская симпатия к Михаилу Александровичу как самого Владимира Вульферта, так и его жены. Скорее всего, участники этой истории слишком полагались на свои силы, считая, что смогут и дальше держать ситуацию под контролем.

Однако, что касалось Михаила Александровича, то постепенно он чувствовал себя все более и более скверно, понимая, что, пользуясь доверием своего сослуживца, ведет себя бесчестно, поскольку находится уже во власти сильнейшей привязанности к Наталье Сергеевне. Но отказаться от встреч, от этих возможностей видеть Наталью Сергеевну он был уже абсолютно не в силах.

Полковое офицерство какое-то время ожидало дальнейшего привычного развития событий. «По полковой традиции такие дела, если не кончались дуэлью, то, во всяком случае, влекли за собой неминуемый выход из полка офицера, посягнувшего на жену товарища».⁵⁶ Однако никакого прецедента, по сути, не происходило, все оставалось без видимых изменений.

При этом следует заметить, что прошло уже почти полтора года (!) с того памятного для всех Рождественского полкового бала. Но ни Великий Князь, ни Ната-

⁵⁴ Лев Федорович Жирар-де-Сукантон (1855–1918) – из русского баронского рода, предки переехали из Франции в конце XVII века. Командовал гатчинскими кирасирами с 14.03.1905 по 24.05.1907 года.

⁵⁵ Евгений Иванович Бернов (1855–?) командовал гатчинскими кирасирами с 09.06.1907 по 03.03.1912 года.

⁵⁶ Трубецкой в. С. Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. С. 190.

На крыльце дома Вульфбертов
на Багговутской улице.
Красивые резные входные двери,
изящные занавеси на окнах.
«Иная жизнь и берег дальний...»
Фото 1908 года.

Фото: *Braxton Collection, (SSEES) Library,
University College Archive, London*

ля Сергеевна так и не позволили себе чего-либо, что можно было расценить как «покушение на полковые устои».

Наступала весна 1909 года. К концу марта стало окончательно понятно, что симпатии и потребность в общении Натальи и Михаила приобретают neodолжимый характер и что эти чувства становятся взаимными. Здесь следует заметить, что Наталья Сергеевна все это долгое время неукоснительно строго выдерживала положенную замужней женщине «дистанцию», не позволяя себе даже в мыслях обмана в семейной жизни и тем более разрушения брака. Когда же в мае 1909 года наступил решительный момент и она поняла, что не в силах более противиться своим чувствам и что она полюбила Михаила, Наталья осталась честной и цельной натурой. Близость в отношениях с мужем Владимиром для нее с этого момента стала невозможной – она не могла и не умела лгать. Она сопротивлялась своим чувствам до последнего, но сила любви сделала свое дело, *«ибо крепка, как смерть, любовь... Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением»* (Песн. 8, 6-7).

Наталья Сергеевна впоследствии писала Михаилу: *«Не правы те, кто винят меня одну – ведь и ты делал все, чтобы влюбить меня в себя, и достиг этого с таким совершенством»*.

Наталья решительно не умела и не могла лгать. Ее отказ разделить с мужем супружеское ложе ошеломил Вульфберга. Он не ожидал этого, в полной мере доверяя своей жене, тем более, зная, что та не способна ко лжи и измене. Владимир был потрясен и, потеряв контроль над собой, привел ситуацию к взрыву. В ярости он, угрожая пистолетом, совершил насилие по отношению к своей жене, что, конечно, по ее внутреннему духовному устройству было абсолютно недопустимо. Произошедшее для Натальи означало лишь одно: уважаемого ею мужа Владимира у нее больше нет.

Оправившись от потрясения, Наталья Сергеевна, тем не менее, сумела отстоять свое достоинство и, убедив мужа в необходимости побыть одной и все обдумать, выехала за границу. Таким образом она укрылась от него сначала в Берлине, а затем в Швейцарии.

Уже из-за границы Наталья Сергеевна написала ему письмо со своим окончательным решением: *«Я пишу тебе последний раз в жизни, и мне тяжело наносить тебе такой удар. Но я должна тебе сказать, что не могу к тебе вернуться... Я не могу жить с тобой, и никто и ничто не заставит меня сделать это насильно... Прости мне все, что я тебе сделала, во имя нашего прежнего, прошу, оставь меня и забудь. Н. 28 июля 1909 года»*.

Весна 1909 года. Чувствуется приближение развязки. Михаил Александрович расстроен и напряжен. Равно, как и стоящий за его спиной Вульфберг. За спиной Наталья Сергеевна корнет Абаканович, жених лучшей подруги Натальи – Маргариты.
Фотом.: Braxova Collection, (SSEES) Library, University College Archive, London

ПОРУЧИК ВУЛЬФЕРТ

ыло бы несправедливо не отметить, что, оправившись от первого потрясения, поручик Вульферт повел себя исключительно достойно, ибо больше всего в этой ситуации Владимира Владимировича волновала честь его жены.

На личной встрече один на один с Великим Князем он потребовал ответа о намерениях Михаила Александровича в отношении Натальи. Михаил, естественно, говорил правду: он честно признался, что не может жить без Натальи Сергеевны. На что Вульферт, заметил, что чувства Князя его не волнуют и что он принимает во внимание лишь чувства своей жены Натальи, и, уважая ее выбор, выдвигает Михаилу два варианта условий, при которых он готов предоставить ей развод. Первый вариант возможен, если Великий Князь обещает жениться на Наталье Сергеевне. В случае если Великий Князь не намерен жениться, тогда возможен и второй вариант развода четы Вульферт: если Михаил оставит Наталью и не посмеет пребывать с ней в близких отношениях. Если же Великий Князь предполагает иметь Наталью Сергеевну в содержаниях, то поручик Вульферт вызывает Князя на дуэль.

Естественно, в настоящий момент ни один из предложенных вариантов развода не мог быть осуществлен. Следовательно, осталась лишь дуэль. Очевидец впоследствии писал: *«Простой офицер вызывал на дуэль брата царя. Были выбраны секунданты. Были приготовлены pistols. Вдруг Великого Князя требуют к Государю...»*⁵⁷

На встрече с Михаилом Государь Император высказал брату свое крайнее недовольство тем скандалом, в котором Михаил оказался замешан, и повелел тому незамедлительно сдать командование Гатчинским эскадромом и уехать в город Орел. Великий Князь назначался командиром гусарского Черниговского полка.

Одновременно и командир кирасирского полка генерал Бернов был вызван к министру императорского двора барону Фредериксу. Здесь была решена судьба поручика Вульферта: ему предложили подать рапорт об увольнении из полка по причине «недостойного поведения». При этом, понимая ситуацию, Вульферту предложили *«в виде некоей компенсации видное место во дворцовом ведомстве»*⁵⁸ в Москве с весьма приличным жалованием. Владимир Владимирович сначала «в сердцах» решительно все отверг, но затем согласился, понимая, что в кирасирах ему больше не служить. Вульферту присвоили чин лейтенанта и подняли жалование до 5 000 рублей.

Револьвер системы бельгийского оружейника Леона Нагана, с 1895 года являлся личным оружием офицеров Царской армии

⁵⁷ Гушик В. Тайна Гатчинского дворца. Рига, 1927. С. 27.

⁵⁸ Трубецкой в. С. Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. С. 191.

ПРОШЛОЕ

Если мы испытываем уважение к памяти Великого Князя Михаила Александровича Романова, то должны в полной мере уважать и его сердечный выбор. Тем более что это был выбор единственный и на всю жизнь: *«Я знаю только одну женщину, которой отдаю всю мою любовь, всю привязанность, преданность и нежность, которую люблю и уважаю как настоящую свою жену»*.⁵⁹

Избранница Великого Князя Наталья Сергеевна была воспитана в строгих устоях крепкой православной семьи дворян Шереметьевских и имела в душе самые искренние намерения обрести и свое счастье в семейной жизни.

Следует сказать, что избранниками Натальи были люди очень достойные и в определенном смысле выдающиеся. Как мы упоминали ранее, первый муж Натальи Сергеевны Сергей Иванович Мамонтов (1877–1938) был исключительно порядочным человеком и весьма талантливым музыкантом. После революции, в 1920 году, С. И. Мамонтов эмигрировал в Эстонию, где первые годы скитался, работая тапером на киносеансах. Но уже в 1923 году Сергей Иванович был принят на работу концертмейстером театра «Эстония» и одновременно начал преподавать в Таллиннской консерватории. Именно в это время в полной мере раскрылся его музыкальный талант.

Общепризнанно, что С. И. Мамонтов внес огромный вклад в становление эстонского национального оперного искусства. За время его работы в «Эстонии» возглавляемым им оркестром были разучены тридцать три оперных произведения, в том числе такие фундаментальные музыкальные творения, как «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Лоэнгрин», «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь». Сергей Иванович Мамонтов скончался в 1938 году и был похоронен в Таллинне в Александрово-Невском русском некрополе.

Выше мы уже давали характеристику и второму мужу Натальи Сергеевны, но, думается, будет уместным сказать еще несколько слов о предках В. В. Вульфберта. Отец Владимира Владимировича был дворянин Владимир Карлович Вульфберт (†1906 г.), член Судебной палаты Москвы, первый председатель Русского фотографического общества.⁶⁰

⁵⁹ ГАРФ. 622/12. Письмо 31.10.1909.

⁶⁰ Газета «Русские ведомости», 1906. № 115. 29 апреля. С. 1.

Дедом Владимира был Карл Антонович Вульферт (1796 – 31 октября 1848 года), из дворян Финляндской губернии, сын надворного советника. Полковник артиллерии. Дед имел поместье в Воронежской губернии и был женат на Надежде Владимировне Станкевич, сестре известного Николая Станкевича, друга Лермонтова по Московскому университету, русского писателя, поэта, публициста и мыслителя.

Вульферты были участниками созданного Станкевичем кружка, весьма известного в истории общественной мысли России. В этот кружок входили Михаил Бакунин, Виссарион Белинский, Василий Боткин, Константин Аксаков.

Таким образом, мы видим, что избранники Натальи Сергеевны являлись потомками благородных родов и были людьми весьма достойными.

Чтобы все же в полной мере завершить историю Владимира Владимировича, скажем, что после убийства из Гатчинского полка «синих кирасир» Вульферт был принят на службу чиновником особых поручений при Оружейной палате Кремля. В обязанности его входила ревизия Оружейной палаты, управление конюшней и попечение о школе, где учились дети служащих Дворцового управления.

Вскоре после развода с Натальей Сергеевной тридцатидвухлетний Вульферт женился вторично. Женой его стала девица Вера Григорьевна Петухова (1888 г. р.), известная красавица, одна из четырех дочерей замоскворецкой купчихи Елены Сергеевны Петуховой. После революции Владимир Владимирович из России не эмигрировал и до 1918 года оставался служить в Оружейной палате. Затем работал в «ремонтно-закупочной комиссии при Мобилизационном управлении». Имел двоих дочерей. В апреле 1925 года Вульферт был арестован и осужден по статье 58-12 УК РФ: «Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении». Его сослали в Усть-Сысольский уезд АО Коми (Зырянский край) сроком на три года. По окончании срока был лишен права проживания в крупных городах РСФСР. В 1928 году поселился в Твери (в то время Калининне). Работал в Тверском Краеведческом музее, а также преподавателем танцев в «Клубе связи». Отпустил баки и бородку. На маленьком участке при доме разводил «различные цветы и за несколько лет собирался вывести голубые георгины».

Вновь был арестован 17 ноября 1937 года и приговорен Тройкой УНКВД к высшей мере. Расстрелян 4 декабря 1937 года. Постановлением Президиума Калининского областного суда от 26 декабря 1958 года реабилитирован.

Выписка из протокола
Тройки УНКВД
Калининской области
о расстреле Вульферта
Владимира Владимировича
(быв. артыя Тверской области)

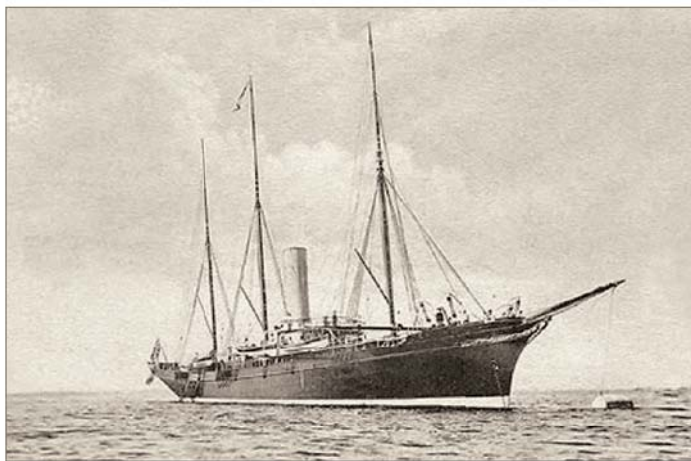
Копенгаген.
Гостиница «Англетер».
Эту открытку Михаил
послал с борта уходящей
яхты «Зарница»:
*«Я тебя не оставляю
никогда, никогда... Знай,
что я весь твой».*
Brosova Collection of Leeds Russian
Archive (LRA)

КОПЕНГАГЕНСКАЯ СКАЗКА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Все это будет позже, в другой жизни и другом мире. Этой же весной 1909 еще никто не знал, что только лишь одной Наталье Сергеевне предстоит пережить абсолютно всех близких и дорогих ей людей, равно как пройти страшными вехами крестного пути к полной нищете и забвению.

Тогда, весной 1909 года, Наталья Сергеевна не вернулась к мужу в Россию. Она приняла трудное, но окончательное решение, и для нее все «мосты были сожжены». Теперь Михаил и Наталья могли решиться и на столь чаемую встречу. Это случилось лишь 5 августа в Копенгагене в «Королевских апартаментах» гостиницы Англетер, где уже никто не мог отнять их упоительной радости и блаженного единства.

Яхта Великого князя
Михаила Александровича
«Зарница»

В такие редкие моменты нашего земного бытия человеку как бы чуть приоткрывается тайна вечной жизни. В такие минуты понимаешь, в чем состоит Божье «избранничество: это право безмерно любить», – как мудро замечает Камю, – и что, по сути, «есть лишь одна любовь в этом мире». И нет большего счастья на земле, чем сжимать в объятиях тело любимой женщины, и что это – «тоже, что вбить в себя странную радость, которая с неба нисходит к морю».⁶¹

«Восемь самых счастливых дней моей жизни, – так напишет Михаил с борта удаляющейся в море его яхты «Зарница», – я чувствую к тебе такую огромную любовь, такую привязанность, преданность и бесконечную нежность, которую еще никогда не чувствовал».⁶²

После копенгагенской сказки оказалось, что Михаил Александрович настроен более чем серьезно. Он решительно не желал отныне никаких постыдных тайн в их отношениях. Его цельная натура не принимала условий негласных любовных встреч. Он, как и всегда проявлял «непоколебимую твердость убеждений и кристальную душевную чистоту».⁶³

⁶¹ Камю, Альбер.
Избранное // Бракосочетание Типаса.
Минск, 1989. С. 46.

⁶² ГАРФ. 622/10. Письма
М.А. 13-14 августа
1909 года.

⁶³ Характеристика, данная
Михаилу Александровичу
С. Ю. Витте. Из дневника
Великого князя
Константина (К. Р.);
Кроуфорд, Михаил и
Наталья. С. 41.

Думается, нелишним будет заметить, что «кристальная душевная чистота» для Михаила, несмотря на распускаемые о нем сплетни, была неразрывно связана с чистотой телесной. В одном из писем он признавался своей избраннице, что при первой встрече в Копенгагене очень переживал из-за отсутствия к своим тридцати годам «известного опыта», что «раньше много горевал, и так тяготился мыслью, что никогда не было близости, и думал, неужели ее не будет всю жизнь... В Копенгагене... я страшно спрадал и мучался по поводу именно этого вопроса. И вот только теперь я совсем успокоился, после того, что почувствовал, как сильно мы принадлежим друг другу и как глубоко счастливы этим».⁶⁴

Михаил желал быть с Натальей всегда и желал видеть ее своей законной супругой. «Эта любовь, подобно огню, очистила меня. Я стал человеком», – вот чем явилось для него произошедшее и чем отныне он вымерял все свои поступки. Увы, но всех остальные, даже самые близкие и дорогие ему люди, воспринимали произошедшее как дурной каприз, моветон и объясняли тем, что «бедный Миша, очевидно, стал на время неменяемым, он думает и мыслит, как она прикажет, и спорить с ним совершенно напрасно...»

Серьезность намерений и подлинная глубина чувств, во власти которых оказались влюбленные, в то же время вступали в мучительное противоречие с внутренними моральными устоями, со строгими нравственными принципами и традициями, унаследованными как Михаилом, так и Натальей от своих родителей. «Положение любовницы было глубоко чуждо воспитанию и натуре Натальи Сергеевны. Ее родителей в свое время шокировал первый ее развод, теперь же поведение дочери казалось им таким постыдным, что они отказывались его понимать и не ждали ничего хорошего для нее в будущем».⁶⁵

Все происходящее равным образом оказалось полной неожиданностью и вызвало потрясение и августейшего семейства. Ситуация складывалась более чем серьезная: брат Государя Императора Всероссийского Великий Князь Михаил Александрович (имевший титул Правителя государства) стал открыто встречаться с замужней женщиной, которая ему абсолютно «не пара». И более того, чуть ли не собирается узаконить эту свою странную связь.

Так что речь тут шла уже не спасении чести Гвардейского полка, а о покушении на незыблемые устои Российской Империи, ибо «никто из Великих Князей и Великих Княжон не может вступать в брак с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому».⁶⁶

64 Письмо от 29 октября 1909 года. ГАРФ, 622/12.

65 Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 149.

66 Избранные статьи Свода Основных Государственных законов Российской Империи. См.: Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М., 2004. С. 471.

Николай и Александра.
Михаил завидовал брату,
что так сильно и глубоко
любимая им женщина,
Александра Федоровна,
была, как и положено,
царских кровей, и ничто не
мешало их счастью

ИМПЕРАТОР

Император Николай Александрович (вопреки досужим толкам) очень любил своего младшего брата Мишу. В первое время, прослышав о «гатчинском» увлечении Михаила, он отнесся к этой истории относительно спокойно, как к неизбежным признакам возмужания брата.

Когда же Наталья Вульферт решительно ушла к Михаилу, а сам ротмистр угрожал брату дуэлью, ситуация стала скандальной. Кроме того, императору вновь доложили и о решительных намерениях Великого Князя относительно женитьбы на мадам Вульферт. Между братьями состоялся серьезный разговор. Мысль императора была предельно ясна: *«Я имею всегда лишь одну цель перед собой: благо Родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей».*

Михаил тоже очень любил Родину, любил брата и совершенно не хотел никого расстраивать. Кроме того, он чрезвычайно уважал Николая и как старшего брата, и как человека, взвалившего на себя императорское достоинство и ныне с предельной ответственностью несшего тяжкий груз Российского Самодержавия. Но теперь, в этой ситуации, он и завидовал ему. Конечно же, не монаршему достоинству брата (Боже упаси!), а его семейному счастью. Завидовал, что так сильно и глубоко любимая им женщина, Александра Федоровна, была, как и положено, царских кровей, и ничто не мешало их счастью.

Михаил хорошо помнил, что «на брак каждого лица Императорского Дома необходимо соизволение царствующего Императора

ра, и брак, без соизволения сего совершенный, законным не признается», потому даже и не стал поднимать эту тему. Он меньше всего желал чем-либо досаждать своему венценосному брату, более всего стремясь к миру в отношении со всеми своими родными. Его адъютант, полковник А. А. Мордвинов, вспоминал: «*Великий Князь по натуре действительно был очень мягок, хотя и вспылчив, но умел сдерживаться и быстро остывать. Он действительно не любил (главным образом из деликатности) настаивать на своем мнении, которое у него всегда было, и из того же чувства такта стеснялся и противоречить».* В то же время в Михаиле Александровиче всегда был некий внутренний стержень, который оставался несгибаемым при любых обстоятельствах, что часто приводило в недоумение близких людей, привыкших к мягкости его характера: «*В тех поступках, которые он считал исполнением своего нравственного долга, он проявлял обычно неуклонную настойчивость, меня поражающую».*

Но и император в сложившейся ситуации решил проявить твердость позиции и остался непреклонным в своем отрицательном отношении «к любовному увлечению» младшего брата. Посему 16 мая 1909 года Михаил Александрович уехал в Орел, где принял командование 17-м Лейб-гвардии гусарским Черниговским Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны полком.

Командир 17-го гусарского Черниговского полка Михаил Романов.

foto: Brasova Collection of Leeds Russian Archive (LRA)

ЧЕРНИГОВСКИЕ ГУСАРЫ

Влюбленные оказались разлучены. Михаил должен был постоянно быть в Орле. Наталье Сергеевне позволено было жить лишь в Москве. На избранницу Великого Князя в обществе и при дворе полились потоки грязи. «Ее обвиняли в умышленном завлечении и совращении скромного, неопытного и нравственно чистого Великого Князя. В угоду переживавшей за сына императрице-матери бедную даму наградили клочками шптриганки и развратницы, хотя вся ее вина заключалась в том, что она полюбила Великого Князя. Все общество отвернулось от нее».⁶⁷

В этой ситуации Наталья Сергеевна на людях вела себя с исключительным достоинством. Она впервые в жизни познала доброту и искренность чувств, испытала очищающее действие большой и глубокой любви и была готова терпеть и бороться за нее.

Император Николай потребовал от брата, не допускать проживания Натальи Сергеевны по месту службы Михаила – в Орле, а также ни в Гатчине, ни в его имении Брасово. Тогда Михаил Александрович был вынужден приобрести большую квартиру в доме по Петербургскому шоссе, под Москвой и Наталья Сергеевна занялась устройством их совместного жилья.

Николай все еще пытался отвлечь Михаила от Натальи, настоятельно указывая брату на необходимость сосредоточиться на его новой службе в гусарском полку, апеллируя в письмах и к своей матери-императрице: «Он уже довольно ездил и должен остаться при полку, и я сделал ему подобающее нравовучение. Надеюсь, он понял, что нельзя на службу смотреть как на забаву, и что надо быть самому примером для других». То, что Михаил к военной службе всегда относился более чем серьезно, и имел к ней явный талант, всем было очевидно. Так что понятно, что на самом деле было предметом беспокойства Николая.

⁶⁷ Трубецкой В. С. Записки князя. С. 191.

Гусар
Черниговского 17-го
гусарского полка

Одно из бесчисленных писем адресованных Натальей Сергеевной в г. Орел «Императорскому Высочеству...» и хранящихся ныне в ГАРФ

Бригадному генералу Николаю Сергеевичу Блохину, на которого замыкался Черниговский полк, было строго наказано не отпускать Великого Князя из Орла без уважительных причин.

Но разве может что-либо помешать встрече двух так любящих друг друга людей: *«Мой нежный друг сердечный, Боже мой, как я страдаю без тебя, не могу и выразить тебе того чувства ужасной, страшной тоски, которое переполняет мою душу и сердце. Сердце мое прямо разрывается от мысли, что я тебя долго не увижу. Я так тоскую и страдаю от чувства разлуки с тобой и так ясно чувствую, что жить без тебя не могу, просто не в силах! Я чувствую к тебе такую огромную любовь, такую привязанность, преданность и нежность бесконечную, которую еще никогда не чувствовал, и не разу не тосковал по тебе до такой степени, как теперь, это просто что-то ужасное...»*

Так что, брат Николай не мог не дать ему отпуск. Эти двенадцать дней отпуска в октябре 1909 года Михаил и Наталья провели, путешествуя между Москвой и Петербургом. Затем Михаил вновь убыл в Орел, и вскоре стало известно, что у них будет ребенок.

Июль 1910 года. Наталья на последнем месяце. Печаль в ее глазах – ответ гнетущей двойственности своего положения. Из письма в эти дни Михаилу: *«Я поклялась, что таскать за собой большую, беременную и уставшую женщину очень невесело... Но я тебя так свято и горячо люблю, и не только не меньше, чем в тот день, когда я впервые почувствовала это в Гатчине, но все больше и сильнее к тебе привязывалась, мой маленький, мое ласковое солнышко...»*

Фото: Brasova Collection, (SSEES) Library, University College Archive, London UCL School of Slavonic and East European Studies Library

68 Скорее всего, ошибка возникла под влиянием иного события, – попытки Михаила Александровича в июле 1907 года тайно обвенчаться с уловившей намы выше фрейлиной Александрой Косиовской (Диной) в церкви села Брасово, в имении Михаила.

69 ГАРФ. 668/71. Письмо 22.11.1909.

Метрика о крещении сына, выданная 22 сентября 1911 года.
 British Collection of Leeds
 Russian Archive (LRA)

Сын Георгии.
 Брасово, 1911 год.
 UCL School of Slavonic and East
 European Studies Library →

← «Церковь Василия Кесарийского, что в Турской слободе», где крестился маленького Георгия. Считалась самым большим храмом в российской столице дореволюционной эпохи и одной из самых богатых и роскошных церквей старой Москвы

Среди легенд о жизни Великого Князя в это время бытует и следующая, явно несостоятельная: «В декабре 1909 года, узнав о беременности Натальи Сергеевны, Михаил пытался с ней обвенчаться за большое пожертвование в домовую церковь одного благотворительного учреждения, но священнику пригрозили Петропавловской крепостью».⁶⁸ Обвенчаться на обвенчанной – дело невозможное, бессмысленное и богохульное. Предметом хлопот Михаила в этой ситуации могла быть единственная действительно важная проблема – добиться развода, дабы на его ребенка не претендовал законный муж Натальи – В. В. Вульферт.

Надо сказать, что Вульферт еще долго боролся с ситуацией, следуя ранее выдвинутому им же условиям развода и требуя, чтобы Наташа вернулась к нему как к законному мужу. Вслески нища с ней встречи, он предупреждал, что «или бросится к ней и будет целовать, или застрелит, смотря по тому, что одержит верх – любовь или ненависть».⁶⁹ Только 25 июня 1910 года, за месяц до рождения ребенка, «дело решилось в благоприятном смысле» и с разрешения Николая II документы о разводе были поданы в Святейший Синод.

ДВОРЕЦ НА АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

этого момента Михаил и Наталья уже начинают думать о будущем своей семьи. Впервые в их планах появляется особняк на Английской набережной, дом 54, который будет неразрывно связан с историей Иконы Великого Князя, ради которой мы и начали наше повествование.

Этот особняк в конце Английской набережной Невы достался Михаилу еще в 1908 году как наследство после кончины его дяди Великого Князя Алексея Александровича, не оставившего после себя законных наследников. Во флигеле этого особняка, выходящего на Галерную улицу, дом 55 разместился «Кабинет Великого Князя Михаила Александровича». Но с начала 1910 года Михаил Александрович уже хлопочет о начале переустройства здания особняка в соответствии со своими планами.⁷⁰

24 июля 1910 года в Москве у Михаила родился сын Георгий. Ребенка крестил настоятель знаменитой московской церкви Святителя Василия Великого, архиепископ Кесарии Кападокийской, что на Тверской, протоиерей Петр Поспелов,⁷¹ в приход которого входила дача Эриксон.

13 ноября 1910 года император Николай II подписал Указ Правительствующему Сенату, который не подлежал обнародованию. Указом предписывалось: *«Сына состоявшей в разводе Натальи Сергеевны Вульферт, Георгия, родившегося 24 июля 1910 года, Всемилостивейше возводим в потомственное дворянское Российский Империи достоинство, с предоставлением ему фамилии Брасов и отчества Михайлович».*

В мае 1911 года император согласился и на присвоение Наталье Сергеевне фамилии Брасова и кроме того позволил ей проживать в имении Михаила – Брасове. Здесь она наконец могла почувствовать себя хозяйкой, обрести свой дом. *«Она любила Брасово всей душой».*

⁷⁰ Особняк существовал с первой трети XVIII века и числился за князьями Меншиковыми. В начале XIX века им владел князь С. А. Меншиков (внук знаменитого «Данлыча», сподвижника Петра I). Затем его сын А. С. Меншиков (1787–1869), главнокомандующий во время Крымской войны, упомянутый в известной «Записке Н. А. Мотовилова» в весьма неприглядной роли. Потому и сын его, генерал-адъютант князь Владимир Александрович (1815–1893), оказался последним в роду Меншиковых и, наследовав особняк в 1870–1874 гг., произвел его последнюю реконструкцию (проект архитектора К. К. Рахлу). После кончины последнего Меншикова в 1893 году наследники продали особняк Кабинету Его Императорского Величества.

⁷¹ Отец Петр долгое время был законоучителем в известной Арсеньевской гимназии Москвы. Две гимназии, Арсеньевская и Поливановская, были основаны в семидесятых годах прошлого века двумя выдающимися педагогами того времени С. А. Арсеньевой и Л. И. Поливановым в районе Пречистенки. «Если сыновья учились у Поливанова, то дочерей отдавали к Арсеньевой» (из воспоминаний Т. А. Аксаковой). Отец Петр будет расстрелян 4/17 февраля 1938 года в Бутыце.

31 июля 1911 года. В составе Императорской свиты Михаил следует на освящение церкви Паса-на-Водах. Только что он прошел мимо своего будущего дворца, где уже начались работы по перестройке. Здание с колоннами – это Англиканская церковь. За ним, с флагами, – его будущий дворец, фото ЦГАМФФД СПб

ПЛАНЫ НА ПЕТЕРБУРГ

Михаил выполнял обещание, данное им брату Николаю, и, сколь ни горько это было для них, но повенчаться Михаил и Наталья так и не решились. Результатом такого смирения стали явные перемены в отношении к Михаилу как императора, так и императрицы-матери. Стало понятно, что предполагается его скорое возвращение в северную столицу, а значит, влюбленным пора было вновь подумать о «своем дворце». Пора было начинать давно задуманное строительство на территории «Меньшиковского» особняка на Английской набережной.

Предположения о грядущих переменах действительно вскоре подтвердились – 3 апреля 1911 года Михаил Александрович был назначен в Санкт-Петербург командиром Лейб-гвардии кавалергардского Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка. Михаил был доволен, но явно не спешил. Обязанности командира Черниговского полка он сдал лишь 7 мая, да и после этого некоторое время оставался в Орле.

Причина ясна: Наталья Сергеевна хочет не просто вернуться в столицу, но и заявить там о себе как о настоящей жене Великого Князя и обрести достойное место

← Английская набережная Санкт-Петербурга в 1850 году. Хорошо виден «особняк Меньшикова» – будущий дворец Михаила и Натальи.

Литография Ж. Жакоме с оригинала И. И. Шарлеманя

Фасад дворца на Английской набережной дом 54. Дворец представляет собой замкнутую и углубленную «городскую усадьбу» с различными служебными постройками и фасадными домами, обращенными на тыльную сторону, на Галерную улицу

жительства всей семьи. Потому так тщательно Михаил и Наталья изучают проект перепланировки здания будущего дворца, продумывают все его внутренне устройство, обсуждают интерьер и убранство. Дворец при скромности своего внешнего вида и уединенности места расположения (в конце Невы, на самой дальней ее набережной), по их замыслу, должен был обладать удивительным внутренним содержанием. Все новейшие достижения науки и техники в области жилищного строительства, все последние веяния моды и творческие находки петербургских мастеров должны были быть представлены в этом доме Великого Князя и его избранницы. Там же находился и гараж для их коллекции автомобилей.

Как свидетельствуют документы, в конце лета 1911 года уже начались «работы по переустройству Меншиковского особняка под дворец Великого Князя Михаила Романова». ⁷² Возглавить хозяйство дворца пригласили моего прадеда, С. Н. Пименова. С момента начала переоборудования здания «по последнему слову техники» семья Пименовых переехала в дворцовый флигель по адресу ул. Галерная, дом 55.

Казалось бы, подобный взлет в карьере простого сына саратовского крестьянина Степана Пименова можно было бы отнести к некоему удивительному везению. Однако это не так. Жизнь в императорской России того времени в полной мере способствовала выдвижению честных, преданных и трудолюбивых людей. Сословные деления при этом большого значения не имели. Существовало великое множество выдающихся общественных деятелей и богатейших людей России, не смущавшихся относить себя к крестьянскому сословию. Равным образом было и не меньшее количество ничтожных по своим человеческим качествам и социальному статусу представителей сословия дворянского. Положение человека, как правило, определялось его духовной крепостью и нравственными достоинствами.

Флигель на ул. Галерной, где размещалась Канцелярия Великого Князя. Теперь, в 1911 году, это здание было отдано Степану Никитичу с семьей

Так, например, князь Трубецкой вспоминает о некоем рядовом кирасирского полка Иване Клементьевиче Квасном, которого Великий Князь Михаил Александрович рекомендовал перевести в вахмистры.⁷³ Впоследствии, в Первую Мировую войну, «вахмистр лейб-эскадрона Иван Квасный выслужился в офицеры и перешел в так называемую Дикую дивизию, которой тогда командовал Великий Князь Михаил Александрович. Между прочим, будучи еще простым вахмистром, Квасный поддерживал переписку с Великим Князем, который, в свою очередь, был крестным его детей. Надо сказать, что красавец офицер Квасный держался в полку «с большим фасонам» и изъяснялся весьма литературно».⁷⁴

Таким образом, мы видим, что основной движущей силой произошедшей в России революционной катастрофы являлись не «бесправие и заботность народных масс», а конкретные недостойные люди, напитанные духом ненависти и богоборчества, по той или иной причине не состоявшиеся и потому озлобленно завистливые.

⁷² Из переписки управляющего делами Великого Князя Н. А. Врангеля с начальником Главного управления уделов за 1911 г. РГИА. Ф. 515. Оп. 76. Д. 416. Л. 1.

⁷³ Вахмистр – старшее унтер-офицерское звание в кавалерии царской армии.

⁷⁴ Трубецкой В. С. С. 125.

СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

В 1911 году в жизни моего прадеда Степана Пименова и его семьи произошло событие, в корне изменившее не только его судьбу, но и судьбы всех его потомков. Степан Никитич был приглашен на личную аудиенцию к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Романову. По семейным воспоминаниям, Великий Князь оказался чрезвычайно простым в общении и удивительно обаятельным человеком – «очаровывал всех подкупающей простотой своих манер». ⁷⁵ Он предложил Степану Никитичу принять активное участие в «техническом переоборудовании» здания под его дворец на Английской набережной, а затем остаться там в качестве управляющего.

Н.Н. Сивилин С ПЕТЕРБУРГА

Михаил Романов был натурой живой, деятельной и очень восприимчивой к различным новшествам этого мира. Как известно, он очень любил автомобили и лихо их водил, живо интересовался электротехникой, был покровителем Петроградского электротехнического института. И свой дворец он задумал устроить с применением всевозможных технических изобретений и новшеств. Для этого нужен был настоящий мастер, специалист, «Кулибин». Михаил Александрович знал толк в рукоделии и, будучи сам любителем ручного труда, «часто по утрам первым делом шел в любимую мастерскую, за любимым верстак, здесь с рукавами, завернутыми по локоть, стругал, долбил, резал...»⁷⁶

Семья моего прадеда, бригадира электротехников Степана Никитича Пименова в 1908 году. Две девочки трех и восьми лет – мои бабушки Мария и Анна. Они еще не знают, что через три года их судьба круто изменится

⁷⁵ Из книги Великого Князя Александра Михайловича «Когда-то Великий Князь». Цитг. по: Пчелов Е. В. Романовы. История династии. С. 363.

⁷⁶ Гуцрик В. Тайна Гатчинского дворца. С. 43.

РЕКОМЕНДАЦИИ

екомендовали Степана Никитича Великому Князю довольно известные мастера Петербурга, представители знаменитой в то время «империи Мельцеров» – Торгового Дома «Мельцер Ф. и К^о». Основанная в середине XIX века мастером каретного дела Фридрихом Иоганном (Федором Андреевичем) Мельцером, Петербургская мебельная мастерская к началу XX века усилиями его сыновей превратилась в одно из самых модных и престижных предприятий императорской России. Фирма Мельцеров брала заказы на проектирование, строительство и наполнение домов мебелью и утварью по желанию владельца.

Мельцеры гарантировали полное воплощение любых дорогостоящих фантазий заказчика по внутреннему обустройству зданий. Все проекты архитектурных решений и декора, рисунки и шаблоны, моделирование и декоративная лепка, скульптура и работы по камню, столярные, резные, токарные, лакировочные работы, бронзовое литье, чеканка и слесарные изделия, тканые обои, швейные изделия интерьера и великолепные единые мебельные композиции – все с высочайшим качеством исполнялось в мастерских «Торгового Дома «Мельцер Ф. и К^о».

Неудивительно, что именно к этим мастерам обратился управляющий делами Великого Князя барон Н. А. Врангель. Вскоре Главным управлением уделов Министерства Императорского Двора Торговый Дом «Мельцер Ф. и К^о» был избран в качестве подрядчика на переоборудование особняка на Английской набережной во дворец Великого Князя. Работу над архитектурским проектом реконструкции здания осуществил один из братьев династии, видный представитель петербургского модерна архитектор Роман Федорович (Роберт Фридрих) Мельцер. Внешний облик дворца получился достойным и торжественным, что во многом удалось благодаря удачной отделке фасада. Нижний ярус фасада имеет темную гранитную облицовку, имитирующую грубо отделанный камень – «руст», тогда как второй и третий этажи удачно контрастируют светлой керамической плиткой «каррара».

Также и внутренний интерьер дворца – плод удивительной творческой фантазии Романа Мельцера, воплотившейся в дорогой деревянной и тканной обработке стенных панелей, дверных проемов и потолка, со сказочными фигурами карнатид и с резными каменными барельефами в каминных. Мебельная обстановка дворца создавалась под руководством другого сына Мельцера, Эрнеста Федо-

ровича, в мастерских на Каменно-островском проспекте. Изыщество «второго рококо», устремленность ввысь неоготики, неповторимость модерна – все эти стилистические черты, характерные для творчества братьев, в полной мере воплотились во внутреннем убранстве дворцовых покоев. Но особый блеск интерьеру, конечно же, придавало множество источников электрического освещения – бронзовые с хрусталем люстры и бра, литые скульптурные композиции-светильники – узнаваемые приемы интерьерного дизайна литейной и электрической мастерской третьего (премного) сына Мельцера – Ивана Ивановича Трофимова-Мельцера. Именно с этим сыном Мельцера за долгие года работы по электрификации домов петербургского высшего света наиболее близко сошелся мой прадед.

Предложение брата царя, конечно же, было удивительно лестным для Степана Никитича, и он, согласившись с превеликой радостью, перевез семью с Пантелеймоновской улицы на улицу Галерную.

Галерная улица идет параллельно Английской набережной. По плану застройки парадный фасад дворца выходил на Английскую набережную Невы, а с тыльной его

Императорская спальня – стиль работы Мельцеров. Весь интерьер продуман от начала до конца

Отделка балкона дворца со стороны Невы

Эти «мельцеровские» фонари монтировал еще мой прадед

Дочери Степана Никитича, мой бабушки Анна и Мария в 1925 году. Именно они сохранили для нас это предание об иконе Великого Князя. И, более того, сумели передать нам, внукам, свои искренние симпатии к Великому Князю и удивительно теплые о нем воспоминания.

⁷⁷ Въезд с Галерной был устроен через арку с павильоном «правого флигеля». На втором этаже в этом павильоне и поселилась семья Степана Никитича. Архитектор Мельдер увеличил высоту арки, надстроив павильон аттиковым этажом, где затем была оборудована мастерская моего прадеда.

⁷⁸ Собственно, родной моей бабушкой была Мария, но сестра ее Анна, потеряв на войне сына и мужа, большую часть жизни потом прожила рядом с нами, и мы считали ее второй родной бабушкой.

⁷⁹ Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата. М.: «Русский путь», 2008. С. 290-291.

стороны располагался двор с палисадником. Правый флигель высокой аркой выходил на ул. Галерную, 55.⁷⁷ В этом павильоне флигеля к осени 1911 года и поселился мой прадед Степан Никитич со своей женой Марией Федоровной и двумя дочерьми Анной и Марией. Это мои бабушки,⁷⁸ которые и сохранили для нас это предание. Также сохранили они и, более того, сумели передать нам, их внукам, свои искренние симпатии к Великому Князю и удивительно теплые о нем воспоминания.

Эти воспоминания моих родных во многом весьма схожи со свидетельством одного современника, близкого к семье Великого Князя: *«Должен сказать, что я никогда не встречал столь благородного и неиспорченного человека. Достаточно было поглядеть в его голубые глаза, чтобы устыдиться любой дурной мысли или неискренности. Во многом он был взрослым ребенком, которого научили только добру и нравственности. Он не хотел признавать зло и лживость жизни и доверял всем. Если бы жена не следила за каждым его шагом, его бы постоянно обманывали. И как мог такой человек быть воспитан среди "испорченности двора", которую революционеры так осуждали?!»*

*Наталью Сергеевну я знал с детства и одно время был близок к тому, чтобы в нее влюбиться. Она была самая прелестная девушка, которую мне довелось когда-нибудь видеть, но теперь, после знакомства с ее мужем, я понял, что он много лучше ее. Женщине столь умной и честолобивой, как она, невозможно быть до конца добропорядочной, а вот такая чистая натура, как Великий Князь, не может быть испорчен ничем».*⁷⁹

МЯСНИКОВ

овора о высокой духовности, строгой нравственности и искренней христианской вере поминаемых в нашем сказании замечательных людей, таких как Великий Князь Михаил Александрович, Великая Княгиня Ольга и другие венценосные дети Александра III, мы понимаем, что имеем дело с лучшими людьми, с теми, что еще оставались в России накануне неумолимо приближавшегося кровавого Армагеддона. Вспоминая добрым словом моего прадеда Степана Никитича и других преданных служителей Богу, Царю и Отечеству, мы отдаем себе отчет в том, что к тому времени такие люди уже стали редкостью и являлись, скорее, исключением.

До гибели Помазанника и его семьи, до расстрела Михаила Александровича оставалось всего семь лет. Уже в полной мере вызрели и сформировались их палачи.

Гавриил Мясников – палач Великого Князя. Он не скрывал, что внутренне всегда готовился к этой роли, с юных лет мечтал стать «карающим кинжалом революции». На такой художественный образ его натолкнуло стихотворение Пушкина (1), прочитанное им в 1910 году в тюрьме:

*«Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет,
Среди своих пиров.
Везде его найдет удар неожиданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шаптрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной».*

Надо заметить, что, по смыслу стихотворения, Пушкин свой «удар кинжала» предназначал как раз революционеру, «апостолу гибели», жестокому палачу Марату, ибо

*«перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду».*

Здесь имеется в виду девица Шарлотта Корде, умертвившая Марата ударом кинжала. Но для Мясникова эти «нюансы» значения не имели. И Гавриил всецело посвятил себя террористической деятельности, стремясь стать профессиональным убийцей. За явную «одержимость» и способность на любую жестокость его побаивались даже товарищи по партии, считая «кровожадным, озлобленным и вряд ли нормальным человеком».⁸⁰

Гавриила Мясников – убийца князя. За явную «одержимость» и способность на любую жестокость его побаивались даже товарищи по партии, считая его «кровожадным, озлобленным и вряд ли нормальным человеком»

⁸⁰ Показания В. Н. Карнауховой. Цит по: Хрусталев В. М., Лыкова Л. А. Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Пермь, 1996. С. 140.

В КАВАЛЕРГАРДАХ

еликий Князь прожил в Орле до осени 1911 года. В это время состоялось радостное для Михаила и всех его сослуживцев по полку событие – Высочайшим Указом от 3 сентября 1911 года полк переименовывался в 17-й Лейб-гвардии гусарский Черниговский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полк. К слову сказать, полковое объединение 17-го гусарского Черниговского полка долгие все сохранится в эмиграции и в 1968 году отметит свой 300-летний юбилей.⁸¹

К январю 1912 года Михаил Александрович прибыл в столицу и вступил в должность командира Лейб-гвардии кавалергардского Ее Императорского Величества Гусарыни Императрицы Марии Феодоровны полка.⁸²

Предлагая Михаилу Александровичу кавалергардов, императрица-мать надеялась, что ее сын не возьмет с собой Наталью, о чем, собственно ему настойчиво намекали в течение всего 1911 года. Когда же Михаил Александрович вопреки надеждам матери все же прибыл в столицу вдвоем с женой, министр двора, престарелый барон В. Б. Фредерикс был уполномочен передать Великому Князю, чтобы тот удовлетворился казенной командирской квартирой в кавалергардском полку и чтобы ни в Аничков дворец, ни во дворец на Английской набережной на жительство не переезжал. Это было, конечно же, новым унижением, но Михаил Александрович и Наталья Сергеевна не собирались торговать своей любовью. Абсолютно спокойно, без ропота Михаил занял скромную казенную полковую квартиру в районе расположения полка на Шпалерной улице. Для Натальи с детьми он снял достойную квартиру на Литейном проспекте, в доме № 16, «которую она обставила с изысканным вкусом».

В течение этого 1912 года Михаил и Наталья не забывали готовить свое новое жилище на берегах Невы, свой дворец на Английской набережной. Понятно, что они тяготились петербургской атмосферой, предпочитая имперской столице провинциальную Гатчину или милую сердцу Брасовскую усадьбу. Но положение обязывало, и расположенный на окраине Невы уютный особняк казался наилучшим вариантом в случае вынужденной жизни в столице.

Много горького пришлось пережить Великому Князю и в особенности его жене в этот период в Петербурге. Все общество по-прежнему отворачивалось от его избраницы. В угоду двору никто не хотел ни знать, ни принимать ее у себя. Особенно тяжело было Михаилу Александровичу отношение подчиненных ему кавалергард-

⁸¹ Георгиевский штандарт 17-го гусарского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича Черниговского полка в течение всего XX века сберегался последними черниговцами. В 1998 году Обществом «Родина» штандарт был передан в Центральный музей Вооруженных сил России в Москве.

⁸² Кавалергарды впервые появились в России в 1724 году как почетный конной императрицы Екатерины I в день ее коронации. Тогда сам Государь Петр I принял на себя звание их капитана, офицерами числились генералы и полковники, каптрапами – подполковники, а рядовые (60 чел.) выбраны были из самых рослых и представительных обер-офицеров. Этой конной роте кавалергардов дана была особая нарядная форма, серебряные трубы и дигалры. По окончании коронационных торжеств рота была расформирована. В 1800 году было принято решение о возрождении кавалергардского корпуса, впрочем, на одинаковых правах с прочими гвардейскими полками.

Беликий Кнзъ
Михаил Александрович.
Орел, 1910 год
Фото: Визова Collection, (SSEES)
Library, University College Archive,
London

ских офицеров: ни один из них не сделал визита Наталье Сергеевне, равно как никто из кавалергардов не кланялся ей при встрече, как полагалось бы по отношению супруге полкового командира.

Этому унижительному положению Наталья Сергеевна противопоставляла независимый вид и «царственные манеры – искусственную улыбку, рассеянный взгляд, элегантность, но, при этом, у нее сохранилось прежнее умонастроение независимой девочки, которая не умеет и не хочет скрывать свои чувства».⁸³ Проявляя невероятную выдержку, она вела себя с удивительным в этой ситуации достоинством и даже блеском.

Вновь обратимся к воспоминаниям о ней французского посла в России Мориса Палеолога: «Входит стройная дама лет тридцати... Она прелестна. Ее туалет свидетельствует о простом и индивидуальном утонченном вкусе. Из-под расстегнутой шиншилловой шубки видно платье серебристо-серого шелка, отделанное кружевами. Шапочка светлого меха очень идет к ее пепельным волосам. Выражение аристократического лица гордое; черты прелестны; глаза бархатистые. На шее, при свете зажатой люстры, сверкает ожерелье из чудного жемчуга... Малейшее ее движение отдает медленной, волнистой, нежащей грацией...»

Не желая принимать отведенной ей роли гонимой и обидимой, Наталья сознательно часто появлялась на публике, в театрах Петербурга, там, где собирались люди, близкие Михаилу Александровичу. Сложился определенный круг друзей, поддерживающих князя в этой ситуации, уважавших его выбор и принимающих Наталью как его избранницу. Это вызывало резкое недовольство августейшего семейства, а именно императрицы Александры Феодоровны и императрицы-матери. Не секрет, что страстотерпица Александра Феодоровна стояла на исключительной высоте христианского и монаршего долга, но столь же очевиден и ее подчас неподустимый ригоризм в ряде вопросов и в том числе в отношении жены брата царя. Так что участникам таких встреч друзей князя реально грозили серьезные неприятности.

Так, в частности, в воспоминаниях князя Владимира Трубецкого можно прочитать, как офицер гатчинских кирасир «поручик Хан-Эриванский, находясь в Петербурге, позволил себе показаться в ложе театра в небольшой компании, среди которой находилась некая известная дама, которая своими поступками в свое время бросила тень на Гатчинский полк и которая навлекла на полк недовольствие августейшего шефа – обожаемой императрицы».⁸⁴ На офицерском собрании полка поручику было предложено в двадцать четыре часа подать рапорт об увольнении в запас.⁸⁵

Офицером гвардейских полков на офицерских собраниях в отношении графини Брасовой было объявлено: «вы не имеете права ни общаться с ней, ни здороваться, ни

⁸³ Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата. С. 292.

⁸⁴ Трубецкой В. С. Записки кирасира. С. 188-189.

⁸⁵ Князь Хан-Эриванский впоследствии с 1914 года служил в Дикой дивизии адъютантом Михаила Александровича.

даже произносить в обществе ее имя». Великий Князь Николай Михайлович, в целом находившийся в оппозиции императорской семье, тем не менее не преминул заявить: «Эта Наташа Шереметьевская умная, но злая женщина, а ее друзья – проходимцы и темные личности». Оготтелая ложь и клевета, явным образом окружавшие царский дом в предреволюционные годы, в полной мере затронули и Наталью Сергеевну.

Подобное грубое неуважение, а подчас и прямые издевки в отношении избраницы Великого Князя, подогреваемые в обществе, становились уже некоей азартной игрой весьма дурного тона. Никто не желал принимать всерьез «то, что составляло все эти годы новый смысл моей жизни», – как писал об этом своей матери сам Михаил. Демонстративное пренебрежение чувствами брата царя, серьезность которых была подтверждена весьма значительным временем взаимной верности и искренней привязанности друг к другу, уже не служило укреплению авторитета августейшего семейства, хотя, казалось бы, по-прежнему, преследовало высшие интересы страны.

Несмотря на все вышесказанное, Великий Князь продолжал держать слово, данное венценосному брату. Однако Михаил и Наталья все больше убеждались в том, что в нынешнем двусмысленном для общества и «блудном» перед Богом состоянии их брака таится большая неправда, в которой дольше пребывать они просто не могут. «Продолжать такую жизнь, как до сих пор, для меня было бы слишком невыносимо».⁸⁶ Так, позже, Михаил писал своему брату, вспоминая о своем обещании: «[Я] говорил тебе это вполне чистосердечно, рассчитывая, что мы сможем прожить, оставаясь в таком положении, но последний год нашей жизни в Петербурге убедил меня в противоположном».

*«Я уважаю и люблю Наталью Сергеевну. И с каждым годом все больше, но нравственное состояние мое всегда было очень тяжелое, и последний год в Петербурге в особенности привел меня к сознанию, что только женитьба поможет мне выйти из этого тяжелого и ложного положения».*⁸⁷

Соблюдая данное высокое обещание Государю, они терпеливо несли свой крест этой ненавидимой всеми, «незаконной любви». Переносимые ими унижения, ссылки, бесконечные слезки и измены некогда преданных и близких друзей – все это долгие годы переносилось ими терпеливо и смиренно лишь потому, что они были вместе и верили друг другу, как никогда и никому в этой жизни. Эти испытания во имя любви удивительным образом изменили их характеры, переродили души. Некогда капризная и своевольная красавица Наталья Сергеевна, окунувшись в совершенно иной и столь дорогой ей теперь мир любимого человека, оказалась охваченной нежным благородством чувств Михаила Александровича и отныне всецело принадлежала только ему.

⁸⁶ Из письма Михаила императрице-матери от 31 октября 1912 года

⁸⁷ Там же.

Знаменитый благотворительный бал «цветных париков»
у графини Шуваловой
фото ДРАГФФД СПб

В любимом Брасове
в 1911 году.
фото: Brasova Collection,
(SSES)Library, University College
Archive, London

«Мой ангел, да хранит тебя Бог. Я всегда, правда, всегда молюсь Ему, чтобы ты был здоров и счастлив и на ночь целую твою карточку. Не забывай меня, я так, так тебя люблю. Я принадлежу тебе до последней капли крови».

И сам Михаил видел, как она нуждается в нем, как излечивается ее больная душа: *«Врачуй мне душу, а не то я хуже чем умру».*

И произошедшая с Михаилом глубокая внутренняя перемена, которую ясно увидели в нем его близкие, посчитав их действием колдовских чар и магических приемов, примененных в отношении *«нашего Миши»* со стороны этой *«злой бес-тиш»*, на самом деле являлось рождением нового, зрелого, стойкого и глубоко верующего человека. Человека, понимающего всю потребность в нем Натальи, ибо *«любовь покрывает все грехи»*, и невозможность изменить раз данному слову. Как позже гениально формулирует это известный француз, летчик и поэт: *«ты навсегда в ответе за тех, кого приручил»*.⁸⁸

Их союз, как и все в этой жизни, происходящее с людьми, призвавшими Имя Христа, принявшими Его в свое сердце, отныне уже не был игрой случая, «колесом фортуны», козиями «богов» или делом прочих второстепенных сил мира сего. Все происходящее с ними стало зримым воплощением Божественного Промышления Господа о спасении их душ.

⁸⁸ Слова из сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Михаил и Наталья
в Брасово осенью
1909 года. Рядом
лучшая подруга Наталья
Маргарита, жена
адъютанта Великого Князя
ротмистра Абакановича
Фото: *Fraxina Collection, (SSSE/S)*
Library, University College Archive
London

ВЕНЧАНИЕ

единственным препятствием для законного брака Михаила и Натальи было то обещание, которое венценосный брат Великого Князя вынудил дать ему три года назад, по сути, шантажируя предстоящим рождением сына Георгия. Михаил исполнял данное обещание, но за это время шельмование их союза с Натальей в обществе и при дворе приобрело характер светского развлечения и стало любимой темой для всевозможных сплетен.

Что-то должно было произойти, ибо, как подчеркивали близко знавшие Великого Князя современники, несмотря на свой покладистый характер, Михаил Александрович был способен на серьезный и решительный шаг, твердый поступок и самопожертвование, что неоднократно доказывал в течение своей жизни. *«Иначе жить нечестно, и надо выйти из этого ложного положения»* (из письма Михаила Николаю II).

В первых числах сентября 1912 года оба брата Романовы со своими семьями убывали в осенние отпуска.

Великий Князь с Натальей Сергеевной выехали за пределы России, предполагая провести отпуск, путешествуя по маршруту Германия – Австрия – Италия – Франция. Михаил Александрович поставил в известность сопровождавших его лиц, что в Канны они прибудут к концу ноября и будут добираться туда самостоятельно на своем автомобиле.

Император же тем временем со всем своим семейством проводил отпуск в замке Беловежской пуци. К концу сентября августейшее семейство переехало в любимую охотничью резиденцию отца Николая II, императора Александра III, что еще с 1884 года была организована им в некоем польском местечке Спале.

Именно в Спале вскоре произошел досадный случай, который имел далеко идущие последствия и повлек катастрофическое ухудшение здоровья царевича Алексея. Незначительный ушиб бедра об уключину лодки, случившийся во время прогулки по озеру, спровоцировал к вечеру сильнейшее вторичное внутреннее кро-

Решение принято.
На следующий день
состоится Таинство
Венчания

Спала, 1892 год.
Парк и охотничий дом
императора Александра III.
Автогипия с фотографин
из журнала «Север»
за 1893 год

вотечение. «В последующие 11 дней цесаревич испытывал невыносимую боль, – вспоминала позже фрейлина Вырубова, – его ужасные крики разносились по коридору, прилегающему к комнате цесаревича. Проходившие по этим помещениям закрывали уши руками, чтобы хоть как-то сосредоточиться на текущих делах».

Как ни пытались в семье не допустить утечки информации, все же слухи о болезни цесаревича распространились и в России и за границей. Дошло до того, что в «London Daily Mail» появилась информация, что «в мальчика бросил бомбу anarchist». 8 октября температура тела цесаревича достигла 40,5 градусов, а пульс едва прощупывался. Министр двора барон Фредерик испросил разрешение императора опубликовать официальный бюллетень о состоянии здоровья Алексея.

Это сообщение появилось 9 октября. По всей стране начались молебны о здравии цесаревича Алексея. По приказанию Государя Божественную Литургию отслужили перед чудотворной Иверской иконой Божией Матери.

Обо всем происходящем в Спале, конечно же, стало известно и Великому Князю Михаилу Александровичу, который по-прежнему находился с Натальей Сергеевной в Бертехсгадене, в Австрии. «Читая медицинские бюллетени и отчеты репортеров, попадавшие в западные страны, Михаил вдруг понял, что племянник может умереть в любую минуту».⁸⁹ Понятны размышления Михаила и Натальи в связи с крайне опасным состоянием здоровья наследника, когда в любой момент мог наступить трагический исход. В результате Михаил Александрович решает: если так

⁸⁹ Масси, Роберт. Николай и Александра. История любви, погубившей империю.

сложатся обстоятельства и он вновь будет объявлен Наследником Престола, то эти высокие обязанности «лица императорской крови» он, конечно же, примет на себя, но уже находясь в церковном браке с Натальей Сергеевной.

Как показало время, в конечном итоге все так и случилось – Михаил Александрович наследовал Российский Престол, находясь в законном браке с Натальей Сергеевной. Именно теперь они принимают окончательное решение, тайно покидая свой курортный городок и убывая на автомобиле в Вену.

16 октября, в канун навсегда памятного Михаилу, да и всей царской семье события – дня его спасения в железнодорожной катастрофе 1888 года, они предстали пред Господом, имея на главах своих брачные венцы.

День 17 октября всегда был днем особым. Это было время размышлений семьи Романовых о Божественном промысле в судьбе каждого человека. Тогда, 24 года назад, каждый член императорского семейства ясно осознал, что воистину «в деснице Божией сердце царево и сына царева» и нужно ежедневно быть готовым предстать пред Судией всех. В ту страшную ночь, когда наконец были опознаны все погибшие и отправлены в госпитали все раненые, на прибывшем «свитском» поезде семья Романовых вернулась на станцию Лозовую, где ночью в зале третьего класса был отслужен первый благодарственный молебен о чудесном их избавлении от смертельной опасности. Лишь спустя два часа, под утро, императорский поезд отбыл в Харьков для дальнейшего следования в Санкт-Петербург.

Вернувшись в Гатчину после катастрофы, императрица Мария, мать Михаила, признавалась известному «поэту К. Р.»:⁹⁰ «Костя, я будто воскресла из мертвых, я начала новую жизнь».⁹¹

И вот теперь, в эти памятные октябрьские дни, в сербской православной церкви святого Саввы города Вена Михаила и Наталью обвенчал старенький священник Мисич. Свидетелями были церковный сторож и жена самого Мисича. Пожертвование в церковь за венчание было сделано в размере 1000 австрийских крон. В записи о венчании Наталья Сергеевна значилась как «дворянка Наталья Брасова, дочь потомственного дворянина Сергея Александровича Шереметьевского и Юлии Вячеславовны».

Упомянутая в метрике фамилия Брасова, как мы помним, происходила от названия главного имени Михаила – селения Брасово в Орловской губернии. Фамилия эта в ноябре 1910 года была пожалована сначала его сыну Георгию, возведенному в дворянское достоинство. Но вскоре, в мае 1911 года, Император позволил носить эту фамилию и Наталье.

На балконе.
Великий Князь с супругой

⁹⁰ Великий Князь Константин Константинович Романов (1858–1915) скрывал свои многочисленные и талантливые литературные произведения под криптонимом «К. Р.».

⁹¹ Матонина Э. Е., Говорушко Э. Л. К. Р. М., 2008. С. 142.

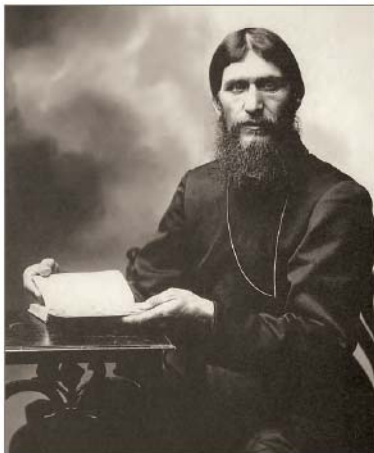
Императрица
Александра Федоровна
и цесаревич Алексей
на борту яхты

ЧУДЕСА

ем временем в августейшем семействе в Спале ситуация оставалась критической. Вновь в семье были вынуждены вспомнить о Григории Распутине, который по воле Императора покинул Петербург и находился в Сибири. Поскольку вся возможная врачебная помощь была исчерпана безрезультатно, ничего не оставалось делать: Александра Федоровна приказала послать телеграмму Распутину с просьбой помолиться, памятуя аналогичную ситуацию годом раньше, когда появление старца Григория спасло Алексея от почечного кровотечения. Вскоре из Сибири была получена телеграмма: *«Бог воззри на твои слезы и внял твоим молитвам... твой сын будет жить»*. И еще приписка, чтобы доктора оставили мальчика в покое. И вновь произошло чудо: мальчику стало лучше. Лечащий врач Алексея в частной беседе с Великой Княгиней Ольгой Александровной в недоумении повторял, что излечение мальчика было *«совершенно необъяснимо»*.

Все еще боясь поверить, что самое страшное позади, в течение еще трех недель не давали никаких официальных сообщений. Лишь 21 октября министр двора дал официальную информацию по стране: *«Острый и тяжелый период болезни Его Императорского Высочества... миновал»*.⁹²

В чем же состоял феномен Григория Распутина, оказавшегося так близко к императорской семье? Явлением какого порядка должны мы признать все эти необъяснимые исцеления наследника?

Прежде всего, упомянем официальную позицию нашей Церкви, выраженную в словах Святейшего Патриарха Алексия II, подчеркнут-

Старец Григорий Распутин

Цесаревич Алексей и
Александра Федоровна
в детской в Царском Селе

шего негативное значение контактов, имевших место между семьей императора и «старцем Григорием»: *«сомнительная нравственность и неразборчивость Распутина бросали тень на августейшую фамилию – будущих Царственных Страстотерпцев царя Николая II и его семейство».*

Появление подобного «старца» стало фатально неизбежным, как только императорская чета оказалась во власти архиважной государственной сверхзадачи. В сочетании с гипертрофированным чувством ответственности за ее исполнение это обстоятельство особенно глубоко затронуло духовное устройство императрицы Александры Федоровны. Ее внутренний мир оказался поврежденным некоей «идеей фикс», всепоглощающим устремлением, полностью овладевшим ее существом и заменившим ей весь иной, подлинный смысл христианской жизни. Это идея называлась «Наследник Престола». И невольно мы будем готовы согласиться с современником: *«В конечном счете, источником всех бед России стала детская».*

Конечно же, по-человечески, с мирской точки зрения, мы можем понять Александру и как мать, и как императрицу, на которой лежит некий груз ответственности в виде «обязанности» родить наследника. Но если Господь не дает сына, не исполняет просимое, нужно ли так убиваться, так «нудить» волю Божию. Ведь смысл жизни христианина вовсе не состоит в неприменном исполнении наших желаний, даже если они кажутся нам несомненно правильными и нацеленными на решение задач государственной важности. Главная задача христианина иная. Это суметь смириться пред Господом и принять Его волю, принять Его Божественный план нашего спасения, даже если он покажется нам не вполне соответствующим нашим мечтам и жизненным установкам. В противном случае если мы откажемся взять этот свой жизненный Крест, врученный нам Господом, и вслед за секуляризованным миром по-

вторим, что «главное это здоровье», тогда следующий наш шаг будет predetermined, и все средства для достижения этой, ставшей теперь главной, цели покажутся вполне приемлемыми.

Потому и появление подобного «целителя», «чудотворца», «святого человека» рядом с царской семьей не замедлило себя ждать. Человек спасает свою душу не путем вымаливания чудес и уж точно не потому, что мог творить их, а лишь на пути смирения, принимая волю Божию, какой бы она ни была. В противном случае «знамения», «знаки», «чудеса» и прочее тому подобное становятся совершенно обязательным, жизненно необходимым фоном бытия, некоей его «питательной средой». Все это постепенно затягивает человека, воздействуя на него наподобие наркотика, и враг, заметив эту зависимость, сажает беднягу «на иглу».

Решительно не считая себя вправе давать духовные оценки тем многочисленным «чудесам, явлениям и знамениям», сопровождавшим «старца Григория», и опасаясь уподобиться евангельским первосвященникам, лукаво вопрошавшим: «скажи нам, какую власть Ты это делаешь, или кто дал Тебе власть сию?» (Лк. 20, 5), все же сделаем одно замечание. Рядом с последним Помазанником в это судьбоносное время, конечно же, по промыслу Божьему оказался реальный представитель того русского народа, который вырзл в России к страшному XX веку. И в этом крестьянском старце, «как в капле», отразилась жестокая неизбежность трагической судьбы Империи. В его личности воплотилась грядущая катастрофа смертельного столкновения света подлинной и истовой веры Христовой и кромешной тьмы жесточайших искушений, которые попустил Господь, дав власть князю бесовскому над Его народом-богоносцем.⁹³

«Не будь Распутина, не было бы и Ленина», – утверждал А. Ф. Керенский. Не будем столь же близоруки – обе эти фигуры вовсе не есть причина беды, а ее порождение, следствие произошедшей с Россией духовной катастрофы. При этом необходимо признать и то, что эти личности оказались духовными узловыми точками в революционном развитии ситуации в то время.⁹⁴

Завершая эти размышления и укротив свой «надмевающийся разум», przypomним слова Писания: «сердце царей – неисследимо» (Притч. 25, 3), потому как оно, «сердце царя – в руке Господа», и только Сам Господь «куда захочет, направляет его» (Притч. 21, 1). Все происходящее в судьбе последнего императора и его семьи – есть реализация Божьего промысла о судьбе России, неуомлимое исполнение давних и грозных пророчеств, в полной мере исполнившихся в истории страны в XX веке. Причина случившейся беды одна – наказание Божье за отступление от веры.

⁹³ «Многие факты последнего времени показали нам совершенно убедительно, что враг рода человеческого сумел использовать, так сказать эксплуатировать, самую его, Григория Ефимовича, благодать, несомненно, добытую предшествующими подвигами его перед Богом. Наш старец, очевидным образом, не вынес всей той тяжести восты, на которую воссел. И вообще не вынес того ненормального, оградного, чуть ли непогрешимого положения, на которое поставили его неопытные почитатели». Из письма иеромонаха Вениамина (Федченкова) епископу Герману (Долганеву) от 21.01.1910 г. ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.

⁹⁴ Председатель совета министров России в 1911–1914 гг. граф Владимир Коковцов вспоминал: «... как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом и не сходил со сцены почти за все время моего председательства в Совете министров, доведя меня до отставки с небольшим через два года» (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.).

ПОТРЯСЕНИЕ

Телеграмму от Михаила из Бертехсгадена с известием о произошедшем венчании Государь получил, все еще находясь в Спале. Царь только что оправился от пережитого стресса, и новость эта его просто ошеломила. «Он нарушил свое слово, – взволнованно писал император матери 7 ноября 1912 года. – Как мог он так поступить в разгар болезни ребенка и в такую трудную для нас минуту?» Вначале Николай намеревался утаить это известие от посторонних, но это оказалось невозможным. «Я собирался написать тебе позже по поводу нового горя, случившегося в нашей семье, и вот ты уже узнала об этой отвратительной новости. Что меня особенно возмущает, – пишет далее Николай Александрович, – так это ссылка на болезнь бедного Алексея, которая заставила его поторопиться с этим безрассудным шагом».

«Ссылка на болезнь», так возмущившая брата, лишь свидетельствует об искренности Михаила: «я прошу простить меня и верить, что я написал тебе письмо от чистого сердца». Михаил старается объяснить брату мотивы, побудившие его к столь решительному шагу. «Я исполнил то, что должен был сделать всякий честный человек, и в этом моя совесть чиста».

Однако Николай воспринял произошедшее как личное оскорбление: «...между мною и им сейчас все кончено. Ему нет дела ни до нашего горя, ни до скандала, который это событие произведет в России. И в такое время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!»

Предвидя размышления Николая о «пазубном влывнши» Натальи на «нашного брата», Михаил пишет: «Я даю тебе мое слово, что не действовал ни под чьим давлением. Наталья С. никогда со мной об этом не говорила и этого не требовала, я сам пришел к осознанию, что иначе жить нечестно и надо выйти из этого ложного положения».⁹⁵

Но Николай не слышит этих искренних слов брата и главную вину за случившееся вновь возлагает на теперь уже супругу Михаила Наталью Сергеевну: «Бедный Миша, очевидно, стал на время неменяемым, он думает и мыслит, как она прикажет, и спорить с ним совершенно напрасно... Это такая хитрая и злая бестия, что противно о ней говорить».

Так опрометчиво судил Николай об избраннице своего брата, ни разу не видев Наталью Сергеевну и всецело доверившись лживым толкам людей, предавших в угоду ситуации своего господина Великого Князя с такой же легкостью, с какой в дальнейшем они предадут и самого Императора.

Император и Императрица читают телеграммы с пожеланиями выздоровления цесаревича-наследника Алексея

⁹⁵ Из письма М. А. 01.11.1912 г. ГАРФ, 601/1/1301.

Коронация императора
Николая II состоялась
во вторник
14 (26) мая 1896 года
в Успенском соборе
Московского Кремля

ПОКИНУТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

*«Сердце все время ноет, думая о тебе и о бедной России,
которая находится в руках злого духа»
(из письма императрицы Марии Федоровны
сыну Николаю II от 16 октября 1905 года)*

мператор Николай Романов в сердцах писал: «Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совесть, долг и порядочности!» Не секрет, что о личности Николая II и об образе его правления сказано чрезвычайно много и зачастую прямо противоположного. Что же необходимо понять нам, если мы желаем приблизиться к потаенному механизму его внутренних духовных устремлений, постичь, на-

Бабушка царственных братьев – Императрица Мария Александровна. «Она постоянно нами занималась, готовила к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианской верою приучила и наслюбить и понимать христианскую веру, как она сама ее понимала. Благодаря ей, мы все сделали и остались истинными христианами и полюбили и Веру, и Церковь»

сколько царь-страстотерпец реализовал свое предназначение на земле, как сумел он воплотить неисповедимую тайну Божьего промысла о последнем монархе России.

Всю свою внутреннюю духовную установку, в основе которой лежала чистая христианская вера, Николай унаследовал от своего отца-императора. В свою очередь, Александр III, касаясь истоков своего неукоснительного, подлинно евангельского мировоззрения, с чувством глубокой благодарности вспоминал мать, императрицу Марию: «Мама постоянно нами занималась, готовила к исповеди и говенью; своим примером и глубоко христианской верою приучила и наслюбить и понимать христианскую веру, как она сама ее понимала. Благодаря ей мы, все братья и Мария, сделали и остались истинными христианами и полюбили и Веру и Церковь. Сколько бывало у нас разговоров самых разнообразных, душевных, и всегда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила что ответить, успокоить, побороть, одобрить, но всегда с возвышенной христианской точки зрения».⁹⁶

Почему же даже сейчас, по прошествии столетий лет и после столь невиданных испытаний, которые перенес наш народ, многое в поступках последнего российского самодержца по-прежнему вызывает недоумение, а отношение к образу его правления чаще всего может быть охарактеризовано как непонимание и неприятие?

Да, действительно, мы не можем его понять. Это потому, что мы, российский народ, его подданные, перестали ими быть. Народ утратил понимание монархической идеи. Иные идеалы овладели умами и душами бывших «верноподанных Его Императорского Величества», некогда верных слуг и чад богоизбранного царя-батюшки. Не царь оказался не тот, а народ перестал быть царским. «Кругом царит обман, трусость и измена», – с печалью пишет царь в своем дневнике. Император Николай ясно видел и хорошо понимал всю суть происходящего страшного отсту-

⁹⁶ Боханов А., Кудрина Ю. Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884-1894 годы. М., 2001. С. 102.

17–20 июля 1903 года.
Саровская пустынь

пления России от царя и, следовательно, от Веры. Ибо власть самодержца позволяет установить в «царствии земном» образ государственного правления, в наибольшей степени соответствующий монархическому устройству «Царствия Небесного».

Сам же последний Государь был удивительно достойным человеком, истинным христианином, правителем кристальной чистоты. *«Нет такой жертвы, которой я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России»*. Вся логика или, якобы, отсутствие таковой в образе правления последнего императора определялась тем же незабываемым принципом – *«как бы не было греха»*. Невозможность пойти на компромисс в деле спасения души, допустить измену заповедям Божиим, склониться ко греху – эти принципы неизменно оставались приоритетными, определявшими все решения и поступки Николая II.

Именно потому острие всей разрушительной, бесовской работы революционеров в России было, в первую очередь, направлено против царя и его семьи. Николай II до конца оставался тем самым «удерживающим» Россию от падения в бездну греха.

И вовсе не материальные причины или «бедственное» состояние страны определили российскую катастрофу XX века. За 20 лет правления Николая население Империи возросло на пятьдесят миллионов (!) человек, или на 40%.

Причина произошедшего – духовный недуг, поразивший Россию, тяжелая болезнь, издревле известная в христианской аскетической практике под именем «бесовской прелести». Идеалы христианства, на которых выросла и воспиталась Православная Русь, оказались оболганы и перевернуты, как в кривом зеркале. И с прекрасными словами на устах, воспевающими свободу, любовь, братство, сатана повел богоизбранный русский народ по пути служения греху, ненависти и разрушения. О том, что такое может с нами случиться, предупреждало нас Священное Писание: *«лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света»* (2 Кор. 11, 15). Господь попустил силам тьмы взять власть над Россией за грех отступления от Веры, ибо превзошло беззаконие людей долготерпение Божье, *«а потому не великое дело, если и служители князя тьмы принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их»*.

Более того, на сегодня можно реально оценить степень вклада каждого из участников тех событий в богоборческую, сатанинскую работу по разрушению православной духовности в России. Тест этот не сложен – вклад этот равен уровню отступления каждого от верности монаршей власти, степени внутреннего неприятия собирательного образа последнего императора и его семьи. Надо сказать, что этот метод проверки духовного состояния христианина вполне применим и в настоящее время.

Попущенная Господом власть тьмы охватывала все большее количество некогда «верноподданных», в том числе и самое близкое окружение Николая II. Великая Княгиня Ольга вспоминала: *«Не было никого из членов нашей фамилии, которые могли оказать поддержку Ники. Какой же пример могли мы дать своим соотечественникам? Ничего удивительного в том, что Ники, не находя нигде поддержки, стал фаталистом. Нередко, обнимая меня за плечи, он говорил: “Я родился в день Иова Многострадального. Я готов принять свою судьбу”*». Точно так же, в полной мере полагаясь на волю Божью, воспринимала свой монарший и семейный долг и супруга Николая Александровича, императрица Александра Феодоровна, находя утешение лишь в чаянии *«жизни будущего века»: «...когда эта жизнь закончится, мы встретимся вновь в другом мире и останемся вместе навечно...»*

Николай II. 1898 год

Кропление святой водой офицеров и солдат Петергофского гарнизона после молебна в присутствии Императора Николая II

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА ИМПЕРАТОРА ЗА 1907 ГОД

5-го марта. Великий пост.

В 11.30 пошли к службе. Пели казаки... К службе приехал Миша верхом из Гатчины.

9-го марта. Пятница.

В 11.30 ходили к обедне. После обеда мы, Миша и Ольга исповедовались у Яньшева.⁹⁷ Он совсем ослеп, но относится к этому удивительно терпеливо и с христианским смирением. Он пил с нами чай.

10-го марта. Суббота.

В 9 часов пошли к обедне и удостоились причаститься Святых Христовых Тайн. После чая погулял с Мишей. Завтракали с ним и Ольгой.

8-го апреля. Среда.

Докладов не было. Утром читал и принимал. После обедни завтракали одни. Приехали Мама, Ксения, Миша, Ольга, Сандро и Петя. После обеда исповедовались у Яньшева в молебной.

19-го апреля. Четверток Великий.

Имели великое утешение Причаститься. Служба Двенадцати Евангелий продолжалась час сорок минут. Разошлись рано.

⁹⁷ Протоиерей Иоанн Леонтьевич Яньшев (1826–1910), ректор Санкт-Петербургской академии. В 1883 году был назначен духовником Их Императорских Величеств, заведующим придворным духовенством и протопресвитером Большого в Зимнем дворце и Московского Благовещенского соборов и до самой смерти в 1910 году исполнял эти обязанности.

Вдали от Родины. В начале 1914 года Великий Князь Андрей Владимирович пригласил Михаила и Наталью в Сан-Мориц, на знаменитый лыжный курорт. Это было прекрасное место, однако мысли о покинутой Родине их не покидали.
Фото: *Pravda Collection of Lenka RussianArchive (LRA)*

ОПАЛА

*«На развод и возвращение в Россию без семьи я согласиться, не могу»
(16 ноября 1912 года, Капны)*

бъясняя причину своего решения о заключении брака, Михаил в письмах к родным настаивает на моральной и нравственной правоте своего поступка: «Милая Мама, я исполнил то, что должен был сделать всякий честный человек, и в этом моя совесть чиста. Меня ожидает строгое наказание за мой поступок, подсказанный мне исключительно моей совестью. Я готов перенести всякие наказания и лишения, я не страшусь их, но единственно, что мне очень тяжело, так это то огорчение, которое я тебе невольно этим причинил.

От всей души прошу тебя, не суди строго, но благослови меня как мать, которую я горячо люблю».

Также и в письме к своему венценосному брату Михаил подчеркивает чистоту своих помыслов и необходимость этого поступка как устраняющего тяжесть греховной жизни в невенчанном браке: *«Мне трудно оправдываться перед тобой, так как я действительно обещал этого не делать, года два или три тому назад. Я говорил тебе это вполне чистосердечно, рассчитывая, что мы сможем прожить, оставаясь в таком положении, но последний год нашей жизни в Петербурге убедил меня в противоположном. Мы сделали исключительно из-за того, чтобы выйти из того тяжелого состояния, в котором были в последнее время. Мы можем подтвердить, что брак этот не почитается законным с формальной стороны, но он должен оставаться браком законным перед Богом и людьми. Я готов перенести всяческие наказания и лишения и сознавал их неизбежность, но одного прошу, пойми чистосердечность моего признания, перемени гнев на милость и прости меня в твоём сердце – вот это для меня самое главное. Да хранил тебя всегда Господь. Крепко обнимаю тебя. Всем сердцем любящий тебя Миша».*

Однако брат остался неумолим. 15 декабря 1912 года Император подписал указ Правительствующему Сенату о передаче в опеку имущества Михаила Романова, а 30 декабря с него было снято звание «Правителя государства» и объявлены иные крайне суровые меры воздействия. Михаил ответил письмом, полным скорби: *«Никогда не поверю, что это было твоя личная мысль и желание, и мне больно, что ты послушал нечестных людей, желающих меня дискредитировать в общественном мнении».*

Как вспоминали мои бабушки, постояльцы дворца на Английской набережной почти на два года лишились своего любимого господина, что сразу сказалось на их

благополучии. Многие льготы, установленные Михаилом Александровичем, и пособия, которые выплачивались из его личных средств, были отменены.

Великий Князь оказался вынужден жить за границей как частное лицо. Из Австрии в 1913 году Михаил Александрович с семьёй переехал в Англию, где поселился в замке Небворт, недалеко от Лондона.

Замок Небворт в Англии, где Михаил Александрович и Наталья Сергеевна проживали во время императорской опалы. Фото начала 1914 года

Муж и жена.
Последняя
фотография вместе.
Конец 1916 года.
Фото: Ильяшова Collection of Leeds
RussianArchive (LRA)

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В 1914 году 1 августа началась Первая Мировая война. Незамедлительно Михаил написал Николаю письмо с просьбой разрешить ему вернуться на Родину: *«Меня можно в наказание лишить прав и имущества, связанных с моим рождением, но никто не может лишить меня права пролить кровь за Родину!»* Император, не задумываясь, разрешил брату возвратиться в Россию. Из Англии возвращаться пришлось морем вокруг Скандинавии, через Норвегию.

Как только стало известно о возвращении Михаила Александровича, то Наместник Кавказа, граф Воронцов-Дашков, подал Государю прошение о том, чтобы Его Величество «в знак внимания и милости к народам Кавказа» назначил начальником вновь образуемой из кавказских горцев дивизии своего августейшего брата. Так состоялось назначение Великого Князя начальником дивизии, которая вскоре покроет себя неуязвимой славой в Великую войну, как, впрочем, и большинство иных частей Русской Императорской армии. Это воинское соединение – «Кавказская туземная конная дивизия» – было образовано Высочайшим приказом Николая II от 23 августа 1914 года и состояло из шести полков: Кабардинского, 2-го Дагестанского, Чеченского, Татарского, Черкесского и Ингушского.

30-го августа, в день святого Александра Невского, Великий Князь Михаил впервые надел генеральскую форму и, помянув на панихиде своих державных предков в церкви Петропавловской крепости, убыл на фронт в Галицию командовать Туземной, или так называемой «Дикой дивизией».

Командиром первого полка дивизии, Кабардинского, состоял сын Наместника Кавказа, полковник граф Илларион Воронцов-Дашков, единственный адъютант Великого Князя, верно оставшийся при нем в период царской немилости.⁹⁸ Именно он и подсказал своему отцу, Наместнику Кавказа, обратиться с императору с таким «беспронгрышным» предложением, что в дальнейшем повлекло особое отношение к Михаилу Александровичу всей Русской армии.

Война решительно изменила отношение к нему и со стороны брата-императора. Их общение и доверительные встречи возобновились. Так, например, в один из субботних октябрьских вечеров 1914 года братья пошли в маленькую церквушку, построенную в Ставке, где вместе отстояли Всенощную, затем поужинали. *«Всю субботу имел удовольствие провести с Мишей»* – записал император в своем дневнике, – *который стал совершенно прежний и опять такой милый»*.

В этой церкви при Ставке служил протоиерей Владимир Рыбаков, что вскоре примет храм Спаса-на-Водах на Английской набережной, а с ним и венец мученический.

Наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков И. И. (1837–1916). Именно он подал прошение Государю, о том, чтобы «в знак внимания и милости к народам Кавказа», назначить Начальником вновь образуемой из кавказских горцев дивизии своего августейшего брата Михаила

⁹⁸ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960, 1962. Кн. 1–3. С. 206.

⁹⁹ Там же. С. 207.

С офицерами Дикой дивизии

ДИКАЯ ДИВИЗИЯ

о воспоминаниям современников, Великий Князь всегда с изумительным спокойствием, не обращая внимания на разрывавшийся кругом снаряды и свистевшие пули, смотрел в глаза смертельной опасности. При этом он был весел и бодр, стремясь туда, где разворачивались главные события боя. Дивизия очень полюбила Михаила Александровича. «Офицеры любили его за дивные душевные качества. Дикие же горцы-всадники – за его храбрость и еще больше за то, что “наш Михаил – брат самого Государя”. Тут любовь переходила просто в обожание. Горцы его боготворили».⁹⁹

В дивизии Михаила рядовых не называли «нижними чинами», как это было принято в Российской армии, а «всадниками». Так как у горцев не существовало обращения на «вы», то к своим офицерам, генералам и даже к Великому Князю Михаилу Александровичу всадники обращались на «ты», что нисколько не умаляло значения и авторитета командного состава в их глазах и никак не отражалось на соблюдении ими воинской дисциплины.

В горцах не было никакого раболепства перед офицерами, они всегда сохраняли собственное достоинство, а высокая дисциплина, существовавшая в дивизии, в первую очередь, была связана с тем, что «всякий мусульманин воспитан в чувстве почтения к старшим – это поддерживалось “адатами” – горскими обычаями. Уклад в дивизии, скорее, был патриархально-семейный, основанный на взаимном уважении. Брани – вообще не было места... Офицер, не относящийся с уважением к обычаям и религиозным верованиям всадников, терял в их глазах всякий авторитет. Такových, впрочем, в дивизии не было».¹⁰⁰

Лишь одним своим появлением в войсках Михаил «наэлектризовывал» горцев. Они очень любили

его, любили за многое: прежде всего за то, что он брат государя и храбрый джигит, а потом уже за стройность фигуры, тонкость талии, за умение носить черкеску, за великолепную посадку, за приветливость и за то, наконец, что у него была такая же ясная, бесхитростная душа, как и у них, этих простодушных всадников.

«*Через глаза нашего Михаила Сам Бог смотрит*», – как-то сказал один умиравший в госпитале горец, когда Великий Князь, навестив его, отошел от кровати».¹⁰¹ Михаил лично озаботился скорейшим назначением в их дивизию священника – им стал протоиерей Михаил Поспелов, тот который в 1909 году крестил его сына Георгия.

За время войны через службу в дивизии прошло более 7000 всадников – уроженцев Кавказа. Около 3500 из них были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «За храбрость», а все офицеры дивизии были удостоены орденов.

«*Революционное лихолетье дало много ярких доказательств того, что горцы Кавказа были до конца верны чувству долга, воинской чести и доблести...*»

«*Через глаза нашего Михаила Сам Бог смотрит*», – как-то сказал один умиравший в госпитале горец, когда Великий Князь, навестив его, отошел от кровати.
Foto: Brasova Collection of Leeds Russian Archive (LRA)

¹⁰⁰ Из очерка «Кавказская Туземная конная Дивизия» офицера Алексея Арсеньева. Цит. по: Опышко О. Л. Кавказская конная дивизия. Возвращение из забвения, Нальчик, 1999.

¹⁰¹ Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. С. 207.

«Я ВНЕ БОЯ...»

спокоиться обо мне не надо, потому что я вне боя, далеко», – так неизменно писал в письмах своей дорогой Наталье любящий ее Михаил. На самом же деле уже по всем фронтам шли слухи об удивительных успехах лихих горских всадников, которых лично водит в атаки брат царя.

Один из военных корреспондентов писал: «Он всегда там, где опасно и где противник развил губительный огонь. Толкает Михаила Александровича в этот огонь личная отвага сильного физически, полного жизни воина и кавалериста... Полки, видя Великого Князя на передовых позициях своих, воспаляются, готовые идти за ним на верную смерть».¹⁰²

Михаил, однако, в своих письмах Наталье всячески стремится представить совершенно иную, идиллическую картину: «Я больше все сижу дама и страшно тоскую. Быть на войне и так мало пользоваться свежим воздухом даже глупо».

На самом же деле «свежего воздуха» было предостаточно. Он вместе с войсками постоянно находился на передовой, продвигаясь от деревни к деревне, ночью, где придется. В результате «он оказался впереди основных сил дивизии, когда они подошли вплотную к австрийцам», в авангарде которых оказались знаменитые тирольские стрелки. Вдвое меньшей численностью, чем противник, татары и чеченцы Михаила вступили в рукопашный бой с австрийцами прямо в лесу. Это был кровавое побоище. С тирольскими штыками австрийцев насмерть слестнулись шашки и кинжалы горцев.

Половина горцев Михаила полегла в этом сражении. Когда после боя Михаил объезжал верхом это страшное место, он был потрясен героизмом, проявленным его полками, и одновременно страшно подавлен зрелищем лежавших повсюду среди деревьев мертвых тел тирольцев и его бойцов.

В представлении о награждении Михаила, единогласно одобренном «Георгиевским советом», значилось, что он представлен к Ордену святого Георгия 4-й степени за его отличие в боях за Карпатские перевалы в январе 1915 года, в которых он «подвергал свою жизнь большой опасности, вдохновляя и подбадривая своих солдат и офицеров примером личной храбрости и мужества под непрерывным вражеским огнем во время атак превосходящих сил противника, и, при переходе русской армии в наступление, своими активными действиями способствовал успешному развертыванию маневров остальных войск».

¹⁰² Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия.

См.: <http://millitera.lib.ru/prose/russian/breshko1/index.html>.

Авторитет Великого Князя Михаила Александровича в войсках был очень высок. Михаил «*был всеобщим любимцем на фронте, и его Дикая дивизия, состоявшая из кавказских туземных частей и по сей день все еще не выходящая из боев, считалась Ставкой лучшей кавалерийской боевой единицей*».¹⁰³

Император Николай всегда был очень щепетилен в ситуации, когда вставал вопрос о награждении кого-либо из его родственников.¹⁰⁴ Однако в данном случае он не сомневался и был чрезвычайно доволен «*превосходным поведением Мишиной дивизии в февральских боях*». В своих письмах императрице он подчеркивал: «*Миша сам все время находился в линии огня. Все просят меня дать ему Георгиевский крест, что я и сделаю. Я рад за него, ибо думаю, что эта военная награда действительно им заслужена*».

Получив Орден святого Георгия 4-й степени с наградным Георгиевским оружием и выражая в письме благодарность императору, Михаил Александрович не преминул напомнить брату о своей давней просьбе. И на этот раз Николай ее исполнил.

Указом Правительствующему Сенату от 26 марта 1915 года сыну Михаила Георгию был дарован титул графа Брасова, а к осени 1915 года брак Михаила Александровича с дворянкой Натальей Сергеевной Брасовой был официально признан. Таким образом, когда в марте 1917 года император Николай II будет передавать монарший престол брату – Михаилу II, – жена нового царя будет в полной мере законной.

Этим же указом прекращалась та самая унижительная «*опека над личностью, имуществом и делами Великого Князя*», что позволило ему вновь вернуться к работам о дворце на Английской набережной.

В окопах
Первой Мировой

¹⁰³ Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания. М., 2000. С. 258.

¹⁰⁴ К этому времени Михаил Александрович уже дважды представлялся к награждению Орденом св. Георгия, но, увы, «без дальнейшего движения». В первый раз в начале 1915 года, когда его дивизия под Перемышлем задержала наступление кирасирской дивизии немцев. Михаил Александрович лично был под огнем, что по статуту ордена предполагало награждение «лица императорской фамилии». Второй раз «за дела на Сане» Великий Князь был вторично представлен к той же награде. Но и это представление не получило движения. Тогда, после нового геройского дела, генерал Брусilов, командующий 8-й армией, лично взял уже на себя провести награждение через Георгиевскую думу своей армии. Дума признала Великого Князя достойным, и постановление ее пошло на Высочайшее утверждение.

С кавалерами ордена
Святого Георгия –
Георгиевского креста.
Июнь 1916 года.
Фото: *Brasova Collection of Leningrad
Russian Archive (LRA)*

ГОСПИТАЛЬ НА НАБЕРЕЖНОЙ

ледя традиции, Михаил в октябре 1914 года предоставил дворец под лазарет Своего имени, учрежденный Сергиевским православным братством. Над самим братством Великий Князь покровительствовал еще с августа 1905 года.

Наталья Сергеевна включилась в реализацию этого проекта с максимальной энергией. Она закупила все необходимое – больничные койки, медицинское оборудование, нанимала врачей и сестер милосердия. В результате вскоре госпиталь смог принимать на лечение до 100 раненых солдат и 25 офицеров. Небольшой филиал госпиталя на 30 раненых Наталья организовала также в Гатчине на той самой Багговутской улице.

К Рождеству 1914 года стараниями Натальи Сергеевны всем раненым были вручены подарки от имени Великого Князя. Каждый получил серебряные часы с вензелем Михаила Романова и кيسет с табаком.

Все эти хлопоты предполагали частое пребывание Натальи Сергеевны в Петрограде и во дворце. Мои бабушки вспоминали, что их госпожа регулярно организовывала концерты для раненых, привозя с собой различных знаменитостей. В 1914 году, когда моей бабушке Марии было 9 лет, Наталья Сергеевна приехала к раненым с самим Шаляпиным. Постояльцы дворца, конечно же, тоже поспешили на концерт такой знаменитости. Бабушка Анна (ей уже было 15 лет), вспоминала, что Маруся так живо реагировала на артистические приемы Шаляпина во время пения, что маэстро стал на нее поглядывать, явно умиляясь этаким детской непосредствен-

ности. Улыбалась и Наталья Сергеевна. Отец Маруси, Степан Никитич, пытался урезонить дочь и исподволь грозил ей, но та ничего не замечала и, открыв рот, как зачарованная глядела на великого артиста. По окончании концерта Федор Михайлович подошел к Марусе и, склонившись, ласково погладил ее по голове, а Наталья Сергеевна подарила ей коробку сливочных тyanучек.¹⁰⁵

Михаил Александрович и Наталья Сергеевна с медперсоналом госпиталя на Английской набережной

105 Надо заметить, что «дореволюционные» сливочные тyanучки ничего общего с ныне нам известными конфетами под таким названием не имеют, поскольку изготавливались из настоящих стуженных сливок.

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННОКОВ

«Какая-то бодрая, ритмическая четкость движений. Высокая, мускулистая фигура спортсмена в легком халщовом кителе с генеральскими погонами. На груди Георгиевский крест. На бледном, бритом, с удлинненным овалом лице сияют приветливо и мягко светлые пытливые глаза. Такая открытая лучистость взгляда – свойство высоких, кристально чистых натур. Изучая этот взгляд, начинаешь понимать обаяние, внушаемое Великим Князем Михаилом всем тем, кто хоть однажды видел его близко. В чем же секрет такого властного очарования? Душа благородная, прекрасная угадывается во всем, в каждой фразе, в каждом взгляде, жесте. Этот человек – сама олицетворенная искренность, так гармонично переплетавшаяся с царственной простотой. Он не только любимый всеми военачальник, покрывший славою и себя самого, и дивизию, но и отважный, не знающий страха солдат...»

Великий Князь трогателен скромной и простой любовью, он весь в этой чарующей простоте – любить Россию и все русское.

*И в религиозности Великого Князя есть что-то напоминающее древнюю васнецовскую Москву, которая, к слову сказать, всегда так по сердцу Его Высочеству. Он не пропускает ни одной обедни, и храм так гармонирует со всем его обликом. Прихожане – толпа наших серых героев. Впереди – высокий, стройный и гибкий стоит Великий Князь, ушедший целиком в молитву».*¹⁰⁶

Чтобы убедиться в том, что приведенное свидетельство не «заказная статья», приведем воспоминания казачьего офицера Сергея Курнакова: *«Высокая, атлетическая фигура Великого Князя Михаила была облачена в черную черкеску. Генеральские аксельбанты на правом плече и белый крест Святого Георгия раскачивались в ритм с его пружинистой походкой. Мне никогда раньше не приходилось встречаться с Великими Князьями. Но этот был одно обаяние. Чистые голубые глаза излучали доверие. Легкая курносость была вызовом на откровенность. Осанка прямая и стройная, но не высокомерная. И тело римского гладиатора...»*

*Как было бы хорошо отдать жизнь за такого человека. Не зря кавказцы обожают его!»*¹⁰⁷

Русский дипломат из славной купеческой семьи, Дмитрий Абрикосов, в юности серьезно ухаживавший за Натальей Сергеевной, вспоминал, что почувствовал

106 ГАРФ. Очерк «Великий Князь Михаил Александрович на войне». Ф. 668, оп. 1, д. 1081.

107 Kournakoff Serge. Savage Squadrons. Hale, Cushman & Flint: Boston – New York, 1935.

Император Николай II
и командир полка
генерал-майор
Н. М. Кисилевский
обходят строй.
Царское Село.
17 мая 1909 года

неловкость, когда получил приглашение в гости к чете Великого Князя. Однако все быстро прошло, ибо Дмитрий *«сразу же попал под его обаяние... никогда не встречал более порядочного и благородного человека; было достаточно взглянуть в его светлые голубые глаза, чтобы устыдиться своих подозрений и двойственных чувств»*.

Сказанное вовсе не значит, что иные братья и сестры Михаила не обладали этими достоинствами. Вся семья Александра III излучала эту силу и очарование. Однако надо понимать, что острие клеветы и пропаганды, вся сила революционной разрушительной работы были направлены конкретно на императора Николая II и его семью.

О том, что все российское общество к февралю 1917 года оказалось обманутым, введенным в страшное заблуждение, свидетельствуют воспоминания А. Ф. Керенского. *«Обезоруживающе обаятельный человек»*, – пишет о царе лидер февральской революции после свидания с бывшим императором. Вскоре Александр Федорович с удивлением скажет сопровождавшим его лицам: *«А ведь Николай II далеко не глуп, вопреки тому, что мы о нем думали»*.

«ЯКО ДНИ ЛУКАВЫ СУТЬ» (ЕФ. 5, 16)

¹⁰⁸ Из воспоминаний очевидцев: «не только на Великом Князе, но и на одном матросе этих бантов не было» (контр-адмирал Р. Д. Зеленцкий); «вопреки существовавшим расказам, у него не было на плече красного банта» (полковник Б. Энгельгардт); «на одном из них не было никаких бантов или каких-либо необычных отличий» (С. Т. Варун-Секрет).

¹⁰⁹ «Когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, то я чувствовала себя отставшей от него, и чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу» (из воспоминаний Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, прмц. Алалаевской).

¹¹⁰ Вдова кавалергарда князя Павла Павловича Пугатина княгиня Ольга Павловна скончалась на острове Мальта 15 апреля 1967 года. Похоронена на местном кладбище после отпевания в греческой церкви. Большая ее заслуга – создание в столице Мальты – Валетте школы русского балета.

¹¹¹ Poutiatine, Princess Olga. Les Derniers Jours du Grand-Duc Michel Alexandrovitch // Revue des Deux Mondes. Paris, 1923.

Вникая в исторические свидетельства тех лет, невольно потрясаешься, насколько вся атмосфера общественной жизни была пропитана грязью и ложью. Люди пребывали в состоянии некоей бесовской одурченности, плоды вокруг себя явные наветы и измышляя клевету друг на друга.

Народ встал на гибельный путь разрушения и потому остро нуждался во внутреннем оправдании своих грехов, недостойных мыслей и поступков.

В дальнейшем эти вымыслы обрели в советской общественной науке статус убедительного исторического факта, и, продолжая жить в наших сердцах, творят свою разрушительную работу.

Так случилось, например, с Великим Князем Кириллом Владимировичем и историей о его «красном банте».¹⁰⁸ И с Великим Князем Сергеем Александровичем, убиенным террористами, которому вопреки ясному свидетельству жены, прмц. Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, продолжают навешивать ярлыки всяких гнусностей.¹⁰⁹

И в нашем случае, с Натальей Сергеевной, которая, как свидетельствует ее близкая подруга княгиня Ольга Пугатина,¹¹⁰ не имеет ничего общего с той женщиной, к которой многие относились с неприязнью или презрением. Она запомнилась ей как «человек огромного обаяния, наделенный всеми притягательными чертами, которыми может обладать женщина, – изяществом, элегантностью, прекрасным умом, который пленял всех, кого привлекала ее поразительная красота». Ольга Павловна, имея возможность часто беседовать с Натальей, убедилась «в той огромной любви, которую она испытывала к своему мужу».¹¹¹

Таким сильным, цельным и мужественным натурам, какой была Наталья Сергеевна, Господь посылает особо крепкие испытания, закаляя их веру, воспитывая смирение и готовность принять Его волю, какой бы она ни была.

Наступил 1915 год. В этом году начались первые жестокие удары судьбы. В январе в Москве от приступа пневмонии внезапно умерла сестра Натальи Ольга. «Я никак не могу примириться с этой мыслью, – писала Наталья, – я не верю...»

Великий пост весной 1915 года Наталья Сергеевна проводила особо сосредоточенно. Дивизия Михаила вела тяжелые бои в Карпатах, и даже на Пасху отлучиться ему оказалось невозможным. «Мы все время в соприкосновении с противником...

Михаил Александрович и
Наталья Сергеевна
фото: Винови Collection, (SSEES)
Library, University College Archive,
London

Мысленно буду ежесекундно и нераздельно с тобой в гатчинской дворцовой и так горячо и нежно мною любимой церкви». Наташа пишет, что ходит «в новую монастырскую церковь», но там так много людей, что «невозможно молиться, потому на Страстной неделе и на все эти торжественные постные службы, которые я так люблю, буду ходить в дворцовую церковь».

Через четыре дня после Пасхи пришло очередное страшное известие из Москвы – от обострения аппендицита скончалась вторая сестра Натальи, Вера. Сестра Вера с мужем Алексеем Сергеевичем Матвеевым всегда были самыми верными друзьями и союзниками Натальи и Михаила. Скорбь их была безмерной.

Позже, уже успокоившись, Наталья писала: «Мой дорогой Миша, прошу тебя, не забывай, что ты обещал мне беречь себя, ты должен всегда помнить об этом... Ты ведь знаешь, что у меня теперь никого нет близких кроме тебя, и все моя жизнь только в тебе».

«ФОТОГРАФ-ХУДОЖНИК»

Таксофот, или стереоскоп, принадлежавший Михаилу Александровичу.

Это аппарат, в котором более сорока фотопластинок вращаются с помощью ручного привода и при рассмотрении через пару увеличительных стекол дают реальный стереоэффект

Великий Князь – фотограф.
На фронте в 1915 году

Когда мне было двенадцать лет, я со свойственной этому возрасту любознательностью обследовал хранившийся в нашей семье, некогда принадлежавший Великому Князю так называемый «таксофот». И обнаружил в нем двойное дно. Вскрыв аппарат, я извлек сверток, завернутый в старую газету. В нем оказалось несколько спрятанных фотопластин от этого таксофота, посвященных жизни царской семьи, и пачка дореволюционных фотографий. На фотографиях были засняты многочисленные зимние сцены из боевых действий Российской армии в Первой Мировой.

И вот только сейчас я обнаружил свидетельство об этих фотографиях одного современника Великого Князя, встречавшегося с ним во время войны: *«Мы упоминали ранее, что Великий Князь фотограф-художник. В сотнях великолепных снимков, в умении выбрать мотивы, угадывается артистическая, любящая природу натура. Серия снимков зимних батальных жанров на фоне живописных Карпат, это что ни снимок – шедевр»* (Н. Н. Брешко-Брешковский).

Тогда, в 1965 году, я поделился радостью своей находки с моей бабушкой Марией. Она встретила мое открытие неожиданно сухо, сказав, чтобы я оставил ей эти находки – она потом рассмотрит все повнимательней.

Когда же на следующий день я, вернувшись со школы, попросил ее дать мне посмотреть фотографии, она строго сказала мне, чтобы я о них забыл и что их больше нет. Я был ошеломлен произошедшим, но бабушка вовсе не шутила. Фотографии были уничтожены – страх репрессий в отношении *«всех, кто связан с Домом Романовых»*, жил в нашей семье неистребимо, на подсознательном уровне. До самой своей смерти в 1984 году бабушка не верила, что время тех страшных гонений прошло, и по-прежнему ежедневно ожидала ареста.

Усадьба Михаила Александровича в Брасовском имении Орловской губернии

В БРАСОВО

В последние годы перед революцией Брасово стало самым любимым местом Натальи Сергеевны, где она по-настоящему чувствовала себя хозяйкой. Она была тонкой, образованной и интересной женщиной с живым умом и добрым сердцем. В брасовском имении у нее долго работал академик живописи С. Ю. Жуковский, в поселок Локоть приезжал известный композитор С. Рахманинов. Наталья была дружна с художником Клодтом. А главное – она была надежным другом и помощницей Михаилу во всем.

Казалось бы, именно здесь Наталья должна была обрести наконец долгожданный мир в душе и покой. Однако именно в имении Брасово, где она дождалась с фронта своего Мишу, Наталью Сергеевну начинают все чаще посещать тревожные мысли, в душе нарастают тяжкие предчувствия: *«Последнее время все мне сделалось в тягость и ничего не радует... У меня опять такое беспокойство на душе, что я ни днем, ни ночью не знаю покоя... Мысли о смерти меня больше не покидают ни на одну минуту...»* Шел 1916 год, и тонкая натура Натальи Сергеевны и ее любящее сердце уже предчувствовали надвигающуюся беду, все более нарастающую концентрацию злости и ненависти, уже виделся на горизонте встающий во весь рост безжалостный и ненасытный монстр, именуемый Русской революцией. Вот уж воистину: *«Чудische обло, озорно, огранмо, стозевно и лаяй»*.¹¹²

112 В. К. Тредиаковский, «Тилемахид», том II, кн. XVIII, стих 514. Этот эпитаф в XVIII веке взял к своей облачающей самодержавие книге особо воспетый в советское время «первый русский революционер» писатель А. Н. Радищев.

113 Абрикосов Д. И. Судьба русского дипломата. С. 294.

Те же предчувствия мучили и Михаила. Как вспоминал очевидец, бывавший в имении князя, ощущение грядущей неумолимой катастрофы не покидало Михаила Александровича. *«Страдая от лихорадки, Великий Князь лежал на тахте и тихим голосом с грустью говорил о тягости жизни среди этой печали, среди эгоизма и лживости окружающих его людей, и о том, что Бог, похоже, покинул их. Он говорил мне, что часто думает, как трудно его брату, который искренне желает делать людям только хорошее... Было видно, что Михаил с тягостной тревогой глядит в будущее, и слезы слышались в его голосе. Стало совсем темно. Когда да зажег свет, то был поражен выражением бесконечного отчаяния на его бледном лице, и тут я отчетливо понял, что все мы стоим на пороге огромного несчастья».*¹¹³

Во время своих приездов в Брасово Великий Князь непременно принимал крестьян и практически всегда удовлетворял их просьбы. На средства имения содержался детский приют и богадельня для калек и немощных. Всем школам бесплатно давалось топливо, а учителя получали дополнительное жалованье из средств Князя.

Впоследствии, сразу после февральской революции, Михаил Александрович официально передал брасовский дворец со всем богатейшим имением местным крестьянам, которые, надо сказать, по-прежнему относились к Князю с теплотой и преданностью.

Брасовские интерьеры

Еще со времен Великого Князя Георгия, а затем и при Михаиле Александровиче в Брасово собиралась и сберегалась богатейшая коллекция культурных и художественных ценностей. Наталья Сергеевна, получив прекрасное образование, обладая проницательным умом и широтой интересов, весьма хорошо разбиралась в искусстве. Став хозяйкой этой усадьбы, она собрала богатейшую коллекцию живописи, старинной мебели, фарфора, бронзы, хрустала. Особую гордость представляла коллекция изделий из серебра.

В голодную весну 1918 года местный волостной комитет обратился в Народный комиссариат имуществ Республики с предложением отдать вагон «брасовского» серебра за 10 вагонов хлеба. После длительных переговоров комиссариат в обмен на вагон серебра выделил один вагон хлеба.

Икона «Казанская» в серебряном окладе, о которой идет речь в этой книге, в 1915 году была перевезена из Брасово в Петербургский дворец, в молельную комнату князя, и лишь потому не оказалась ограбленной. Если бы не это обстоятельство, то серебряная ее риза убыла бы на переплавку в том самом «вагоне серебра»: *«В семнадцатом ящике, как указано в документе, находились "иконы", что в действительности означало серебряные оклады и предметы церковного обихода, подчас украшенные драгоценными камнями»*.¹¹⁴

Наталья Сергеевна и Великий Князь Дмитрий Павлович. Двоюродный брат Михаила Александровича, двадцатипятилетний Великий Князь и красавец Дмитрий пребывал в состоянии романтической влюбленности в Наталью Сергеевну, которая была значительно его старше, и в своих письмах Михаилу называла его не иначе, как «наш Ландыш»

114 Кончин Е. Брасовские сокровища // Московский журнал. 1999, № 11. С. 40-41.

Дом № 24
по Николаевской улице
в Гатчине. Этот небольшой
скромный дом Михаил
Александрович купил
по возвращении из Англии
в августе 1914 года

ОТРЕЧЕНИЯ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

весны 1915 года Наталья Сергеевна с детьми жила в Гатчине на Николаевской улице в маленьком доме, похожем на английский коттедж. *«Мне не дано счастливо и спокойно жить на одном месте, меня судьба бьет всю жизнь, а в особенности с тех пор, как я с тобой. Потому, думаю, и теперь, устроившись здесь как следует, придется все бросить и бежать»*, – такими предчувствиями делилась с Михаилом Наталья, когда тот приехал восстанавливать здоровье после перенесенной дифтерии.

Здоровье Князя постепенно налаживалось, и по воскресеньям они всей семьей неизменно ходили в дворцовую церковь на службу. В очередной раз Великий Князь приехал с фронта к семье в Гатчину в отпуск по болезни уже в феврале 1917 года. Здесь, в Гатчине, их застала февральская революция.

Царь Николай II.
Февраль 1917 года,
последние дни
российской монархии

2 марта император Николай II подписал манифест, который революционная пресса немедленно назвала «отречением» от престола. В действительности же речь шла лишь о передаче «наследия нашего брату нашему» Михаилу, поскольку монархия по определению не может совершить «отречения». Этого никогда не будет, это юридический нонсенс. Власть над собой Романовым даровал сам народ на Соборе 1613 года, следовательно, и освободить Романовых от власти мог лишь тот же народ и таким же своим соборным волеизъявлением и не иначе. Но, надо заметить, что даже и до сего дня такого Собора собрано не было и решения о судьбе Российской монархии народом также не принято.

Передаче престола предшествовали тяжелые раздумья императора: «Если я по-меха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественные силы просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь свою отдать за Родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает».¹¹⁵

В результате престол был отдан брату Михаилу Александровичу: «... Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского». В своем манифесте Николай Александрович ясно наставляет младшего брата в необходимости учесть волю народа через законно избранных его представителей: «Заповедем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа... на тех началах, кои будут ими установлены... Да поможет Господь Бог России».

115 Дубенский Д. Н., генерал. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. III.

Именно из этого принципа исходил и Михаил Александрович, составляя свой манифест, который также левой прессой был немедленно представлен как «отречение».

Члены только что сформированного Временного правительства вызвали Великого Князя в столицу и долго совещались с ним в квартире князя Путятина на Миллионной улице, 12. «Великий Князь держал себя с безукоризненным тактом и благородством, и все были овеяны сознанием огромной важности происходившего».¹¹⁶ Михаил Александрович попросил время на размышление и уединился в путятинском кабинете. Министры молча ждали в гостиной.

Вида повальную атмосферу измены и обмана, революционное помутнение умов и сердец, Великий Князь Михаил принял продуманное и, пожалуй, единственно верное в то время решение: «При настоящих условиях я не считаю возможным принять престол, – объявил он министрам Временного правительства. – Представляю окончательное решение этого вопроса Учредительному собранию».

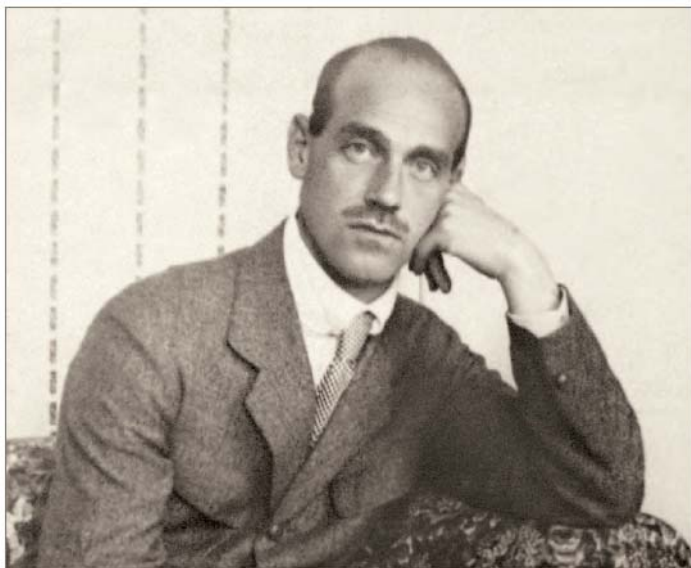
Исходя из вышесказанного, Михаилом был составлен следующий манифест: «...Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления... Государства Российского...»

Из сего документа ясно следует, что Великий Князь Михаил также не отрекся от престола, но отложил восшествие на него до законного волеизъявления русского народа об образе правления государством, то есть до решения Учредительного собрания. Революционное состояние народа обуславливало необходимость подтверждения клятвы, данной на Земском Соборе 1613 года, как о верности Дому Романовых, так и принципам монархии в целом. Те же формулировки звучали и в тексте новой Воинской присяги 1917 года, которой присягала Российская армия: «...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания».

Однако подлый военный переворот, произошедший в Петрограде в октябре 1917 года, похоронил все планы установить законный образ правления в России.¹¹⁷ Была явлена та самая «тайная беззакония», поскольку, по пророчеству апостола, был взят от среды удерживающий теперь» (2Фес. 2,7), ибо законный «удерживающий» правитель был принужден оставить престол. Тот же, кто мог реально стать новым «удерживающим», был расстрелян самым первым, в Перми, в ночь на 12 июня 1918 года.

¹¹⁶ Нольде Б. Э. Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930.

¹¹⁷ Большевицкая власть на духовном уровне всегда испытывала страх от всего связанного с памятью Романовых. Когда в 1927 году Сталину предложили идею издать сборник о расстреле царя, Иосиф Виссарионович резко отрезал: «О Романовых больше ни слова!». Единственная книга, «Последние дни Романовых» вышедшая в 1926 году была запрещена, изъята и помещена в спецхран. Это «табу» строго сохранялось вплоть до 1974 года, когда позволили опубликовать тщательно «идеологически проработанный»opus журналиста Марка Касинова «Двадцать три ступени вниз». (Надо заметить, что автор внезапно скончался сразу после публикации).

Император Михаил II.
Фото сделано
3 марта 1917 года
во время совещания
в доме князя Путятина
на ул. Миллионной, 12

*«Его Императорскому
Величеству Михаилу
Второму. События
последних дней вынудили
меня решиться
бесповоротно на этот
крайний шаг. Прости меня,
если огорчал тебя и что не
успел предупредить...»
Из телеграммы Николая
Александровича брату Михаилу
3 марта 1917 года*

ИМПЕРАТОР МИХАИЛ II

Мы не хотим, описывая исторические события, предаваться бесплодному «согласительному наклонению», но все же оценим шансы Михаила Александровича как возможного правителя России в то смутное время. Выше мы неоднократно приводили многочисленные свидетельства современников, единодушно признававших высокие нравственные, деловые и боевые качества Михаила Романова.

Это вынуждены были признавать и его политические противники, и даже идеологические враги, как, например, большевик Владимир Гуцик, познакомившийся с Великим Князем, будучи комиссаром Гатчинского дворца, где Михаил находился под домашним арестом. Даже он не мог не свидетельствовать об авторитете Михаила Александровича и большом политическом потенциале его личности: *«Великий Князь имел три редких достоинства: доброту, простоту и честность. Ни одна партия не питала к нему неприязни. Даже социалисты всех тонов и оттенков относились к нему с уважением».*

Решающее значение в оценке шансов Михаила Романова на роль политического лидера в то время, безусловно, имел его неоспоримый авторитет и, более того, любовь к нему в войсках. И, конечно же, не надо забывать, что за ним стояла слава и сила знаменитой Дикой дивизии.

В воспоминаниях офицеров-горцев о тех днях говорилось: *«Отречение Государя от престола потрясло всех и того “энтузиазма”, с которым якобы все население встретило отречение, не было. Была общая растерянность, вскоре сменившаяся каким-то опьянением от сознания, что “теперь – все позволено”. Всюду развевались красные флаги и пестрели красные банты. В Дикой Дивизии никто их не надел – кроме обозников и матросов-пулеметчиков...»*¹¹⁸

Устойчивая и стабильная обстановка, сохранявшаяся после февральской революции в Кавказской конной дивизии, не поддававшейся пораженческой пропаганде и революционной демагогии, устраивала далеко не всех. Реальной силы этой дивизии очевидным образом опасались в февральском Петрограде, находившемся во власти пьяного разгула и анархии. И в дальнейшем ее всадников очень боялись – как правительство Керенского, так и ленинская клика.

Но именно такого, кровавого, «на штыках», восшествия на престол Михаил допустить не мог. *«Можете ли Вы указать хоть одну сильную группу работников или умов государственного направления, на которую можно было бы опереться? – спрашивал Михаил близкого ему адвоката Иванова, и сам же отвечал: – Я не вижу. Одни штыки кругом. Штыки и клинки».* Надо прямо заявить – никто не может упрекнуть Михаила в боязни и малодушии. Он боевой офицер, не раз глядевший смерти в глаза и видевший много крови. В то же время лить кровь своего народа он не мог. Подписывая манифест, Михаил следовал высшим нравственным христианским принципам, а не сиюминутной политической выгоде: *«Я поступил правильно, и отказался, чтоб не было никаких поводов проливать кровь».*

¹¹⁸ Опришко О. Л. Кавказская конная дивизия. Возвращение из забвения. Нальчик, 1999.

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА

обития февральской революции, «отречение» императора, стихия «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», непосредственным образом коснулись нашей семьи, всех постояльцев дворца Великого Князя на Английской набережной.

«Дворец громили страшно, – вспоминали мои бабушки, – выбрасывая из окон дорогое внутреннее убранство». Хотя в период войны дворец и был отдан под госпиталь, но мебель и утварь оставались дворцовыми. Во дворе революционные матросы жгли костры, а «на дрова» выбрасывали с верхних этажей уникальные мебельные гарнитуры. Ломились в любую квартиру и забирали все, что хотели. Старшую из дочерей, Анну (ей было семнадцать лет), на случай таких визитов держали в постоянной готовности спрятаться в специальном тайнике на чердаке. Однажды пришли трое матросов, перепоясанных пулеметными лентами («вот точно, как в фильмах показывают»), и стали перерывать все в доме. Забрали одеяла, все вилки и ножи («это оружие»), а в колоде карт изорвали всех королей и дам («это проклятый царский режим»). В другой раз ворвались, когда Мария Федоровна только что приготовила ужин, «так они с плиты все и забрали. Мама пыталась чайник не отдать, так ее о стенку так швырнули, что она болела потом».

Напротив дворца на Английской набережной была пришвартована императорская яхта «Полярная Звезда». Было видно, что ее тоже пытались грабить, во всяком случае, использовать мебель на дрова для костров. Два угловых корабельных кресла из красного дерева с костяной инкрустацией, выкинутые на набережную, моя бабушка Анна подобрала и принесла домой. В середине 1917 года знаменитый матрос Железняков отправил «Полярную Звезду» в Гельсингфорс, где она потом служила штабом высшего революционного органа моряков – Центробалта.

Упомянутые же «императорские кресла» сейчас стоят как Архиепископские троны на горных местах двух алтарей в церквях на Терском берегу Белого моря, в коих Господь сподобил меня быть настоятелем.

Одно из корабельных кресел, выкинутых с императорской яхты «Полярная Звезда»

Императорская яхта «Полярная Звезда»

СПАСЕНИЕ СВЯТЫНИ

Управляющий дворцовым хозяйством Степан Никитич Пименов →

119 Протоиерей Николай Ананьевич Комарецкий (04.05.1877–25.06.1931). С июля 1914 года, будучи полковым священником Благовещенской церкви, прошел всю войну со своим Лейб-гвардии Конным полком. Имел боевые награды (в 1914 – орден Анны 3-й степени с мечами). После большевистского переворота продолжал служить в Благовещенской церкви. В марте 1922 года был арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». После закрытия и взрыва Благовещенской церкви стал болен, но продолжал служить до кончины в 1931 году. Погребен протоиерей Николай на Большеохтинском кладбище.

менно в это страшное время и сумел Степан Никитич укрыть от погромщиков Казанскую-Романовскую икону Божией Матери. Пробравшись в Великокняжескую моленную комнату, он незаметно перенес икону к нам домой, во флигель. Когда же обстановка на улицах стала спокойнее, Степан Никитич отнес икону в ближайшую к нам церковь – Благовещенскую, что тогда еще стояла на Благовещенской площади (ныне площади Труда).

В это же время он познакомился и с протоиереем Николаем Комарецким,¹¹⁹ служившим в Благовещенской церкви. Они были одногодки, и их связывали крепкая вера и любовь к военной службе и идеалам прошлой жизни.

В это смутное время отец Николай со своим Кавалерийским гвардейским полком вернулся с германского фронта и пребывал за штатом. Позже, с 1919 года, протоиерей Николай возглавил Благовещенскую церковь, куда ходила и где причащалась вся наша семья.

В ПЕРМИ

феврале 1918 года Совнарком принял решение, подписанное Лениным: *«Бывшего Великого Князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского железнодорожного жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения».*

Управляющий и личный секретарь Великого Князя англичанин Брайан (Николай Николаевич) Джонсон остался в нашей стране добровольно. В декабре 1912 года Николай Джонсон заменил Великому Князю отрезавшегося от него прежнего адъютанта графа А. А. Мордвинова. Еще в ноябре 1901 года Михаил и Николай вместе окончили Михайловское артиллерийское училище и получили обер-офицерские звания поручиков. Выйдя в офицеры, Джонсон всегда оставался добрым другом, а в трудную минуту стал и личным секретарем Великого Князя, разделив с ним изгнание в Англии. Великому Князю и Джонсона объединяла дружба и любовь к музыкальному творчеству. Михаил имел явные музыкальные таланты и хорошо играл на фортепьяно, гитаре, балалайке и флейте. Джонсон часто аккомпанировал ему на рояле.

Английский посол в Петрограде Бьюкенен рекомендовал Джонсону покинуть Россию, но тот ответил: *«Я не оставляю Великого Князя в такой тяжелой момент».* Верный Джонсон не оставил Михаила Александровича и в минуту смертельной опасности, приняв вместе со своим другом мученический венец.¹²⁰

За своим господином в Пермь добровольно последовали и верные слуги Князя камердинер В. Ф. Челышев, шофер П. Я. Боунов и другие. На все просьбы Натальи Сергеевны, желавшей разделить участь мужа, Великий Князь отвечал твердым отказом и уговорил ее остаться в Гатчине и ждать исхода событий.

Тогда Наталья Сергеевна занялась очень важным делом – отправкой сына за границу. Целый месяц ушел на то, чтобы суметь переправить маленького Георгия в Данию под видом сына уезжавшей с ним гувернантки. Мальчика согласилось принять датское королевское семейство – родственники императрицы Марии Федоровны. Дальнейшие события показали, что Брасова поступила мудро: оставаться в России мальчику царской крови было крайне опасно.

После ареста Михаила Александровича неотложной задачей Натальи Сергеевны стала отправка сына Георгия в Данию

120 *«Знайте, я около М. А., пока нас не разлучат, я все силы положу, что бы ему смягчить черные дни. Остальное от Бога. Будьте добры, верьте, что все обрзается и, даст Бог, скоро увидимся. У нас совете слишком чиста, чтобы бояться, чего бы то ни было. Да благословят Вас Господь. Всегда Ваши, Н.Н.»* (Из последнего письма Николая Джонсона Наталье Сергеевне)

ПАСХА 1918 ГОДА

Пасхальные торжества, происходившие в Перми весной 1918 года, во многом определили трагическую развязку с пребыванием в ссылке Михаила Александровича. Очевидная любовь Михаила Александровича к церковным службам, на фоне желаний православного люда выразить сочувствие и «верноподданнические настроения» гонимому «Его Императорскому Высочеству», накопило атмосферу в Перми и крайне озлобило большевистские власти.

Пермский архив сохранил донесения того времени большевистским властям города обо все возрастающей популярности Великого Князя среди жителей Перми. «...В городе стали распространяться слухи, главным образом среди мещан, буржуазии и солдат... о том, что не худо бы вновь на престол пригласить Михаила. Стали всячески говорить о его полководческом искусстве и тесных связях с буржуазией. Было ясно, что буржуазия готовится встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила стало невозможно...»¹²¹

О том же свидетельствовали и дипломатические донесения, отмечавшие необычайную «популярность Михаила и историю о том, как жители Перми засыпали Михаила пасхальными подарками».¹²²

«Население города Перми, как мне удалось это заметить, пока я там был, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принужден был ходить преимущественно по вечерам: иначе его окружал народ и открыто выражал ему свое сочувствие. Провизией его затаскивали: почти каждый день у него в намере была в банке свежая стерлядь. Великий Князь с прислугой занимал в Королевских номерах четыре номера».¹²³

9 мая 1918 года состоялся торжественный общегородской Крестный ход во главе с правящим архиереем, архиепископом Пермским Андроником (Никольским). В этом величественном шествии участвовали многие тысячи людей. Развевались многочисленные хоругви, всем народом пелись пасхальные ирмосы, священники призывали к объединению верующих у Креста распятого Христа. В Крестном ходе принял участие и Михаил Александрович со своим окружением. Это было подлинное торжество Православия. Архиепископ Андроник, напутствуя расходящиеся по своим храмам приходские крестные ходы, говорил, что «враги христианства восстали на Церковь Христову, а именно в Церкви – все наши устои, сохраняющие от развала и уничтожения нашу нацию».

¹²¹ Пермский Госархив новейшей истории и общественно-политических движений. Ф. 90. Оп. 2. Д. Г-19. Л. 52-53.

¹²² Из донесения немецкого дипломата в Берлин от 15.06.1918 года. Государственный архив, Лондон. PRO/GFM 6/139 A29471.

¹²³ Из протокола допроса Р. М. Нахманна, почетного гражданина г. Чита. «1919 года, декабря 12 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколов в г. Чита допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля».

Петропавловский собор
Перми. «В 5.30 Наташа,
Джонсон и я отправились
в Петропавловский собор,
где служил пасхальную
вечерню архиепископ
Андроник – служил он
очень хорошо».

Священномученик
Андроник (Никольский),
архиепископ Пермский →

Дневник Михаила Александровича свидетельствует об участии Великого Князя с супругой (Наталья Сергеевна приезжала к мужу в Пермь) в этом Крестном ходе. Однако, понимая, что всякое неверно произнесенное слово, искренняя фраза в дневнике будут истолкованы против него, Михаил подчеркнуто сдержан, и пишет сознательно сухо и скупое, справедливо полагая, что его недруги, скорее всего, прочтут эти строки. Так что, тот грандиозный Крестный Ход, и хождение Великого князя с народом 9 мая в дневнике отражено как: «днем прошли по Торговой, Монастырской, и обратно вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть».

На следующий день, вечером 10 мая, владыка Андроник служил Пас-

хношения Великому
Князю от населения.
Фото ЦДЛФФд СПб

хальную вечерню. Служба эта была завершена проповедью, которая явилась примером бесстрашия и твердости духа. В этих словах звучит исповедание веры и готовность следовать за Христом вплоть до венца священномученика: «*Враги Церкви посягают на церковное имущество, собранное в течение веков верующим народом, и потому я, преемственно получивший власть, данную Христом апостолам “взять и решать грехи людские”, отлучаю от Церкви посягающих на храм Господень, доколе они не исправятся*». Далее Владыка бесстрашно сказал, что если ему и смерть придется принять, то он готов умереть. Эта проповедь явилась ответом архиерея на так называемый декрет о национализации церковного имущества, осуществление которого вылилось в грабежи церквей.

Великий Князь упоминает эту службу в своем дневнике: «*В 5.30 Наташа, Джонсон и я отправились в Петропавловский собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник*». Далее, не имея возможности выразить в строках дневника свою искреннюю поддержку мужественному архипастырю, Михаил Александрович, тем не менее, замечает: «*Служит он очень хорошо*». Безусловно, Михаил Александрович общался с Владыкой, пребывая с ним в полном единомыслии и любви, но все это остается за скупыми строками дневника.

Михаил Александрович в Перми встречается с особо доверенными людьми Владыки: «*11 мая. Днем Наташа, Джонсон и я пешком пошли к архимандриту Матвею (ректору Семинарии)*». Архимандрит Матфей – близкий друг и единомышленник владыки Андроника. Он будет расстрелян вскоре после мученической кончины своего архипастыря.

Понимая, что эта запись в дневнике – компромат, Михаил Александрович поясняет: «*Мы смотрели его квартиру, так как все ищем, куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой – он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой*». Эти хождения пешком неизменно выявляли необычайную «популярность Михаила» в народе и породили многочисленные «истории о том, как жители Перми выражали ему любовь и сочувствие».¹²⁴

Вечером 24 мая архиепископ Андроник напишет Патриарху Тихону: «*Что-то ужасное назревает всюду и у нас. Я пока на свободе, но, вероятно, скоро буду арестован. Признаки полной анархии. На случай ареста оставляю распоряжение о закрытии всех градо-Пермских церквей. Пусть считают с самим народом*». И далее Владыка информирует Святейшего: «*Н. А. Р. [Николай Александрович Романов. – И. М.] в Екатеринбург. М. А. Р. [Михаил Александрович Романов. – И. М.] здесь на свободе. Да хранит Вас Бог*».

124 Из донесения немецкого дипломата в Берлин от 15.06.1918 года. Государственный архив, Лондон. PRO/GFM 6/139 A2947.1.

ЗАГОВОР

анее мы давали портрет Г. И. Мясникова, одного из инициаторов убийства Великого Князя. Не менее примечательны биографии и иных «героев революции», профессиональных бандитов, составивших этот заговор. Первым с инициативой тайного похищения и убийства Князя выступил начальник пермской милиции В. А. Иванченко.

Василий Алексеевич Иванченко родился в 1874 году в семье высланного в Пермскую губернию контрабандиста. Какое-то время работал на Мотовилихинском заводе. В 1902 году вступил в РСДРП и вскоре стал террористом-боевиком. В 1907 году параллельно вступил в шайку грабителей-налетчиков, называвших себя «лесные братья». За разбой был арестован и приговорен к пяти годам заключения и двум годам ссылки. Но в 1918 году стал членом исполкома Мотовилихинского совдепа, комиссаром Перми и начальником городской милиции (!).

Своей идеей Иванченко поделился с Г. И. Мясниковым, который поддержал его с большим воодушевлением. *«Думаю, если все сойдет гладко, – размышлял председатель Мотовилихинского райкома партии Мясников,¹²⁵ – то это послужит сигналом к уничтожению всех Романовых, которые еще живы и находятся в руках Советской власти»*. В эти планы было решено посвятить еще одного «надежного товарища» – Н. В. Жужгова.

Николай Васильевич Жужгов родился в 1877 году в Пермской губернии в семье мотовилихинского рабочего. Начиная работать на Мотовилихинском заводе. Во время революционных беспорядков 1905 года стал боевиком-террористом. Позже также вошел в бандитскую шайку «лесных братьев». В 1906 году во время пьяного застолья затеял драку, которая переросла в перестрелку, и был ранен. В больнице во время допроса Василий выдал своих подельников, в том числе и стрелявшего, который был арестован и приговорен к повешению. Сам же Жужгов стал осведомителем полиции. За совершенные во время пребывания в шайке многочисленные преступления отбывал наказание в Амурской губернии. Ну а в 1918 году он стал помощником начальника милиции Мотовилихи и членом Пермской губчека.

В первых числах июня 1918 года план убийства был продуман в деталях. Накануне злодеяния на совещании в мотовилихинской милиции к заговору были подключены еще несколько человек, поскольку не было уверенности, что удастся легко справиться с Великим Князем и его другом Джонсоном.

¹²⁵ Г. И. Мясников в 1921 году оказался в оппозиции к Ленину, был исключен из партии. В 1923 году арестован, бежал во Францию. Работал в Париже шофером. После Второй Мировой войны вернулся в советскую Россию и был расстрелян.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

«Пермь. 4/17 мая. Отъезд Наташи был решен вчера вечером, – очень грустно опять оставаться одним. Сибирский экспресс запоздал примерно на 36 часов. Наташа получила место в маленьком купе международного вагона. Поезд отошел в 12 часов 10 минут. С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по-другому, и комнаты стали другими».

Надо сказать, что после прошедших пасхальных дней Светлой седмицы Михаил стал уклоняться от упомянутых «публичных» перемещений по городу. Маршрут его прогулок все чаще проходит по безлюдным местам: «перехали через реку, пошли к полигону, затем левой стороной полигона вглубь леса до проселочной дороги, по дороге влево лесом, затем вырубкой вышли к Каме...»

Когда верующие «узнали о местах пребывания Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего “помазаника божия”», – так докладывали о ситуации вокруг Великого Князя осведомители ВЧКа.

В разлуке с женой Великий Князь очевидным образом сильно тосковал. Он почти каждый день писал Наталье Сергеевне письма, просил привезти ее фотографии. Ей отправил свою, сделанную на Сенном рынке в Перми, – с бородой, не брился со дня отъезда из Гатчины. Фотография эта стала последней.

За несколько дней до своей гибели Михаил Александрович вновь заболел – наступило обострение давнего недуга.

Последнее фото
Михаила Александровича
и Николая Джонсона
в Перми.

*Фото: Ivasoni Collection of Leeds
Russian Archive (I.RA)*

Подпись на обратной
стороне фотографии.
«9 апреля 1918 года –
Пермь. Мы съелись
во время прогулки
по городу, на сенном
рынке, где толкучка.
Фотография была
проявлена в 10 минут.
Я не брился со дня
отъезда из Гатчины
22 февраля / 7 марта» →

«24/6 июня. Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше».

«После 12 часов дня я больше не ел, так как боли у меня все продолжают».

«Провел целый день в постели у окна и продолжал ничего не есть со вчерашнего дня, т. е. даже ни капли молока. Боли по временам все-таки появлялись».

«29/11 июня, вторник. За целый день выпил стакана полтора молока пополам с водой, больше ничего. Сегодня были боли послабее и менее продолжительные... Потом я писал Наташе в Гатчину».

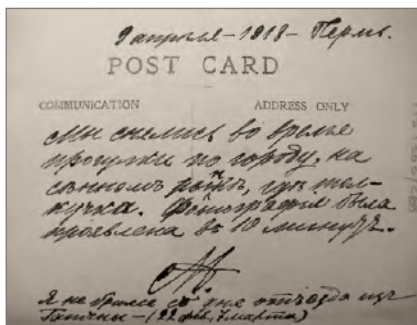
Это последние строки дневника, который по давней традиции обязательно вел каждый член семьи Романовых.

Упомянутое последнее письмо, отправленное «Наташе в Гатчину», заканчивалось словами: «Дай Бог нам скоро снова быть вместе...»

Переписка Великого Князя того времени сдержана и в ней много недоговоренного. Письма часто вскрывают. Михаил не желает, чтобы грязные руки и похотливые глаза новых властителей страны касались его внутреннего мира.

Наталя всегда берегла его письма, присланные с фронта, и особенно одно, написанное в августе 1916 года: «Я только что был у Всенощной, церковь была пуста, вечерние солнечные лучи наполняли храм, и я мысленно переносился в Гатчину, в мою любимую дворцовую церковь, где мы столько раз молились вместе... Никогда не забуду, как мы в 1908 году впервые были вместе у Всенощной в деревянной церкви, которой больше нет. Мы тогда стояли рядом, и было так отраднo на душе...»

Моя Наташа, моя нежная, мой Ангел ненаглядный, меняетущает только одно – это моя любовь к тебе, которая по-прежнему заполняет все мое существо. Если бы ты знала, как я изнываю, тоскую и таю без тебя!»

ЗЛОДЕЯНИЕ

ночь с 12 на 13 июня восемь человек заговорщиков ворвались в гостиницу и потребовали от Великого Князя следовать за ними, объясняя свои действия необходимостью срочной эвакуации. Секретарю Князя, Николаю Джонсону, было предложено остаться, но тот категорически отказался покинуть Великого Князя.

Воспоминания убийц Великого Князя, как и все подобные свидетельства духовной низости и морального убожества участников, изобилуют путаной ложью, восхвалением собственного «героизма» и особой личной роли в произошедшем беззаконии. Если суммировать свидетельства всех участников этого злодейского убийства, то дальнейшая картина могла быть следующей.

«Мы увезли их на Сибирский тракт. Сначала похищенные вели себя спокойно, но когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там, в особом вагоне мы их отправим дальше.

Доехали до керосиновых складов, что в пяти верстах от Мотовилихи. Отъехав еще версту от складов, повернули направо в лес... По дороге никого не встретили, была ночь.

Когда же отъехали еще сажень 100–120, Жужгов крикнул: “Вылезай!” Я быстро выскочил первым и потребовал, чтобы мой седок Джонсон тоже вышел. И только он стал выходить из фазтона, я выстрелил ему в висок, и он, качаясь, упал. Колпащиков тоже выстрелил в Джонсона, но патрон у него застрял в браунинге.

Жужгов в это время хотел сделать то же самое и с Великим Князем, но только ранил Михаила Романова, и потом у него сделалась осечка, и он стрелять больше не мог. В это время Великий Князь поднял его за шиворот и повалил под себя. Жужгов “барахтался” под Великим Князем, когда я (Марков) выстрелил в Князя. Лишь после этого Жужгов сумел освободиться. После этого дважды раненый Михаил Романов направился ко мне, прося дать ему помолиться и проститься со своим раненым секретарем. В ответ Жужгов сразу хотел выстрелить, но у него совсем застрял карабин нагана (пули были самодельные). И тогда я на довольно близком расстоянии (около сажени) сделал второй выстрел в голову Михаила Романова, от чего он свалился тотчас же. Потом уже еще двое из наших стреляли в него и секретаря.

Палачи Великого Князя.
Фото сделано после
убийства на память об
этом злодеянии.
Затем наступила очередь
архиепископа Пермского
Андроника

Это было ночью 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарывать трупы нам нельзя было, так как светало быстро и место было недалеко от дороги. Мы забрали с убитых одежду и вещи и оттащили их обеих вместе в сторону от дороги, завалив прутьями. После чего все уехали в Мотовицху».

Палачи хвастались друг перед другом тем, что им досталось от убитых. Среди окровавленной одежды и прочих вещей упоминалось и кольцо, снятое с пальца Великого Князя.

«Золотые кольца с широким стальным ободом снаружи» – подобные кольца, сделанные из стали, чугуна, железа, все офицеры носили с XIX века. На золотой подкладке гравировались имя и фамилия офицера. Такое кольцо выполняло предназначение жетона, по которому можно было опознать погибшего. Неблагодарные металлы использовались для того, чтобы мародеры не снимали его с трупа. Но, как видим, у этих «товарищей» не было никаких моральных ограничений. Все в строгом соответствии с указанием вождя: «нравственно, то, что выгодно пролетариату» (В. И. Ленин).

«Зарывать тела ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером Новоселовым. 13 июня 1918 года в 10 часов утра они прибыли на место расстрела, где выкопали по обыкновенению могилу, в которой и зарыли Михаила Романова и его верноподданного Джонсона.

Когда мы закончили, я (Новоселов) на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал четыре буквы: ВКМР, что обозначало, что здесь расстрелян Великий Князь Михаил Романов».

Так наступило 13 июня – праздник Вознесения Господня 1918 года.

ВЛАДЫКА АНДРОНИК

окончив с Великим Князем, палачи теперь спланировали убийство и архиепископа Андроника. При помощи полутора тысяч красноармейцев владыка Андроник был отбит у верующих города Перми и арестован. 6/19 июня 1918 года состоялся допрос архипастыря. Он молча занял одно из кресел возле письменного стола и долго не отвечал ни на один вопрос. Затем снял панагию, завернул ее в большой шелковый лиловый платок, положил перед собой на письменный стол и, обращаясь к следователям, сказал: «Мы враги открытые, примирения между нами быть не может. Если бы я не был архипастырем, и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем». Сказав это, он неспешно развернул платок, надел панагию, спокойно поправил ее на груди и, весь погрузившись в молитву, не проронил более ни слова.

Палачи отвезли исповедника в лес по Сибирскому тракту в ночь на 7/20 июня и заставили вырыть себе могилу, грозя закопать его живым. Закончив работу, Владыка минут десять помолился, поклонился на четыре стороны света и лег в свое последнее пристанище. Его тут же начали закапывать заживо, но священномученику будто не подавал признаков жизни. Тогда несколькими выстрелами чекисты закончили свое злодеяние.

Незадолго перед арестом архиепископа один священник обратился к нему с просьбой о вразумлении: *«Как спасти паству от губящих ее волков и самому не впасть в уныние от озверения, наступившего в народе, и предстоящего поругания святых?»*

Владыка ответил: *«Поверьте, отец, все это безбожие и разбой есть вражеское наваждение, скверный налет на русскую добрую и богобоязненную душу. За клятвенное преступничество отнял Бог у народа разум и волю, пока не раскаются... а когда раскаются, то сначала постепенно, а потом целиком прозрят все духовно, почувствуют и силу, и, как Илья Муромец – сбросят тот ужас, который окутал страну нашу. Вот и будем своим твердым, ясным, уверенным словом раскрывать людям правильное отношение к жизни и прежде всего к покаянию, после которого все от Бога нам возвратится с лихвою... Может быть, меня на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Простите и молитесь о призывающем Божие благословение грешному архиепископе Андронике».*¹²⁶

Священномученик Андроник, архиепископ Пермский: «Мы враги открытые, примирения между нами быть не может...». Палачами ВЧКА Владыка был живым зарыт в землю

¹²⁶ Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Тверь, 2004. Кн. 2. С. 452.

ИЗВЕСТИЕ

Гатчине уже был взят билет и сложен чемодан для новой поездки Натальи Сергеевны в Пермь, когда 13 июня утром принесли телеграмму от П. Л. Знамеровского: *«Наш общий друг и Джонни уехали. Назначение неизвестно»*. Это единственное, что успели сообщить друзья Князя из Перми. После чего все окружение Великого Князя и все хоть как-то с ним связанные люди были арестованы как «пособники побега».

Наталья Сергеевна срочно приехала в Петроград, где добилась встречи с председателем Петроградской ЧК Урицким. В результате этого разговора Моисей Соломонович распорядился арестовать Брасову *«как пособницу побега князя»*.

В тюрьме на улице Гороховой, д. 2 Наталью Сергеевну продержали два с половиной месяца. Наконец, с помощью сочувствующего врача, поставившего ей диагноз туберкулез, ей удалось добиться перевода в тюремную больницу Петрограда. Эту частную клинику содержал известный петербургский врач, доктор медицины Иосиф Леонтьевич (Лейбович) Герзони.

Именно в эти дни, 30 августа, был убит упомянутый председатель ЧК Урицкий, а также состоялось покушение на Ленина. Наступило страшное время неограниченного «красного террора», и судьба графини Брасовой была предreshена.

Наталья Сергеевна чудесным образом спасло доброе отношение и симпатии к ней со стороны российской творческой интеллигенции. В воспоминаниях врача и общественного деятеля И. И. Манухина (1882–1958) есть такой эпизод: *«Как-то раз, когда я пришел к Горькому, тот неожиданно сказал мне: “Положение Натальи Сергеевны Брасовой очень серьезно. Она сейчас находится в лечебнице Герзони, но ее хотят арестовать, может быть, даже сегодня. К ней ходить опасно...”* Через два дня при очередном нашем свидании Алексей Максимович обмолвился: *“Как я вам и сказал, за Брасовой пришли в ту же ночь, но у Герзони ее не оказалось...”* – и прибавил с многозначительной улыбкой: *«кто-то ее предупредил»*.

В одежде сестры милосердия Брасова добралась из Петрограда в Киев, а затем в Одессу. Чудом ей удалось провезти некоторые свои драгоценности, искусно запрятанные в самые невинные на вид вещи.

На английском эсминце «Нереида» Наталья Сергеевна вместе с дочерью отплыла из Одессы в Константинополь. Здесь собралось множество беженцев из России.

В одежде сестры милосердия Брасова добралась из Петрограда в Киев, а затем в Одессу

Наталья Сергеевна
с дочерью Натальей
на борту английского
эсминца «Нереида» вместе
с княгиней А. Г. Вяземской
фото: Brasovs Collection of Leeds
Russian Archive (LRA)

Каждого встречного Брасова одолевала расспросами о Михаиле, но никто ничего конкретного не знал. Далее вновь на английском броненосце «Агамемнон» и другими судами Наталья Сергеевна с детьми через Мальту добралась до Англии.

В Лондоне она каждый день ожидала реальных подтверждений многочисленным слухам о том, что Великий Князь жив. Затем, перебравшись в Париж, она так же напряженно ждала хоть какой-нибудь информации. Но, увы, шли годы, но добрых известий так и не пришло...

О судьбе Михаила Александровича Наталья Сергеевна узнала лишь в 1934 году, когда ей привезли вышедшую в СССР еще в 1926 году книгу П. Быкова «Последние дни Романовых». Автор, бывший в 1918 году председателем Екатеринбургского Совета, рассказывал, что Великий Князь и Джонсон были расстреляны в лесу в шести верстах от рабочего поселка Мотовилиха «по требованию пермских рабочих».

АРЕСТЫ

осле упомянутого покушения на Ленина осенью 1918 года большевистским правительством было принято обращение ВЦИК от 2 сентября, объявившее массовый красный террор против всех «врагов революции». Несмотря на то, что евреи и эсеры Леонид Иоакимович Каннегисер, убивший Урицкого, и Фаня Ефимовна Каплан, стрелявшая в Ленина, вряд ли были движимы любовью к монархическому режиму, тем не менее, двумя «расстрельными» декретами была преддана судьба всех людей, так или иначе связанных с Домом Романовых или являвшихся их прислугой. По местам их нынешнего пребывания Председателем ВЦИК Я. Свердловым были разосланы телеграммы, разрешающие местным ЧК «поступать по своему усмотрению согласно обстоятельствам».

Сразу после этого 9 октября 1918 года в Перми были расстреляны арестованные еще в июне, после убийства Михаила Александровича, его верные друзья и слуги: *«Знамеровский Петр Людвигович, бывший жандармский полковник,¹²⁷ его жена Знамеровская Вера Михайловна, камердинер Чельшев Василий Федорович, шофер Борунов Петр Яковлевич, Смирнов Сергей Николаевич, секретарь и управляющий делами княгини Елены, дочери короля Сербии, служащая Петроградской центральной электрической станции Лебедева Серафима Семеновна и некто Мальцев»*.

Это те имена, что удалось установить, однако, надо полагать, что людей, верных Михаилу расстреляно было больше. Упомянувшийся нами ранее председатель Мотовилихинского райкома партии Гаврила Мясников в своих воспоминаниях делится следующими рассуждениями: *«Но что я буду делать с теми двенадцатью – двенадцатью апостолами», что охраняют Михаила? Ничего не буду делать. Михаил бежал. ЧК их арестует и за содействие побегу расстреляет»*. Далее он уточняет, что в итоге придется расстрелять семнадцать человек, преданных Михаилу: *«Выходит ведь 17 человек. Многовато. Но иначе не выйдет. Революция это вам не бал, не развлечение»*.

Конечно же, и в Петрограде начались поголовные аресты. Степана Никитича также арестовали как пособника «царского режима» и «одного из романовской прислуги». Его не было целую неделю, и выяснить, где он и что с ним, было невозможно. Именно в эти дни у его жены Марии Федоровны (моей прабабушки) от тяжелых переживаний открылась язва желудка, с которой она потом мучилась всю жизнь и от которой и скончалась в 1939 году. Степана Никитича отпустили лишь после активного ходатайства

¹²⁷ Друг Великого Князя, начальник жандармского отделения Балтийской железной дороги полковник П. Л. Знамеровский, 1872 г. р. Окончил в 1894 году Тверское кавалерийское училище (1-й разряд, 27-й драгунский Киевский полк).

В Смольном на заседании Совета Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. 1918 год. Именно отсюда исходили все указания по физическому уничтожению династии Романовых и всех тех, кто как-то был с ними связан

всех домовых и прочих комитетов Галерной улицы, доказавших, что он «наш, из рабочих и крестьян». Степан Никитич никогда не рассказывал, что довелось ему пережить. Сказал только, что вопрос один был: «зачем князю служил?» И еще сказал, что на Гороховой, в том подвале, где он находился, люди все время стояли, поскольку были так плотно стиснуты из-за большого количества арестованных, что стоя умирали. *«На ноги отца смотреть было страшно – так они распухли от того стояния»*, – позже вспоминала наша бабушка.

Конечно же, по логике событий того страшного времени, Степан Никитич непременно должен был быть расстрелян. Однако Царица Небесная благословила раба Божьего Степана продолжать нести послушание хранителя Иконы, и потому он оставался живым и на свободе.

Октябрь 1917. Степан Никитич во время большевистского переворота.

В Лондоне.
В ожидании известий

Князю Георгию
восемнадцать лет. 1928 год
(снизу)

ПОСЛЕДНИЕ КРОХИ СЧАСТЬЯ

1927 года Наталья Сергеевна «выехала из слишком дорогой Англии» во Францию. В Париже ей повезло. Один из друзей Великого Князя был владельцем дома на улице Берлиоза (Рю-Берлиоз, 9) и за очень умеренную плату предоставил в распоряжение Брасовой целый первый этаж.

В это время сын Георгий закончил учебу в Англии, в школе Хэрроу (Harrow School), знаменитом закрытом учебном заведении, основанном в 1572 году для детей английской элиты.

Наталья Сергеевна в полной мере отдавалась решению главной задачи своей жизни – обучению и воспитанию последнего наследника престола. Сын Георгий должен был безукоризненно соответствовать этому высокому статусу. После того, как в 1928 году глава Российского Императорского Дома в эмиграции Кирилл Владимирович,¹²⁸ удостоил семейство Брасовых княжеских титулов, Наталья Сергеевна твердо настаивала на том, чтобы окружающие, включая даже близких друзей, не забывали именовать Георгия князем.

¹²⁸ В 1924 году Великий Князь Кирилл Владимирович (двоюродный брат Николая II) провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I.

Надо сказать, Георгий («Джорджи») характером в полной мере пошел в отца и точно так же крайне тяготился почестями и церемониями. Больше всего на свете он любил технику, мотоциклы, автомобили и быструю езду. *«Георгий был невероятно похож на своего отца и обликом и тембрам голоса и даже походкой».*¹²⁹

Годы были благосклонны к Наталье Сергеевне, и к своим пятидесяти годам она выглядела явно моложе на те восемь лет которые неизменно отнимала во всех официальных документах. Наталья Сергеевна по-прежнему излучала свое знаменитое обаяние и привлекательность, но при этом была строга и целомудренна, всегда оставаясь на высоте достоинства вдовы последнего императора.

В Париже Брасова чувствовала себя одинокой, ее сторонились, побаиваясь ее независимых суждений и прямых высказываний. Наталью Сергеевну считали «сугубой моралисткой», ибо она не допускала снисхождения к тем, кто отходил от норм христианской морали, приспосабливался к сомнительной нравственности западной жизни, изменяя прежнему своему достоинству и традициям.

В октябре 1928 года в Дании умерла бывшая российская государыня императрица Мария Федоровна. В своей «Духовной» она не забыла о внуке Георгии и завещала ему некоторую сумму денег.¹³⁰ Этих средств хватило на то, чтобы осуществить давнюю мечту Георгия – купить автомобиль. Выбор пал на «Крайслер 77» последней модели Roadster, разработанной американским концерном в 1929 году.

С сыном Георгием

Князь Георгий со своим воспитателем полковником Павловым. Схожесть Георгия со своим отцом очевидна

¹²⁹ Из воспоминаний дочери Натальи Сергеевны от первого брака Натальи Мажольер (Таты). Цит. по: Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 575.

¹³⁰ Хотя многие полагают, что «по завещанию, за исключением небольшого пособия прибывшим с нею из России слугам, все свое имущество (включая и драгоценности) императрица завещала дочерям. При этом доли как Ксении, так и Ольги определялись одинаковые».

Благовещенский собор построен по проекту архитектора Константина Тона для Лейб-гвардии Конного полка в 1844—1849 годах.

На стенах храма висели бронзовые доски с именами павших в боях под Аустерлицем и Бородино офицеров, полковые знамена, георгиевские штандарты. В склепе храма существовал некрополь

НАШИ ЦЕРКВИ

Протоиерей Николай Комарецкий, настоятель взорванной большевиками Благовещенской церкви в последние годы его жизни

Еде-то в это время, в 1928 году, к нам домой во флигель на Галерной улице пришли священники Благовещенской церкви во главе с отцом Николаем Комарецким. Пришли они опечаленные и, как оказалось, принесли нам обратно Казанскую-Романовскую икону со словами, что, судя по всему, вновь время гонений наступает. *«Церковь нашу Благовещенскую закрывают и взорвать собираются, мол, мешает она трамвайному движению. Так что лучше храни, Степан Никитич, эту святыню у себя»* – завершил отец Николай, – до тех пор, пока не наступит *«лето Господне, благоприятное»*. Это благословение прадед Степан принял, как «пред Лицем Божиим», и до смерти оставался верным хранителем этой святыни.

Икону разместили на кухне в углу и задернули занавесочкой, чтобы не привлекать чужих взглядов богатым серебряным окладом. Там она и сберегалась неизменно ровно тридцать лет с 1928 по 1958 год.

Церковь же Благовещения Пресвятой Богородицы Лейб-гвардии Конного четвертого гвардейского полка действительно вскоре взорвали одной из первых в Питере. Это было в 1929 году. Ныне это святое место называется площадью Труда.

ПОСЛЕДНИЙ СЫН ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

Вскоре после гибели этого храма рядом с дворцом в Ленинграде в жизни Натальи Сергеевны произошла последняя и окончательная катастрофа – в пригороде под Парижем погиб ее единственный сын Георгий. Они жили в Париже на улице Коперника. Только что, закончив последние экзамены в Сорбонне, Георгий с другом отпросился у матери поехать на машине на юг Франции. Этот упомянутый ранее автомобиль «Крайслер» был подарком сыну по случаю успешного завершения учебы.

И вот вскоре после отъезда сообщили, что у автомобиля «отказали тормоза». Друг Георгия погиб на месте, а он сам в тяжелом состоянии был привезен в больницу городка Сан (Sens). Через несколько часов сын последнего императора скончался, не приходя в сознание, на руках у матери. Это произошло 21 июля 1931 года, в день Казанской иконы Божией Матери. В этот день Господь забрал единственного сына последнего императора России.¹³¹

Мы помним, что в свое время живший в пермской ссылке Михаил Александрович беспокоил большевистских вождей, несомненно, больше, чем Николай II. Это был реальный император, с реальным авторитетом в войсках. Потому «Михаил II» должен был быть уничтожен как можно скорее.

Но «творцы светлого будущего» не забыли и о реальном наследнике престола – сыне императора, Георгии. Тем более что «некоторые члены белоземгрантской колонии в Париже стали упоминать князя Георгия в качестве «истинного наследника» императорского трона».¹³² Подобные же спецоперации НКВД за рубежом в 30-е годы были излюбленной грязной работой сталинских «органов».¹³³ В первых срочных сообщениях и газетных заметках с места трагедии такие предположения еще открыто высказывались, но впоследствии, как по команде, прекратились. Франция не желала сориться с СССР из-за каких-то там русских эмигрантов. Близились грозные события 1939 года.

Наталья Сергеевна, потеряв сына, вся поседела, но окружающим казалось, что эту катастрофу она «встретила с поразительным мужеством – эта была та добродетель, в которой она никогда не знала недостатка».¹³⁴

¹³¹ 8/21 июля – Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани (1579 г.). Этот день и 4 ноября – дни празднования Пловчанской Казанской иконы.

¹³² Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 575.

¹³³ «Некоторые эмигранты считали, что катастрофа организована ОГПУ. См., например, журнал «Возрождение», № 3, 1993» (Дьякова А. В. Царская дружба. СПб., 2008. С. 414).

¹³⁴ Из воспоминаний дочери Натальи Сергеевны от первого брака Натальи Мажольер (Таты). Цит. по: Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 576.

СПАС-НА-ВОДАХ

В 1932 году взорвали церковь Спаса-на-Водах,¹³⁵ стоявшую на углу Адмиралтейских верфей, там, где Ново-Адмиралтейский канал впадает в Неву. Мама рассказывала, как она (ей тогда шел пятый год) с прочей малышкой Красной улицы бегала туда, к «Судомеху» (так тогда называли Адмиралтейский завод), собирать после взрыва разноцветную смальту иконной мозаики. Еще ребята любили рассматривать под водой неглубокого Адмиралтейского канала большие фрагменты икон из разноцветной смальты, и там на них «со дна смотрел Бог, но потом Его не стало».¹³⁶

Во внутреннем убранстве Спаса-на-Водах действительно было много мозаичных изображений, сделанных по эскизам русского художника Николая Бруни, а также бесчисленные памятные доски с золочеными именами погибших на море моряков, чаще всего целыми экипажами. Очень многих из упомянутых здесь моряков Степан Никитич хорошо знал лично и частенько хаживал сюда помолиться и помянуть почивших героев. В церкви, где завесой Царских Врат служил Андреевский флаг, постоянно служили заупокойные службы по погибшим на море, а корабли, выходя из Невы, на траверзе церкви приспускали флаг и давали скорбный гудок.

Все это было нестерпимо силам тьмы, и в 1917 году началась череда запретов на служение в этой церкви, ее неоднократно закрывали и опечатывали, изымали, а то и просто разворовывали ценности, уникальную утварь и предметы убранства, арестовывали священников.

Последним стойким настоятелем храма был протонерей Владимир Рыбаков, известный ученый-богослов с мировым именем, которому неоднократно предлагали покинуть Россию. Степан Никитич был с ним лично знаком, и кроме того, что семья Рыбаковых жила рядом, на Английской набережной, их объединяла и память о Романовых. Во время войны отец Владимир служил старшим священником Генерального штаба и находился в Ставке, где на службах регулярно присутствовал император Николай. Он скончался от побоев в тюрьме на Литейном при очередном аресте в 1934 году.

Степан Никитич провожал почившего протонерея-мученика от Никольского кафедрального собора до Смоленского кладбища. Отец Владимир ненадолго пережил свой храм-мученик, что весьма характерно. Настоящий священник особым образом сродняется со своим храмом, и «убийство» храма убивает его самого. Вспомним протонерея Николая Комарецкого, настоятеля Благовещенской церкви, который стал бо-

¹³⁵ Храм «Спас-на-Водах» был построен в 1911 году в память о пяти тысячах моряков, погибших в Цусимском сражении. Белокаменный храм стоял в конце Английской набережной, недалеко от верфей, где рождались корабли Русского флота. Со временем храм стал памятником всем военным морякам, погибшим в море за Россию.

¹³⁶ В 1995 году в подвалах Государственного Русского музея был обнаружен вырванный взрывом фрагмент заалтарного мозаичного изображения «Спаса, идущего по водам» с Лицом Христа Спасителя («обломок главной мозаики весом более тонны с оплечным изображением головы Христа»). Как свидетельствуют документы от 9 февраля 1933 года, громадный обломок главной мозаики был поднят со дна канала и привезен в музей ночью в сопровождении сотрудников НКВД.

¹³⁷ Скорее всего, мраморные доски были из соседней взорванной Благовещенской церкви, на стенах которой были увековечены имена погибших в сражениях 1812 года героев-конногвардейцев. Бронзовые доски с именами моряков из «Спаса-на-Водах» еще в 1918 году были реквизированы и отправлены на переплавку.

Последний настоятель
храма «Спаса-на-Водах»
протоиерей-мученик
Владимир Рыбаков

Храм памятник погибшим
российским морякам
«Спас-на-Водах»:
внутреннее убранство
и внешний вид →

лет сразу после взрыва своей церкви на Благовещенской площади и затем, недолго
послужив на подворье Коневецкого монастыря, скончался в 1931 году.

Мои домочадцы рассказывали, как скорбел и болел душой мой прадед Степан
Никитич, когда прогремели эти взрывы в 1929 и 1932 годах. Позже мама вспомина-
ла, что эти доски из церквей с именами героев раздали по мясным лавкам для раз-
делки мяса. Разделявали на тыльной стороне – буквы были внизу, и взрослые их не
видели, а малыши могли видеть и часто читали по слогам их золотые имена.¹³⁷

Степан Никитич и Мария
Федоровна с внуками.
Годовалая девочка, внучка
Тамара, – моя мама,
которая спустя тридцать
лет вернет икону Великого
Князя в церковь, в храм
Серафима Саровского

Мозаичный осколок,
уцелевший после взрыва.
Этот Лик Спаса ребятишки
Красной улицы любили
рассматривать под водой
неглубокого Адмиралтейс-
кого канала →

Митрополит Евлогий сопровождает гроб с телом погибшего князя Георгия после отпевания в крипте под Парижским собором. фото из парижского журнала «Иллюстрированная Россия» № 32 за 1931 год

ДОЛГ И МУЖЕСТВО

После гибели сына жизнь для Натальи Сергеевны потеряла смысл. Георгий был последней нитью, которая связывала ее с человеком, которого она так любила. Несмотря на страшный удар, она не показывала свое горе на людях. Но оставаясь наедине с редкими, особо близкими ей людьми, она была безутешна. *«Она плакала и плакала не преставая... Потом через какое-то время эти ужасные рыдания все же прекращались. Она выливая стакан чаю, глаза снова сухие, спина прямая, высоко поднятая голова, и уходила к себе, в свою пустую квартиру».*¹³⁸

¹³⁸ Grey, Pauline. The Grand Duke's Woman. London, 1976. P. C. 154. Цит. по: Кроуфорд, Михаил и Наталья. С. 577.

Знаменитый Собор
Александра Невского
в Париже на рю Дарю
(rue Daru), центр
духовного притяжения
русских эмигрантов.
Ныне принадлежит
Константинопольской
церкви →

На фото: вход в крипту –
в нижнюю Свято-
Троицкую церковь
в наше время (внизу)

Для Натальи Сергеевны еще с того давнего момента, когда Великий Князь Михаил Романов избрал ее в жены, целью жизненных усилий и наиважнейшей задачей стали необходимость в полной мере соответствовать высоте этого избранничества. Мы не должны забывать, что передача Николаем II престола своему брату Михаилу, состоящему в церковном браке с Натальей Брасовой, автоматически предполагала изменение и ее статуса. И она никогда не позволяла себе забывать о своем новом высоком положении, о своей принадлежности к монархической династии Романовых. И подчас она несла этот нелегкий крест и непростые обязанности более достойно и мужественно, чем иные наследники по крови. И в этом смысле необходимость хоть как-то сэкономить последние средства к существованию не возобладала над долгом организовать похороны на уровне, подобающем лицу царской крови.

Отпевали Георгия в знаменитом русском храме святого Александра Невского на рю Дарю. Таинство погребения возглавил экзарх Западноевропейского экзархата русских приходов митрополит Евлогий (Георгиевский). Многие сотни русских людей пришли попрощаться с безвременно почившим юношей, и офицеры в форме геройских полков Императорской армии воздавали последние почести наследнику престола.

После отпевания гроб был запаян в цинковую оболочку и по установившейся в эмигрантской среде традиции перенесен в крипту под собором. Таким образом в этой усыпальнице какое-то время хранились останки некоторых, наиболее выдающихся почивших на чужбине русских людей, поскольку их неизменная воля, по завещаниям, была похоронить их на Родине, когда минует жуткая власть большевизма.

СТРАХ

страх был неотъемлемым компонентом жизни нашей семьи после революции. Воспоминания о тех жутких днях в подвале на Гороховой не оставляли Степана Никитича. К тридцатым годам с наступлением «сталинской эпохи» окончательно изменилось его отношение к ценностям жизни в условиях наступившей советской действительности. Мечты о своем семейном деле, о достижении материального достатка и достойного общественного статуса были похоронены навсегда. При этом даже внешне из «управляющего дворца» он превратился в простого дедушку пенсионера.

В жутких 1937–1938-х годах НКВД вновь пошло по спискам всех тех, кто так или иначе был связан с Домом Романовых. Степану Никитичу было уже 65 лет. Но он понимал, что у князя тьмы нет срока давности, и приготовился вновь отвечать его приспешникам за свою «вину» – за верную службу «Богу, Царю и Отечеству».

Возраст и давность значения не имели, ибо борьба шла на духовном уровне. Так, например, в городе Орле жил некий старик Лясковский – известный орловский ученый краевед и литератор. Ему было уже 80 лет. Однако у него перед новой властью была страшная вина. В его доме на Борисоглебской улице (ныне улице Сакко и Ванцетти) в 1910–1911 годах квартировал Великий Князь Михаил Александрович в бытность свою командиром бригады Черниговского гусарского полка.

Так что вина была очевидной: *«Лясковского Валерия Николаевича, приближенного к царскому двору, обвиняемого в том, что он проводил контрреволюционную агитацию против политики партии и правительства, клеветал на ВКП(б) и Советскую власть, дискредитировал Сталинскую Конституцию – расстрелять...»*.

Он был расстрелян в Орле 14 января 1938 года. Могила его неизвестна.

Наша семья жила в постоянном и напряженном ожидании ареста. Степан Никитич и его жена Мария Федоровна постоянно молились перед Казанской иконой Божией Матери, взывая: «да минует меня чаша сия». И вселявшие ужас ночные «черные вороны» вновь и вновь проезжали мимо. Мария Федоровна в этом психологическом напряжении тяжело страдала от язвы желудка, открывшейся еще при первом аресте Степана Никитича в 1918 году. Вскоре язва эта обрела злокачественный характер, и в 1939 году моя прабабушка скончалась.

Мой прадед
Степан Никитич
и его жена
Мария Федоровна
в 1937 году

ГОНЕНИЕ НА Икону

осле 1917 года в Площанской пустыни, где началась история нашей иконы, была организована коммуна «Пчела». Монастырь был практически ликвидирован в 1921 году, но церковные службы все еще служились до 1924 года. В 1924 году губернские власти приступили к мероприятиям по разоблачению «обмана монастырских церковников» по почитанию могил монастырских старцев и чудотворной Площанской иконы.

Доклад о работе «разоблачительной» комиссии рассматривался на XI Брянской губернской конференции 18 ноября 1924 года. На митинге в клубе было вынесено постановление: *«Приветствовать представителей губкомиссии за вскрытие мощей и раскрытие всей жизни монастыря и просить членов комиссии окончательно ликвидировать монастырь...»*

К уголовной ответственности за обман народа при почитании чудотворной Площанской иконы был привлечен настоятель монастыря игумен Никодим (Спиридонов). В январе 1925 года ему было предъявлено обвинительное заключение: *«Бывшего игумена Площанского монастыря Никодима Спиридонова привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что, находясь в Площанском монастыре с детства и безотлучно с 1894 года по день закрытия его и зная цель легендарных слухов о... чудотворной иконе и проч. достопримечательностях монастыря, распространяемых как администрацией, так и монахами указанного монастыря, в бытность свою с 1915 года и до ноября 1924 года игуменом этого монастыря, с целью извлечения средств и разных выгод для монастыря, а также пользуясь суверием и религиозными предрассудками части окрестного крестьянского населения, разрешал совершать и сам совершал обманные действия... перед так называемой чудотворной иконой и прочими достопримечательностями монастыря, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 120 УК».* Игумен Никодим был приговорен к шестимесячному тюремному заключению. В те годы сроки были еще невелики.

Спустя семь лет, в 1932 году, тридцать площанских монахов, разошедшихся по окрестным деревням, были отысканы и арестованы ГПУ. Все насельники пустыни были репрессированы и получили сроки. Те же из них, кто дожил в заключении до осени 1937 года, были расстреляны в сталинских лагерях.

Возрождающаяся
Плоцанская пустынь
в наше время

В монастыре был разрушен величественный Казанский собор, уничтожена надвратная церковь Всех Святых, не пожалели и скромную церковь Покрова Божией Матери. По преданию, один из монахов при закрытии пустыни в 1924 году сумел спасти чудотворную Казанскую икону Божией Матери «Плоцанская». Умирая, он завещал вернуть икону обители, когда придет светлое время ее возрождения, однако ныне местонахождение этой первоначальной Плоцанской иконы не известно.

КЛАДБИЩЕ ПАССИ

Где-то вскоре после кончины князя Георгия на приходе церкви святого благоверного князя Александра Невского разразился скандал. Власти Парижа узнали про усыпальницу с цинковыми гробами, и потребовали немедленно захоронить останки, покоившиеся в крипте собора. Надо думать, что здесь не обошлось без «всемогущей руки Москвы». Ситуация с незахороненными останками «врагов советской власти» была представлена как демарш против СССР, ставший возможным при попустительстве Французского правительства.

Таким образом, перед Натальей Сергеевной встал вопрос о поиске места захоронения останков сына. И вновь она явила всем свой высокий статус хранительницы памяти Великого Князя и вызывающую восхищение твердую позицию в этом вопросе.

Наталья Сергеевна посчитала быстрым экономить на выборе места захоронения и все последние средства потратила на приобретение участка земли в месте, подобающем лицу царской крови. Речь шла о самом аристократическом кладбище Парижа – Пасси, в историческом центре города, у знаменитой площади Трокадеро.¹³⁹

Второй участок рядом с могилой сына Наталья Сергеевна оставила для себя. Если бы не эта проявленная тогда предусмотрительность, мы возможно, и не знали бы теперь, где, на каком неведомом кладбище для парижских нищих закончила свой земной путь вдова последнего императора России.

Первая панихида, отслуженная на могиле жены и сына Великого Князя на парижском кладбище Пасси с началом написания этой книги в 2008 году

¹³⁹ О том, какие средства были потрачены, говорит тот факт, что участки земли были выкуплены «в вечное пользование». Об этом не без удивления сообщили нам хранитель кладбища Пасси, по нашей просьбе выяснивший, кто является владельцем могил, то есть «кто платит аренду».

КАПИТАЛ СТЕПАНА НИКИТИЧА

началом войны Архитектурно-проектный институт, в котором работала моя бабушка с дедушкой, приступил к эвакуации из Ленинграда в город Киров (Вятку). Степан Никитич отказался уезжать с молодыми из Питера. Жена его Мария, как мы писали выше, скончалась перед войной, внук Николай (мой дядя) отпросился добровольцем на фронт, внучка Тамара (моя мама) была вывезена вместе со всеми детьми Ленинграда в среднюю полосу. Степан Никитич с домработницей остался в своем флигеле при иконе.

Когда я спрашивал, почему они все же не забрали с собой Степана Никитича, как могли оставить семидесятилетнего старика одного, без надежного пропитания, то бабушка отвечала, что отец ее был человек разумный и сам знал, как ему поступать. Теперь, анализируя ту ситуацию, я понимаю, что по своей глубокой вере Степан Пименов считал себя хранителем этой иконы Великого Князя, и потому принял решение остаться при вверенном ему духовном сокровище.

У моих домочадцев было и иное, более мирское (вслух почти никогда не высказываемое), объяснение спокойствия их отца в отношении отъезда всех детей и своего одиночества. Полагали, что Степан Никитич все же не все свои сбережения «потерял» в революцию.

Все помнили, что он собрал значительный капитал царскими золотыми червонцами, поскольку намеревался воплотить в жизнь свою давнюю мечту – открыть в Петербурге собственный магазин электротоваров. Магазин, где могли быть представлены лучшие достижения электротехники и где могла бы работать вся его семья. Когда же стало ясно, что революция разрушила все его планы, то на вопросы о судьбе накопленных им денег Степан Никитич неизменно и с готовностью показывал холщовую сумку-портмоне, полную царских бумажных ассигнаций, и пояснял с сокрушенным видом: *«Вот, надумили меня перед самой революцией поменять золотые червонцы на эти бумажки»*. Близкие, хорошо знавшие Степана Никитича, предположили, что это была лишь уловка, при которой он специально обменял на «бумажки» часть денег, дабы спасти от «экспроприации» все остальное.

Потому-то уезжавшая семья не слишком беспокоилась, как сможет прокормиться в их отсутствие Степан Никитич. И уж, конечно, никто не мог и предположить всего масштаба наступившей вскоре катастрофы и непомерного ужаса Ленинградской блокады.

«Капитал Степана Никитича». В этой холщовой сумке хранилось около пятнадцати тысяч рублей царскими ассигнациями

Палисадник во дворе
дворца

ВОЗВРАЩЕНИЕ

огда к концу войны, в 1944 году, семья вернулась из эвакуации в Ленинград, их квартира во флигеле дворца была занята чужими людьми, переселенными из «разбомбленного дома». О судьбе Степана Никитича они ничего не знали. Знакомый дворник говорил, что он в последний раз видел, как Степан Никитич куда-то ушел зимой и вроде как обратно уже не вернулся. Однако позже уцелевшие в блокаду соседи нехотя и не сразу, но поведали страшные подробности того зимнего кошмара 1941 года.

В ту блокадную ленинградскую зиму Степан Никитич оставался в большой квартире с внуком Колей и с домработницей. В январе 1942 года Колю взяли добровольцем на фронт, и дед остался с домработницей. Так вот, поговаривали, что она в тяжкий январь месяц скрылась, прихватив карточки деда. Хотя, может, и не так все было. Точно уже никто не мог ничего рассказать, так как очень мало свидетелей

осталось в живых. Но при этом смутно намекали, что, может, и его «похоронили», как и многих иных обитателей двора, прикопав прямо в нашем палисадничке под снегом, между клумбами и дворцовыми каменными вазами.

По весне, как снег сошел, выжившие блокадники стали готовиться сажать огороды, и покойников наших отнесли на Английскую набережную, да и спустили их прямо в Неву. Что ж поделаешь, Степан Никитич в душе всегда оставался моряком, так что и место упокоения выпало ему по морскому чину.

Семью, что в квартиру нашу самовольно заселилась, удалось все же отправить на их прежнее место жительства, поскольку дом их вовсе и не пострадал – они просто решили так жилищные условия улучшить. Выезжая, они увезли все вещи, даже телефон отрезали. Забрали абсолютно все – икону же тронуть не решились.

Наши на них не обижались, понимая, за эти годы люди просто уже привыкли к вещам и стали считать их своими. *«После всего пережитого и такого горя вокруг, – позже вспоминала бабушка, – заниматься дележкой каких-то там вещей казалось стыдно. Живы остались – и за то слава Богу».*

О судьбе Степана Никитича переживали молча. С одной стороны, чувствуя свою вину в том, что не настояли на отъезде, а с другой – недоумевая: почему он все же не воспользовался своим «золотым запасом». Может, и впрямь не было у него никаких червонцев?

Степан Никитич и с началом войны продолжал ходить в Николо-Богоявленский Морской кафедральный собор, где каждый вечер служил молебен святителю Николаю Чудотворцу митрополит Алексий (Симанский), также отказавшийся уехать из города.

И вот не так давно я нашел одно свидетельство, показавшееся мне очень важным. Сообщалось, что в блокаду *«в один из ленинградских храмов неизвестный богомалец принес пакет и положил его у иконы святителя Николая. В пакете оказалось 150 золотых червонцев – десятирублевых монет царской чеканки»*.¹⁴⁰

Может быть, так Господь открывает мне тайну голодной смерти моего прадеда?

Автор
на балконе дворца
в 1958 году

140 Цыпин Владислав, прот. Русская Православная Церковь в Великую Отечественную войну // Журнал Московской Патриархии. М., 2005. № 5. С. 69.

ПОСЛЕДНИЙ «ДВОРЕЦ»

Вдова Великого Князя
Светлейшая Княгиня
Наталья Сергеевна.
Фото: *Wladyslaw Collection of Lands*
Russian Archive (LARA)

Последний дворец.
Маленькая каморка в мансарде чердака этого дома на улице Месье – место последнего приютища Натальи Сергеевны.
Фото 2011 года →

141 В 1935 году Глава Императорского Дома Великий Князь Кирилл Владимирович даровал Наталье Сергеевне еще более значимый титул «Светлейшей Княгини Романовской-Брасовой».

142 Бьянски Энцо.
Лексикон внутренней жизни / Пер. с итал. Киев, 2010. С. 207.

озыбка дворца и госпожа моего прадеда княгиня Брасова¹⁴¹ пережила своего верного управляющего. Однако перенесенные потери и скорби, а затем война и немецкая оккупация Парижа сделали свое дело – средств к существованию у Натальи Сергеевны не стало вовсе. «Старость, порою повергая человека в крайнюю нищету, предоставляет ему возможность увидеть себя в свете истины, совлекая с него всяческую мишуру и все напускное».¹⁴²

«Я была потрясена ее тяжелым положением, – писала позже ее внучка Полина Грей (дочь Таты), приехавшая в 1946 году в Париж, дабы отыскать там свою бабушку. – Она ни на что не жаловалась, но я видела, что она голодает, и ее одежда, хотя чистая и хорошо выглаженная, сильно поношена. На ее бедных маленьких перчатках было больше штопки, чем самого материала». Бабушка Наталья ютилась в чердачном помещени- мансарде многоквартирного дома на левом берегу Сены. Хозяйка, некая «мадам Анненкова», не брала с графини денег, поскольку их просто не было, но при этом явно «получала удовольствие, издевательски обращаясь с ней и грубая ей всеми возможными способами». Наталья Сергеевна к этому времени обрела удивительное внутреннее спокойствие и душевную тишину и переносила эти последние, завершающие скорбные обстоятельства жизни с истинным смирением и мудростью.

РЕШЕНИЕ

В 1959 году наша семья переехала на новую ленинградскую квартиру в район Черной Речки. В этом году исполнилось тридцать лет сбережения иконы в нашей семье. Это было время всеобщей эйфории, вызванной так называемой «хрущевской оттепелью» и ожиданием «счастливой жизни», поскольку, как было объявлено новыми вождями страны, «нынешнее поколение будет жить при коммунизме». На старой квартире во флигеле дворца, уезжая, побросали все связанное с прошлым.

В этой новой жизни места для нашей иконы также уже не находилось. И вообще было понятно, что такая икона не для современной квартиры и место ей в церкви. По общему согласию было решено отдать икону в ближайший храм, которым оказалась Серафимовская церковь, та, что на Серафимовском кладбище.

И вот 25 августа 1959 года моя мама, Тамара Дмитриевна, отнесла икону как пожертвование в Серафимовскую церковь, о чем у нас сохранилась расписка: «Дана Баданиной Т. Д. в том, что от нее получена икона Казанской Божией Матери в серебряной ризе и киоте. Пом. старосты» и подпись «Сидорова».

Все последующие отпевы, крестины и венчания наших родных происходили здесь, в этом правом Александровском пределе, напротив некогда «нашей» Казанской иконы.

Сама же история иконы и ее связь с Домом Романовых по-прежнему оставалась тайной нашей семьи.

Осень 1959 года.
Автор со своей мамой
Тамарой Дмитриевной
после возвращения иконы
Церкви

Расписка о принятии в дар
иконы, полученная моей
мамой, Т. Д. Баданиной,
в Серафимовской церкви
25 августа 1959 года

НАДГРОБНЫЙ МРАМОР

На парижской открытке 50-х годов XX века – монастырская больница «Сестер августинок де Мо» по адресу 16, rue Oudinot. Именно здесь 23 января 1952 года в 15 часов 50 минут скончалась Светлейшая Княгиня Наталья Сергеевна. В наше время несколько сестер-монахинь, которые ухаживали за Натальей Сергеевной, проживают в доме престарелых городка Мо близ Парижа

Кладбище Пасси.
Мраморный крест
на могилах
Натальи Сергеевны
и князя Георгия.
Фото 2011 года →

Наталья Сергеевна заболела в конце 1951 года. Она все так же жила в своем последнем «дворце» – в крошечной чердачной мансарде в аристократической части Парижа, районе № 7, на рю Месье. Онкологический диагноз болезни привел ее в больницу для бедных, окормляемую католическими сестричеством «монахинь-августинок Мо». Несостоявшаяся последняя российская императрица Наталья Сергеевна тихо скончалась 23 января 1952 года.

Церковная община собрала деньги на похороны. Вопросов с местом захоронения не было – участок рядом с могилой сына Георгия был выкуплен заранее. Над могилами установили лишь деревянный православный крест, поскольку на надгробную плиту средств не хватило. Шли годы, и неухоженные могилы Натальи Сергеевны и Георгия ветшали. Стирались и надписи с их именами.

Внучка Натальи Сергеевны, Полина Грей, в последние годы помогавшая своей бабушке, сохранила запись беседы со смотрителем кладбища Пасси. Он рассказал, что в 1965 году на кладбище Пасси побывал какой-то приезжий из Советского Союза. Уходя, он зашел в их кладбищенскую контору и сказал: *«Передайте всей русской эмиграции, что грощ им цена, если они допустила такое ужасное состояние могилы жены и сына Михаила Романова».*

Осталось неизвестным, кто был этот человек и почему ему было дело до этой могилы, но слова представителя ненавистного «советского режима» дошли до Главы Российской Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича. Собрали средства, и вскоре могилу украсили солидные плиты и крест из темно-зеленого мрамора. Надпись на плите гласит: *«Fils et Epouse de S. A. I. Grand Duc Michel de Russie» («Сын и супруга Е. И. В. Великого Князя Михаила Российского»).*

ПАМЯТЬ

ейчас мы так и не знаем достоверного места последнего упокоения Великого Князя Михаила Александровича Романова, где можно было бы достойно почтить его память. Неоднократные поиски захоронения, предпринятые в районе Пермской «Мотовилихи», результатов не дали.

Но у нас есть могила его законных жены и сына – его плоти и крови. Для каждого христианина Таинство церковного Брака означает *«венчание в плоть единою»*. Другими словами, Михаил и Наталья, соединившись в Браке, стали *«два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает»* (Мк. 10, 8; 9). Потому и статус этой могилы на кладбище Пасси много выше, чем тот, о котором свидетельствует надгробная надпись. Здесь, в центре Парижа, мы можем полноценно поклониться не только самым дорогим для Великого Князя людям, но и самому Михаилу Александровичу Романову. Кто знает, может быть, в том и состоит Промысл Божий, не открывающий нам места могилы на Сибирском тракте Перми и призывающий всех приехать и помолиться здесь, в Пасси.

И, конечно же, моленная икона Великого Князя, «Казанская-Площанская», что в церкви преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга, ждет к себе каждого радетеля памяти Семьи Романовых, и никто не уйдет от нее не утешенным. Вспомним этот удивительный ее трехсотлетний путь от первого царя Дома Романовых Михаила I, благословившего этой иконой Площанскую пустынь, до последнего царя Дома Романовых Михаила II, молившегося у этого образа до самого убийства своего Крестным путем к мученической кончине.

Думается, что если бы Михаил Александрович имел время и возможность отставить нам свои прощальные наставления, то он повторил бы слова своего венчального брата-страстотерпца Николая Александровича, записанные Великой Княгиней Ольгой: *«Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь...»*

ЭПИЛОГ

огда случилась февральская революция, то семьи всех дворцовых служащих оказались в бедственном положении. Все денежные выплаты были прекращены. Обыватели стали жаловаться в соответствующие «комитеты», и, вот, спустя три месяца было дано распоряжение: в качестве зарплаты разобрать дворцовое имущество. Дворец к тому времени уже был разгромлен «революционными матросами» и ограблен бесчинствующими толпами, но после периода полной анархии Степан Никитич сумел восстановить сохранность дворца и многое из предметов интерьера уцелело. Эти вещи были розданы служащим дворца, и так в нашем доме, помимо спасенной ранее иконы Великого Князя, оказались некоторые его вещи. Этот факт пребывания его моленной иконы, его вещей в нашей квартире порождал ясное чувство заочного, таинственного общения с Михаилом Александровичем, что, конечно же, не могло не оказать особого, благотворного влияния на духовную атмосферу в нашей семье. Многие дорогие и памятные из тех предметов, увы, потом пропало в блокаду. Немало было бездумно брошено при переезде на новую «благоустроенную» квартиру в «хрущевские» времена.

Но все равно что-то оставалось и то, что называют «аурой», духом той эпохи, духовной силой тех людей продолжало пребывать в их вещах и воспитывать нашу семью.

Хранительницей «домашнего очага» и семейных преданий, конечно же, была наша бабушка Мария – Маруся Пименова. Надо сказать, что в Марии Степановне удивительным образом навсегда сохранилась некая неизбывная печаль, тоска по той, ушедшей дореволюционной жизни. Это стремление обрести утраченное, во многом определило весь внутренний настрой ее жизни, ее манеру поведения, ее внутренние нравственные установки. Конечно же, этот дух, это устремление к возвышенным образцам, в полной мере воплотила и ее дочь – наша мама, а впоследствии и мы с братом, – ее внуки.

Мария навсегда сохранила в себя яркие впечатления от общения с тем, навсегда исчезнувшим в специфическом советском быте духом Высшего света, образом жизни российской аристократии. Все это в первую очередь было

Потомки хранителя иконы на кладбище Пасси в Париже. За время написания книги на могильной плите появилась надпись на русском языке, мраморный крест украшен бронзовым двуглавым орлом и теплится лампада

связано с Великим Князем, с его супругой Натальей Сергеевной, со стилем их поведения, манерами людей окружавших его, их одеждой, вкусами, дворцовой обстановкой и тому подобным, что навсегда осталось для Маруси Пименовой высшим идеалом, тем к чему она старалась всячески приблизиться сама и приблизить жизнь своей семьи.

Тайна иконы Великого Князя соблюдалась в нашей семье долгие десятилетия. Время рассказать это семейное предание наступило лишь тогда, когда в полной мере были явлены многие важные Божественные смыслы, сокрытые в этой истории. И когда все нынешние потомки верного слуги Великого Князя, Степана Пименова в полной мере обрели, наконец, утраченное главное сокровище своих предков – Православную веру, и получили право прикоснуться к этой святыни, отдать дань памяти и исполнить свой долг.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Казанская икона Божией Матери	6
1888–1918	8
«Единожды на всю жизнь»	10
Младший сын Михаил	13
На императорском флоте	16
Редкий образец	18
Минный кондуктор Пименов	20
Гвардейский офицер Романов	24
Степан Никитич	28
В Гатчине	30
Сестра Ольга	32
Куликовские-Романовы	34
Наталья Шереметьевская	36
Память о брате	38
Икона Площанской пустыни	40
Музыканты и кирасиры	42
Постные искушения	44
Мысли и чувства	46
Ситуация	48
Поручик Вульферт	51
Прошлое	52
Копенгагенская сказка и петербургская реальность	54
Император	57
Черниговские гусары	59
Дворец на Английской набережной	62
Планы на Петербург	63
Судьбоносная встреча	66
Рекомендации	67
Мясников	70
В кавалергардах	71
Венчание	78
Чудеса	82
Потрясение	85
Покинутая царская семья	86

Страницы из дневника императора за 1907 год	90
Опала	91
Возвращение	94
Дикая дивизия	95
«Я вне боя...»	97
Госпиталь на набережной	100
Свидетельства современников	101
«Яко дни лукавы суть»	103
«Фотограф-художник»	105
В Брасово	106
Отречения, которых не было	109
Император Михаил II	112
Февраль 1917 года	114
Спасение святыхи	115
В Перми	116
Пасха 1918 года	117
Заговор	120
Последние дни	121
Злодеяние	124
Владыка Андроник	126
Известие	127
Аресты	129
Последние крохи счастья	131
Наши церкви	133
Последний сын последнего императора	134
Спас-на-Водах	136
Долг и мужество	138
Страх	140
Гонение на икону	141
Кладбище Пасси	143
Капитал Степана Никитича	144
Возвращение	145
Последний «дворец»	147
Решение	148
Надгробный мрамор	149
Память	150
Эпилог	152

Епископ Митрофан (Баданин)

ИКОНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Сказание о Великом Князе
Михаиле Александровиче Романове
и его моленной иконе Божьей Матери Казанская,
что ныне пребывает в церкви преподобного Серафима Саровского
на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга

Дизайн и оригинал-макет: Ольга Колчина

Подготовка иллюстраций: Павел Карпов

Корректор: Екатерина Черкасова

ISBN 978-5-86983-105-7

Подписано в печать 12.07.2017.

Формат 72x52/12. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 3000 экз. Печать офсетная.

Издательство «ЛАДАН»: Санкт-Петербург
тел./факс +7 (812) 334 13 60, 334 13 70;
e-mail: Ladan_SPb@mail.ru; Книга – Почтой: www.LadanSPb.ru

Приобрести книгу можно на оптовом складе издательства:
Санкт-Петербург, ул. Белоусова, 6 (м. «Кировский завод»); тел. +7 (812) 785 20 04

Отпечатано в типографии «Моби Друк»: Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
тел./факс +7 (812) 572 21 21, 315 19 32; www.MobyPrint.ru

Епископ Митрофан (Баданин), правящий архиерей Североморской епархии. Кандидат богословских наук, член Союза писателей России.

Родился 27 мая 1953 года в городе Ленинграде. Потомственный военный моряк. В 1976 году окончил Высшее Военно-морское командное училище и в звании лейтенанта ВМФ убыл на службу на Северный флот. С 1979 года в должности командира корабля и в дальнейшем командовал кораблями различных классов. С 1988 года на штатной работе. В 1992 году окончил Военно-Морскую академию им. Адмирала Кузнецова Н. Г. В 1997 году демобилизовался по сокращению в звании капитана 2 ранга.

В 2000 году принял монашеский постриг с именем Митрофан и рукоположение в священный сан. В течение 13 лет служил в отдаленном поморском селе Варзуга, что на берегу Белого моря.

Автор многих книг и публикаций по богословию, истории Крайнего Севера и проблематике агнографического наследия Церкви.

В ноябре 2013 года рукоположен во епископа Североморского и Умбского.

На фото: Впервые раскрытая тайна иконы.

Выступление игумена Митрофана (Баданина) на Первой научно-исторической конференции, посвященной памяти Великого Князя Михаила Александровича в его дворце на Английской набережной 19 мая 2010 года.

На экране: фотография хранителя иконы, управляющего дворца С. Н. Пименова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЛАДАН»